

Санкт-Петербургский государственный университет
Философский факультет
Кафедра культурологии
Кафедра философской антропологии
Центр «СОФИК»

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 13

Издательский Дом

Санкт-Петербургского государственного университета

2009

ББК 71.0
П 18

Главный редактор М. С. Уваров

Редакционная коллегия: д-р филос. наук Н. В. Голик; д-р филос. наук П. М. Кольчев; д-р филос. наук Б. В. Марков; д-р филос. наук В. Н. Сагатовский; д-р филос. наук Е. Г. Соколов; д-р филос. наук Ю. Н. Солонин; д-р филос. наук Е. Д. Сурова; д-р филос. наук Н. Х. Орлова (отв. ред. выпуска)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 13 /
П 18 Отв. ред. выпуска Н. Х. Орлова. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,
2009. - 200 с.
ISSN 1818-734X

В очередном выпуске альманаха (вып. 12 вышел в 2009 г.) публикуются материалы Международной научной конференции «Мужское и мужественное в современной культуре», которая проходила в Санкт-Петербургском государственном университете 4-6 марта 2009 г., а также проблемные статьи и рецензии на новые книги.

Предназначен для работников высшей школы, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется актуальными проблемами современной философии и культуры.

ББК 71.0

ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2009
© Философский факультет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сташжунас А. А. Исторические парадигмы мужского и мужественного в европейской культуре	5
Демидова О. Р. Мужество быть собой: парадигма мужественности в постсоветской культуре	20
Орлова Н. Х. Целибат как отказ от муж(ест)ества	32
Евлампиев И. И. Мужская и женская любовь в художественном мире Ф. Достоевского (на материале раннего творчества)	42
Панов С. В., Ивашкин С. Н. Фигура холостого агента, иллюзия сублимации и сценография литературы (к проблеме «полового различия» в литературном письме Кафки и Пруста)	58
Серов Н. В. Отцы, культура и дети	71
Науменко А. С. Кто научит мужчин быть хорошими отцами?	82
Алексенко Т., Малышева Н. Переживание собственной сексуальности гомосексуальными и гетеросексуальными мужчинами среднего возраста	92
Кульсеева Т. Г. Проблемы здоровья мужского населения Курской области	99

ОПЫТЫ

Латина С. В. Гендерные стереотипы в современных гуманитарных науках (на материале научных публикаций Дальнего Востока)	104
Степченко Е. С. Преодоление иерархии гендерных различий в романе М. Фриша «Номо Faber»	116
Фалева Е. А. Нагота как элемент общества потребления в современном западном кинематографе	123
Пырьянова О. А. Мифологизация сексуальности: возможность отказа от толерантности	132

ОСОБЕННОЕ

- Колычев П. М.** Мужское и женское в начале
и конце культуры 142

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

- Неожиданная ожидаемая книга.** Орлова Н.Х. Антро-
пология пола и брака в христианстве: Монография.
СПб.: Изд-во «Миръ», 2006. – 305 с. 169
- Новая книга словацких коллег.** Musicologica
Istropolitana VI., Stimul, Братислава: Изд-во Marta Hul-
ková, 2007 – 265 с. ISBN: 978-80-89236-43 173

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 177

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Сташкунас

Исторические парадигмы мужского и мужественного в европейской культуре

На современном этапе ясно прослеживается тенденция развития междисциплинарных исследований, которые являются частью культурного диалога. Среди междисциплинарных феноменов современного теоретического знания особое место занимают гендерные исследования. Актуальность их связана с активным процессом социализации личности, а также важностью осознанного подхода к тем культурным ценностям и ориентирам, которые предлагает нам традиция.

В настоящее время в отечественной науке преобладают исследования феномена женственности, что вызвано развитием в нашей стране, хоть и не слишком бурными темпами, феминистского дискурса. Работа в области осмысления понятий мужского и мужественного еще только началась.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на кажущуюся однозначность понятий, а также наше ощущение традиции, прочной связи современного этапа понимания гендерного смысла мужественности с многовековой историей, некоторые аспекты видоизменения мужественного и его проявлений утрачиваются в массовом сознании, но остаются в различных памятниках материальной культуры, в том числе в изобразительном искусстве. Эти памятники хранят прежние смыслы и требуют соответствующего прочтения.

Мы можем с достаточной долей убедительности говорить о содержании понятий мужского и мужественного, начиная с эпохи бронзового века. Это позволяют нам сделать как археологический материал, так и лите-

ратурные памятники.

Однако еще интереснее было бы создать версию парадигмы существования этих понятий в более ранние периоды. Несмотря на активное развитие современных теорий, отрицающих возможность матриархального этапа человеческой культуры, абсолютно достоверно доказать эту или иную точку зрения не представляется возможным.

Основанием для отрицания матриархата в отечественной науке стала теория В.А. Геодакяна. Он, совершенно справедливо утверждая, что «социальная концепция пола должна строиться на естественной биологической основе»¹, объявляет биологической основой женского пола адаптивность, а мужского – креативность, основываясь на кибернетическом принципе сопряженных подсистем, применимом ко всем эволюционным системам, которые повышают свою устойчивость, разделяясь на оперативную и консервативную подсистемы.

Однако, даже согласившись с автором (критика теории которого представлена в книге И. Кона²), можно представить традиционную культуру, основанную на адаптивности, что не противоречит и несравненной продолжительности палеолита и мезолита, демонстрирующих устойчивость культуры на протяжении десятков тысячелетий.

Как в научной, так и в художественной литературе неоднократно делались попытки вычленить остаточные элементы матриархальной культуры, сохранившиеся среди архетипических образов, обрядов и обычаев, древних мифологий и сказок. Пик исследований в данной области приходится на вторую половину XIX в. Л.Г. Морган, И. Бахофен, Ф. Энгельс, выводы которых в 30-е годы XX в. Б. Малиновский назвал «фантастическими эволюционными схемами»,³ собрали большой фактический материал и предложили свою аргументацию. В настоящее время не принято даже употреблять термин «матриархальный», что, однако, не делает

функционалистские доводы Малиновского абсолютной истиной. Функционалисты, в свою очередь, были раскритикованы неозволюционистами во главе с Дж.П. Морганом, основателем метода кросс-культурных исследований. Сторонники этого метода предпочитают говорить о матрилинейности, считая, что поскольку матриархат исследованиями не зафиксирован, то рассуждать на эту тему ненаучно.⁴

В то же время если возможна теория Геодакяна, то в равной мере нельзя оспаривать права на существование сочинения Бахофена: оба они обращаются к этапу, навсегда ушедшему в прошлое, и немецкий исследователь может представиться наивным скорее в своей скрупулезности, чем в степени владения античными источниками, свойственной историку классической школы.

Археологический материал можно истолковать по-разному, но несомненно, что для палеолита характерны, помимо наскальных изображений животных и знаков, статуэтки «венер», в то время как мужских статуэток не существует. Любая изобразительная деятельность является визуализацией занимающего воображение образа, важного по тем или иным причинам. Важность именно женского образа для данной эпохи несомненна, и свести его анализ как памятника синкретической культуры к рассуждениям о полоролевых функциях, о женском как статичном, а мужском как динамичном начале невозможно. Именно это делает малоубедительной трактовку М.С. Кагана, который в качестве подкрепления своей позиции выстраивает единый зрительный ряд из изображений граветтского периода (ок. XXV тыс. до н. э.), эпохи мадлен (XII тыс. до н. э.) и мезолита (VIII тыс. до н. э.).⁵ Венера Виллендорфская, Венера из Костенок, Венера из Леспюг – образ, символ женского, совершенно исключительный в истории искусства – должны рассматриваться самостоятельно. При несомненной телесности женское выступает отнюдь не в своей эротической составляющей.

Эти уникальные изображения выпадают из привычного для нас объектного отношения художника к модели. Женское тело как объект вожделения – тема всего искусства Древнего мира, средневековья, Нового и Новейшего времени. Наш глаз приучен к трактовке женщины как сочного и нежного плода. Палеолитические «венеры» – не объект желания ваятеля и зрителя. Стремление скрыть черты лица (иначе невозможно истолковать деятельность первобытных художников, которые мастерски создавали особенности головы различных животных, уделяя внимание деталям и особенностям) свидетельствует о том, что объект не должен быть изображен (так как, например, является слишком тайным), либо объект не поддается изображению, как не поддается изображению бог ислама или иудаизма. Аналогичного мнения придерживается В.Б. Мириманов,⁶ который делает вывод о культовом характере статуэток.

Представления о богине-матери всего сущего, об опасной женщине-властительнице и в настоящее время активно эксплуатируются в искусстве. Гораздо интереснее было бы проследить, какую функцию выполняет в таком случае мужчина и какими чертами он должен быть наделен. В любом случае теория окажется гипотетической, а ее создание потребует тщательности Бахофена, энциклопедизма и фантазии Фрезера.

Специфика становления патриархата, разумеется, тоже носит дискуссионный характер. Однако в любом случае этот переход должен был оказать воздействие на набор признаков новой формирующейся мужественности. Соответственно, по характеру этих качеств можно судить о том, каким был этот переход.

Бронзовый век с его культом вождизма и исчезновением женских образов в изобразительном искусстве демонстрирует желание исключить женщину из всякой значимой для культуры деятельности, вообще из духовного контекста эпохи. Налицо желание лишить ее каких-либо признаков власти не только над окружаю-

щим, но и над самой собой. Каким образом это могло быть осуществлено? Агрессия, сила, воинственность – качества военного вождя, культивируемые всем последующим ходом эволюции маскулинности, – неизбежные спутники этого переворота. Его насильственный и жестокий характер подтверждается и тем постоянным дальнейшим контролем над женщиной, который демонстрирует нам история.

Мужчина, для того чтобы освободиться от тотальной власти жизнетворческой функции женщины, противопоставляет ей на данном этапе опять-таки физическое преимущество – силу, которая при помощи агрессии становится источником освобождения.

Роль социальной агрессии и впоследствии будет одним из краеугольных камней патриархальной системы власти, и поэтому столь неубедительными выглядят попытки представить насилие в семье компенсаторным поведением нереализованной в профессиональном или экономическом смысле мужественности. Механизм насилия в семье был запущен гораздо раньше, чем большинство техник господства мужчины и является глубоко укорененным в традиции. Несмотря на попытки современного общества представить насилие в семье как исключительное и негативно расцениваемое событие, практика показывает нам иное: наибольшей девальвации подвергается именно социальный статус женщины, которая решается обнародовать ситуацию. Резонанс является примерно следующим: она допустила (?) к себе такое отношение, она спровоцировала подобное поведение, она не сумела сохранить семью, не сумела правильно воздействовать на супруга и изменить (!) его. По отношению к мужчине толерантно не только общественное мнение, но и в определенной степени закон.

Агрессия как важнейший признак маскулинности и высокого социального статуса закреплена и в образах изобразительного искусства железного века. Так называемый звериный стиль является олицетворением не-

обходимых военному вождю качеств – силы, кровожадности, неустрашимости. Яростно раздутые ноздри, широко открытые зоркие глаза, оскал, показывающий острые клыки, мощные когтистые лапы хищника всегда подчеркнуты в произведениях прикладного искусства различных культур железного века. Большое распространение получили сцены терзания хищником травоядного. Ярким примером может служить скифская культура. Обширный археологический материал, собранный в Крыму и на Кавказе, на территории Иранского нагорья (Зивие, Марлик) и в Пазырыкских курганах на Алтае, подтверждается текстом Геродота, что позволяет с достаточной долей уверенности определить характер скифской культуры как культуры воинов.

Не только агрессия, но и бесстрашие является качеством, которое культивировалось как основополагающий признак мужественности на протяжении тысячелетий. Культура стоического отношения к боли и смерти присутствует у всех народов на первобытных, и не только, стадиях развития, она закреплена в обрядах инициации, в литературных источниках. Вся мировая художественная литература пронизана рефлексией мужчины по поводу идентификации, отождествления себя с искомым образцом, поисками его смысла. В различные исторические периоды приводятся различные обоснования, побудительные причины и обстоятельства, в которых бесстрашие должно проявиться.

Такого рода бесстрашие никак не требовалось от женщины, и подобные примеры всегда воспринимались как редкое экзотическое исключение (например, Надежда Дурова⁷). Это, однако же, не означает, что бесстрашие и способность пожертвовать собой генетически сцеплены с полом (так же как невозможно отрицать, что агрессия в равной мере присуща и мужчинам, и женщинам⁸). Реакция на внешний раздражитель в виде пограничной ситуации проявляется спонтанно, без контроля сознания и, как представляется, имеет

биологическую природу, не связанную с половой принадлежностью.

Прямым продолжением поведенческого комплекса военного вождя доисторических эпох является кодекс доблести феодала, аристократа, изживший себя в XIX в.⁹ Однако на первоначальном этапе той институции, механизм действия которой позволил мужчине в корне изменить ситуацию и установить свое господство, оказался именно военный союз.¹⁰ Развитие иерархической пирамидальной структуры, свойственной мужским сообществам, и сейчас служит опорой для освоения социальной действительности, определения своего места в социуме и, в числе прочего, для овладения контролем над женщиной, подавления ее попыток освободиться от власти мужчин. Данный механизм в настоящее время действует уже автоматически, вне личностного контроля, включаясь на ранних этапах формирования личности.

Например, структура школьного коллектива, где мальчики и девочки существуют достаточно автономно, не только запускает механизм презрительного отношения к ровесникам противоположного пола, но и сопровождается определенной утратой мальчиками ощущения полноценности матери, в то время как полноценность отца девочками сомнению не подвергается. Особенно интересно прослеживаются такие процессы у мальчиков, воспитываемых матерями без отца. Не имея возможности получить серьезный импульс понижения мужского как высшего и женского как низшего в семье, такие сыновья попадают в ситуацию, когда очень явно и быстро появляется мотивация установления террора в семье, причем терроризируемая мать, вовлеченная в патриархальную систему ценностей, зачастую теряется, поощряя тем самым диктат ребенка.¹¹ Мать парализует чувство вины, которое возникает у такой женщины вовсе не из-за отсутствия супруга, а из-за отношения к этому факту общества.

Современная позиция выглядит следующим обра-

зом: в неполной семье мальчик не может обрести гендерную идентичность, и поэтому ему сложно стать полноценным членом социума, так как он не в состоянии создать впоследствии нормальную семью, не наблюдая соответствующего образца. Таким образом, якобы отказавшись от репрессивных мер по отношению к одиноким матерям, общество осуществляет давление и не дает возможности ни женщине, ни ее ребенку ощутить себя полноценно без отца. В современных условиях институционального краха семьи вышеназванные утверждения выглядят особенно абсурдными.

Гораздо важнее, что в действительности отец присутствует всегда, даже тогда, когда его нет. Фигура отца мистифицируется, наполняется соответствующим содержанием вне или внутри семьи, и мать, утрачивая свой авторитет, уже не может убедительно руководить, даже если это необходимо. Какими смыслами и качествами наполняется образ имперсонального отца? Несомненно, прежде всего маскулинностью в том виде, в котором она закреплена в гендерном стереотипе. Сравным успехом эту установку, гипертрофированную фактом мистификации, можно обвинять в несостоятельности. Даже если допустить, что гендерная идентичность вырабатывается исключительно путем мимесиса в семье, разве мужчина, обладающий феминными в современном понимании качествами (нежность, заботливость, самоотверженность, способность к эмпатии), не может стать мужем и отцом?

Наоборот, именно мужественный мужчина оказывается теперь неспособным создать функционально убедительную стабильную структуру семьи. Стремление к обладанию престижной женщиной, отсутствие в заработной плате прежде существовавшей скрытой надбавки на содержание детей и неработающей супруги при отсутствии строгого массового правового и морального запрета на развод подрывают основы системы семьи и брака, так как особо гармоничной она не была, по-видимому, и в прошлом. Недовольство муж-

чин из-за трат на содержание семьи, протест женщин против собственной экономической несостоятельности, против произвола мужчины в семье, алкоголизма, возведенного в социальный институт, существовали и прежде. Но только теперь возросшие возможности заработка для женщин и ориентация общества на молодость как на важнейший критерий состоятельности личности стали способствовать снижению и ослаблению роли деспотизма отца. Однако снижение материальной и моральной ответственности мужчины за семью освободило последнего не в меньшей степени. Таким образом, мать с ребенком (пока он ребенок) начинают существовать отдельно, а мужчина отдельно, что намечает иную схему организации воспроизводства, чем в патриархальной семье.

Фемининный мальчик тоже впоследствии может оказаться несостоятельным отцом семейства именно в силу травмирующего воздействия социального стереотипа, вызывающего внутренний конфликт и стремление избавиться от внешнего его источника.

Самодовлеющая фигура маскулинного отца разрушительно действует в обоих случаях, но с древнейших времен и до наших дней она служила и служит средством избавления от власти матери.

По-прежнему существуют и различные мужские сообщества, которые поддерживают молодого формирующегося мужчину на пути отделения от власти матери, от власти женского.¹² Маргинальные виды подобных союзов особенно близки к формам организации и практикам своих первобытных прототипов.

Деструктивное поведение, террор по отношению к населению прежних мест проживания свойственны как первобытным сообществам¹³, так и современным. Они тоже соорганизовываются в пирамиды, вступление в них сопровождается ритуалами инициации и вовлечением в практики маскулинного поведения. Взамен создается ощущение востребованности личности, чувство локтя, столь животрепещуще необходимое в

период созревания. Сообщество имеет свои тайны, кодекс чести и подталкивает всех своих членов к совершению поступков, идущих вразрез с социальными нормами (преступления против собственности, против личности). При этом демонстрируется бесстрашие, презрение к опасности, сила и различные виды агрессии, жестокость. Речь идет, разумеется, не только о криминальных сообществах, но и о различных молодежных союзах. Тайный союз мужского сообщества¹⁴, который, по мнению Ю. В. Андреева, выделился как возрастной из более раннего, основанного на естественном разделении труда, таким образом, продолжает свое существование и в наши дни. То, что агрессия направлена в подобных случаях не только против женщин, позволяет Андрееву не считать антиженскую направленность определяющей чертой подобных сообществ, однако важно подчеркнуть, что все же только женщины терроризируются именно за принадлежность к своему полу. Участие женщин в тайных союзах, к которому апеллирует Ю. В. Андреев, может рассматриваться как исключение. Кроме того, на поздних стадиях (с развитием системы патриархата) носителями патриархальных ценностей, и в том числе понимания мужского как высшего, а женского как низшего начала, становятся не только мужчины, но и женщины. Это мы видим и в современной ситуации: наиболее яростными защитниками традиционных воззрений являются представительницы «слабого» пола.

Тесно связаны с традицией мужских военных союзов и отношения военного братства, которые наделяются особыми свойствами. Вариантом таких отношений является мужская дружба, которая по определению должна быть важнее, выше, чем отношения с женщиной. «Мужское товарищество и дружба остаются предметами культа и ностальгии».¹⁵

Способы поддержки групповой общности были на протяжении истории разными. К древнейшим и актуальным до сих пор относится традиция совместных за-

столий и употребления наркотических, опьяняющих веществ. Современная реклама пива живет за счет эксплуатации стереотипов мужской дружбы, мужественности. Древнегреческие сисситии, на которых обсуждались вопросы общественного значения, или корпоративные мероприятия наших дней связаны с возлияниями, дающими чувство эмоционального объединения так же, как и обряд совместного употребления сомы в индо-иранских племенных группах. Такой обряд находит сверхреальные источники родоплеменной или иной общности – благословение богов, покровительство высших сил, проникновение внеличностных, внеиндивидуальных высших принципов.

Средства, изменяющие сознание, использовались для получения информации, лежащей за пределами рационального опыта, в разных культурах. Институт орacularов и шаманство давали представление о будущем, о сверхчувственном мире, об устройстве мироздания и необследованных еще участках окрестностей. Как источник одной из самых больших ценностей человеческой культуры – информации такие средства должны были рано или поздно сосредоточиться в руках доминирующей группы: в условиях патриархата – мужчин. В современных условиях молодой мужчина в европейской культуре проходит обязательную инициацию алкоголем. Без этого невозможны ни дружеские контакты, ни военное братство, ни вообще присутствие в социальной группе сверстников. Думается, нет смысла приводить в статье аргументы, доказывающие, что здоровый юноша, утверждающий, что он не пьет, никогда не пил и пить не хочет, должен быть отвергнут стереотипной реакцией большинства. Собственно, подобный персонаж не может даже появиться, так как в процессе социализации и инкультурации молодой человек сам воспринимает определенные нормативы, связанные с гендерной идентификацией, даже если в семье иные принципы. Именно поэтому вопрос мужского алкоголизма, который еще в середине XIX в. так страстно

поднимала Энн Бронте, не может быть решен указанным английской писательницей способом.¹⁶ Поэтому вместо свободного выбора мужественности начинает действовать естественный отбор, и в условиях тотальной алкогольной инициированности лишь генетический код определяет, насколько резистентным является данный организм.

Особый ужас, который общество испытывает перед женским алкоголизмом (мужской имеет право на существование), обосновывается тем, что первый – неизлечим. Но неизлечим любой алкоголизм; воздерживающийся от приема остается зависимым. Отвратительные последствия этой зависимости общеизвестны. Тем не менее в сознании большинства проблема мужского алкоголизма связывается прежде всего с собственным правом на употребление спиртных напитков, а не с тем, что при установившейся норме мужественности общество просто вынуждено быть толерантным к мужскому алкоголизму и его последствиям.

Итак, институционально переход от матриархата к патриархату осуществился при помощи военного мужского союза, а духовно, морально-этически – за счет культивирования отцовства, заменившего культ матери. От последнего осталось практически словесное утверждение, что мать – это святое, не подтверждаемое практикой жизни в обществе, ориентированном к тому же на молодежь и новацию. С развитием письменности, книгопечатания, а затем и других, более тотальных средств передачи накопленной информации общество перестает нуждаться в старшем поколении как носителе культурного опыта. Дети, при полном одобрении социального окружения борющиеся за свою самость, разрушительно воздействуют на мать, часто не отдавая себе в этом отчета. Эксплуатация сыновьями матерей является важной темой в искусстве американских художниц. В настоящее время огромное количество социальной и популярной литературы паразитирует на теме внутренних конфликтов личности, заложенных

контактами с родителями. Несоизмеримо меньше интересует человечество вопрос о воздействии выросших детей на внутренний мир людей старшего возраста. Позиция эта ничем не лучше и не хуже древнегреческой традиции детоубийства: ребенок представлялся объектом несовершенным, малоценным. Старик может цениться (традиционное патриархальное общество) и не цениться, но пожилая мать всегда имеет низкий социальный статус, и если и имеет авторитет, то только у младших женщин. Греческая скульптура вплоть до эпохи поздней классики не занималась изображением детского тела. Забавный пример «Гермеса с младенцем Дионисом» Праксителя убеждает нас в том, насколько чужды были подобные задачи эллинскому сознанию. Аналогично, скульптура патриархального общества не занимается темой старческого женского тела. На вопрос «Что в целом отвратительнее физически – старик или старуха»? – студенческая аудитория дружно дает однозначный ответ. Этот ответ лежит вне понимания телесного как греховного, коренится в гораздо более глубоких слоях прошлого человеческой культуры.

«Детство» Горького дает нам очень убедительный образ идеальной бабушки. Добрая, мудрая, нежно понимающая все живое, заботливая, она обладает бесконечным терпением. Яростное осуждение, ненависть вызывает у маленького героя дед, его безнравственность, жестокость, дикие вспышки агрессии, однако к себе автор подобных претензий не предъявляет. Побирающаяся нежно любимая старуха – предмет любования, но не объект помощи. В себе автор любит удачу свободного перемещения по жизненному пространству, в чем видит признак мужественности. Таким образом, мы фиксируем, как смена половозрастной группы смещает акценты, и Каширин оказывается писателю ближе и понятнее, чем бабушка, когда Горький видит его глазами не ребенка, но юноши.

Это не означает, разумеется, что в патриархальном обществе забота о матери исключается. В «Махабхарате»

те» вербально зафиксирована моральная норма: «и муж осуждаем, жену разлюбивший, и сын, овдовевшую мать позабывший...». Однако во вставной новелле о Саврити, которой принадлежит данная цитата, именно матерям уделяется наименьшее внимание. Мать царевны вообще не упоминается, мать же Сатьявана - самый безликий персонаж. Таким образом, уже на этом этапе практика отличается от теории.

Отец берет на себя функции заботы о потомстве, причем предполагается, что он это сделает лучше, чем мать. Он физически может обеспечить более благоприятные условия для жизни и является носителем главных культурных ценностей своего времени, которые и передает как мужским, так и женским потомкам. Отцовская забота носит двойной характер - материальный и духовный, заполняя все сферы культуры.

Можно сказать, что основные нормы мужественности: статуса, твердости и антиженственности сложились уже в первобытный период.

Обзор некоторых древнейших по времени своего возникновения аспектов маскулинности, актуальных и на современном этапе, показывает, что многие социальные проблемы не могут быть рассмотрены односторонне, без учета их глубокой укорененности в традиции, которая, однако, не только не может разрешить эти проблемы, но и зачастую их усугубляет.

¹ Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М., 1989. С. 171.

² Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. С. 34-36.

³ Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005. С. 144.

⁴ Коротаев А.В. Джордж Петер Морган и школа кросс-культурных исследований. // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 19-74.

⁵ Каган М.С. Се человек... СПб., 2003. С. 39, 89, 90.

⁶ Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973. С.115-120.

⁷ Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. Происшествие в России. Л., 1985.

⁸ Берн Ш.. Гендерная психология. СПб., 2007. С. 109-112.

⁹ Бесстрашные битвы за веру, за Родину, за идею – сравнительно новые концепции, не устаревшие и в наши дни.

¹⁰ Советская этнография чаще всего рассматривала военные союзы как средство борьбы с матриархатом / Токарев С.А. Родовой строй в Меланезии // Советская этнография. 1933. №5-6. С. 24; Народы Австралии и Океании / Под ред Д.А. Ольдерогге и И.И. Потехина. М., 1954. С. 456.

¹¹ Тезис И.С. Кона о том, что на современном этапе совместное школьное обучение подрывает гендерную сегрегацию и «...облегчает взаимопонимание мальчиков и девочек, создавая психологические предпосылки для более равных и кооперативных отношений между взрослыми мужчинами и женщинами в разных сферах общественной и личной жизни» (см.: Кон И. Указ. соч. С. 101), представляется малоубедительным по двум причинам. Первая – высокая степень традиционности и нормативности школы как социального института. Вторая – снижение рождаемости и отсутствие большого количества семей с разнополыми детьми разного возраста. Подобные семьи в прошлом давали гораздо большую почву для установления контактов и кооперативных отношений между полами.

¹² Важно, что самоидентификация мужчины включает компонент доминирования над другим полом. А возможно ли другое решение?

¹³ Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 54-63.

¹⁴ Там же. С. 47-54.

¹⁵ Кон И. Указ. соч. С. 72.

¹⁶ Бронте Э. Незнакомка из Уайлфелл-холла. М., 1990.

О. Р. Демидова

**Мужество¹ быть собой: парадигма
мужественности в постсоветской культуре**

*Мужиков жалеть не надо, но
мужчин нужно беречь*
Народная мудрость

*Вот это мужик – настоящий
герой, мужчина*
Из отзывов о Б.Н. Ельцине

*Я ей не мужик какой-нибудь – я
настоящий мужчина*
Из интервью

При всем кажущемся противоречии друг другу цитированных высказываний их объединяет отчетливо выраженная взаимозависимость концептов «мужик» и «мужчина», причем один неизменно служит фоном для определения (выявления сущности) второго, прямо или от противного. Этимологически это вполне объяснимо: в «Толковом словаре русского языка» зарегистрированы четыре основные смысловые позиции слова «мужик»: 1) устар. «крестьянин в противоположность горожанину»; 2) прост. «то же, что мужчина»; 3) «то же, что муж» в первом значении; 4) устар. «невоспитанный, грубый человек».² Четырехтомный академический «Словарь русского языка» регистрирует еще одно: устар. «работник, выполняющий грязную, грубую работу по дому», напр.: «кухонный мужик».³ Очевидно, что в цитированных речениях эксплицирована некая исходно заложенная в языке символическая парадигма, в пределах которой формируется и функционирует совокупный

современный отечественный миф о мужественности – или миф о настоящем мужчине, – осциллируя между означенными концептами со всем присущим им набором смыслов. Выражаясь метафорически и соотнося вышесказанное с российской культурной традицией, закрепленной в совокупной культурной памяти сообщества, можно назвать этот миф мифом о герое (или героях?) нашего времени – именно таким образом была сформулирована общая тематика лонгитюдного проекта, самые общие результаты которого и сделанные на их основании в первом приближении выводы представлены ниже.

Цель проекта – структурировать бытующие в определенной части сообщества представления о том, что такое «настоящий мужчина», т. е. выстроить некую «героическую» парадигму, в пространстве которой происходит формирование и функционирование мифа; механизмы того и другого и соотношение «мифологической» составляющей с собственно бытийной.

Основополагающими методологическими установками для проекта явились положения о гендере (гендерных отношениях) как поле реализации отношений власти и подчинения, о дискурсе и сущностной специфике и типологии мифа. Миф понимается автором как «разрозненный речевой обиход, который кристаллизуется вокруг разрозненных практик данного общества и символически артикулирует эти практики»,⁴ или как «воображаемое представление о реальности, которое воспринимается как реальность». В любом случае очевидно, что миф выступает как феномен (само)сознания индивида и социума и, соответственно, формируется на трех уровнях: сообщества в целом, отдельных социальных групп и отдельных индивидов. Вектор движения мифа двуедин: как сверху вниз, так и снизу вверх; движение происходит по известной спирали, каждый новый виток которой представляет собой качественно новый уровень (авто)мифотворчества.

Предметом исследовательского интереса в ходе проекта являлось следующее: что именно в рамках означенной («героической») парадигмы и какими способами насаждается по социальной вертикали «сверху вниз»; каким образом насаждаемое (пере)осмысливается и каким трансформациям подвергается на уровне обыденного сознания и жизненной практики; каковы стратегии выстраивания (авто)образа в их соотнесенности с предложенной парадигмой и возможности его экспликации и/или компенсации в заданных бытийных обстоятельствах. Методологически наиболее продуктивными оказались единые для всего исследования семиотический подход и герменевтический анализ («толкование вглубь») текста, понимаемого как в собственно терминологическом, так и в самом широком смысле («текст жизни»).

Аудитория и респонденты. Их круг в значительной мере – но не исключительно – определялся двумя обстоятельствами бытийного и собственно исследовательского порядка: профессиональной принадлежностью и обусловленным ею кругом регулярного профессионального общения автора проекта, с одной стороны, и стремлением зафиксировать и проанализировать происходившую в сообществе смену дискурса, с другой. В самом общем виде круг респондентов подразделялся на две основные группы: коллеги и аудитория, в которой разворачивается их деятельность. Соответственно, первые – это профессорско-преподавательский состав нескольких российских университетов, российских научных библиотек, сотрудники РАН, представители академического сообщества стран ближнего зарубежья. Вторые – студенты разных уровней и разных специальностей, аспиранты, слушатели Института дополнительного образования (т. е. люди постстуденческого возраста, имеющие определенный жизненный опыт и вынужденные в силу обстоятельств дополнять образование или переквалифицироваться).

Таким образом, в проекте оказались задействованы представители нескольких поколений (20-30, 30-40, 40-50, 50-60, 60-...лет) и различных социальных групп, с присущими каждой уровнем образования и ценностной шкалой, определяющими телеологический вектор и спектр стратегий его реализации.

В первой группе – коллеги – преобладали женщины (3/4); во второй гендерная принадлежность оказалась весьма вариативной в зависимости от а) факультета, б) формы образования.

Формат. С первой группой респондентов исследование разворачивалось в пространстве университетской – и шире – академической повседневности: заседания кафедр(ы), заседания ученого совета, посещение занятий, участие в академических мероприятиях различного уровня, работа в совместных исследовательских и издательских проектах, работа в рамках различных грантов как в России, так и за рубежом. Работа со второй группой респондентов велась в ходе лекций, практикумов, спецсеминаров, индивидуальных консультаций в университете и дома.

Временные параметры. Первые зафиксированные наблюдения и интервью были сделаны в первой половине 1990-х годов, последние – в первой половине 2000-х годов; подобная развернутость во времени обеспечила возможность рассмотреть ставшие предметом исследования феномены в динамике и позволяет говорить как о количественной, так и о качественной стороне произошедших изменений.

Тематический спектр вопросов. В зависимости от аудитории / респондента, формата события и истории отношений автора проекта с ним / с нею набор вопросов подвергался определенной корректировке, однако в целом спектр наиболее значимых из предложенных для обсуждения тем сводился к следующим:

- образ «настоящего мужчины», принятый и/или формирующийся в обществе и его соотношение с индивидуальными представлениями / ожиданиями;

взаимозависимость социально-экономического статуса и ощущения себя/партнера «настоящим мужчиной»;

- проблемный круг, связанный с феноменом власти (власть как привилегия настоящих мужчин; распределение ролей и стратегии манифестации власти в социуме и в семье);

- вопросы сексуальности⁵ (стратегии сексуального поведения; сексуальное насилие и сексуальное насилие в семье; до-, вне- и брачные сексуальные отношения; отношение к гомосексуальности);

- мужская сила и слабость; возраст и проблемы мужского здоровья (очевидно, что данный круг вопросов непосредственно связан с вопросами власти и сексуальности).

По этим же параметрам анализировались данные наблюдений, с которыми сопоставлялись результаты анкетирования и интервью, при этом процент семиотических зазоров оказался весьма существенным.

Методика. В зависимости от типа аудитории и формата события использовались следующие методические стратегии:

Наблюдение;

Блиц-опрос;

Опрос (явный – скрытый);

Мини-интервью ;

Развернутое интервью (индивидуальное и групповое);

Беседа (индивидуальная и групповая);

Анкетирование;

Анализ текста и/или события;

Эссе.

Ведущими методами, сквозными для всего исследования, являлись наблюдение, интервью и беседа; методы опрос и анализ текста / события использовались на занятиях со студентами / слушателями; анкеты предлагались студентам / слушателям в начале и конце соответствующего курса, а также коллегам – по желанию; задание / просьба написать эссе на тему «Что такое на-

стоящий мужчина?» предлагались по желанию студентам / слушателям и коллегам.

Общие результаты. Прежде всего весьма показательно распределились варианты реакции респондентов по шкале открытости-закрытости в зависимости от степени открытости-закрытости (анонимности) предложенной формы участия.

Женщины, как коллеги, так и студенты (и особенно слушатели факультета дополнительного образования), достаточно охотно отвечали на вопросы анкет и интервьюера(ов), хотя женщины старшей и средней возрастной групп были более сдержанны в ответах, чем представительницы младшей возрастной группы. Все студентки / слушательницы и значительная часть коллег (более 2/3) согласились написать эссе, при этом затруднения вызывала не тема как таковая, а проблема жанра, с которой многие оказались незнакомы, что потребовало соответствующих объяснений.

Коллеги-мужчины старшего и среднего возраста, как правило, отказывались от интервью и анкетирования, мотивируя отказ нежеланием «быть излишне откровенными»; по этой же причине значительная их часть отказалась писать эссе, «чтобы не раскрываться»; примечательно, что о жанровой специфике эссе речь в случае отказа не заходила ни разу, поскольку задание априорно отвергалось в силу выраженной внутренней негативной установки. В беседах мужчины-коллеги всех возрастных групп отказывались отвечать на вопросы, если те казались им «слишком личными». Другая типично мужская стратегия уклонения от ответа – подчеркнутая «игра в откровенность», вплоть до выраженного эпатажа; некая «маска», долженствующая скрыть «лицо» и способствовать *сохранению* привычного (сложившегося) образа.

Студенты, напротив, в целом достаточно охотно участвовали в интервью, в том числе и групповых, и заполняли анкеты, нередко, впрочем, исходно воспринимая это как некую игру, позволяющую *сформиро-*

вать и/или утвердить в восприятии однокурсников / однокурсниц собственный образ.

Существенную роль играла фразировка вопросов: коллеги, как правило, спокойнее реагировали и готовы были отвечать на вопросы, сформулированные грамматически подчеркнуто «безлично» и/или «неопределенно-лично»; студенты в основном предпочитали «личный» тип формулировки (первый позволяет скрыться за неким аморфным «они», второй – максимально открыться, используя форму «я»).

Однако любой вариант участия (включая отказ) и реакции так или иначе способствовал достижению цели исследования, поскольку позволял судить о выбираемых индивидом стратегиях выстраивания автообраза и механизмах вписывания его в принятую в сообществе «героическую» парадигму.

Для удобства анализа полученные ответы и результаты наблюдений были распределены по нескольким разделам.

А. Стереотипы и роли.

Большинство студентов и коллег-мужчин разделяют традиционалистские убеждения о разделении жизненных ролей и профессий на мужские и женские и считают такое положение дел справедливым, поскольку «так назначено природой». Соответственно, настоящий мужчина – это в первую очередь успешный во внешнем (профессиональном) мире мужчина, хотя показатели успешности у представителей разных поколений различные. Для старшего и среднего поколений значим прежде всего социальный статус как гарантия власти, что, в свою очередь, гарантирует экономическое благополучие, способствующее осознанию себя полноценным мужчиной. Предельный вариант продемонстрирован в ответе «Я чувствую себя человеком, только когда уезжаю по гранту», – т. е. мой статус достаточно высок для получения гранта и повышается благодаря последнему; кроме того, грант – это определенная финансовая неза-

висимость, необходимая для ощущения себя «настоящим мужчиной».

Для представителей молодого поколения первостепенное значение имеет экономическое благополучие, дающее власть и являющееся гарантией высокого социального статуса. Иначе говоря, максима «мужчина должен быть в состоянии содержать семью, иначе это не мужчина» признается всеми, однако пути к ее превращению в жизнь предполагаются различные.

Распределение ролей в семье выглядело таким образом: большая часть респондентов обоих полов являются сторонниками традиционного распределения ролей - работающий муж и неработающая жена (хотя в реальной действительности жена / подруга / партнерша у всех респондентов работают, а партнер / муж многих респонденток либо не имеет работы, либо зарабатывает значительно меньше партнерши / жены).

Неработающий мужчина почти во всех случаях ассоциируется с «кухонным мужиком», что, однако, не исключает профессиональные занятия «кухней», если они гарантируют успех и признание (достижение высокого статуса) в сообществе: шеф-повар «звездного» ресторана; ведущий «кухонные» программы – как правило, некий знаковый для той или иной части социума персонаж; автор хорошо продающихся кулинарных книг и/или кулинарных обзоров в ведущих СМИ.

Добрачные сексуальные отношения для мужчин допускают все респонденты и значительная часть респонденток, для женщин – меньшая часть; внебрачные отношения жены признают основанием для расторжения брака, внебрачные отношения мужа полагаются нормой и/или неизбежностью, особенно представителями старшего и среднего поколений.

Значительная часть респондентов обоих полов в ситуации публичного общения проявила выражено отрицательное отношение к гомосексуальности, особенно мужской, хотя многие респондентки в ситуации индивидуального общения проявили большую заинтересо-

ванность этой проблемой, мотивируя ее обеспокоенностью судьбой детей («У меня растет сын, и я хочу, чтобы он был нормальным мужчиной»; «У меня дочь, и я хочу, чтобы она могла найти себе нормального мужа»).

Б. Ценностная шкала и жизненная программа. Во всех случаях идеал настоящего мужчины выступает как стимул и побуждение к действию, однако существенно изменившаяся ценностная шкала сообщества обуславливает разность идеалов для представителей разных поколений (по аналогии с понятием референтной группы позволительно предложить понятие «референтный образ / идеал»). Весьма показательной иллюстрацией динамики можно считать высказывание коллеги старшего возраста: «Раньше было легко заслужить звание настоящего мужчины. Достаточно было довольствоваться малым, тихо заниматься своим делом, в обществе быть сдержанным, немногословным и немного загадочным. Теперь нужно делать что-то *реальное* и громко заявлять о себе. Сегодня нужно определенное мужество, чтобы оставаться собой».

Для женщин старшего и – отчасти – среднего возраста образ настоящего мужчины ассоциируется со следующим набором качеств, расположенных по мере убывания значимости: умный, образованный, сильный, внимательный, заботливый, умеющий и готовый взять на себя ответственность за принятие решений, способный обеспечить семью.

У молодого поколения определяющую роль играет «жизненная прагматика» как задающая ценностную шкалу и референтный образ установка. Настоящий мужчина – это «реальный» мужчина, т. е. достаточно обеспеченный, финансово независимый, что гарантирует известную свободу в различных жизненных ситуациях, способный содержать партнершу / семью, не избегающий определенной ответственности за них; очень важное качество – щедрость, умение и готовность тратить деньги не только на себя. Девушка 20 лет: «Мне нужен *реальный* мужчина, чтобы все, как по-

ложено: сначала, чтоб красиво потусоваться, *классная* жизнь, потом – дом, машина, хорошая школа для детей, поездки за границу отдохнуть».

В. Страхи. Главный страх – оказаться «несостоятельным как мужчина», «слабаком». Смысловой спектр концепта для представителей всех поколений очень широк и предполагает социальную, экономическую, личностную несостоятельность, в пределе – имплицитно угрожающую несостоятельность сексуальную. То есть ориентация на идеал, выступающая как стимул при формировании аксиологической и телеологической шкал, становится в известном смысле инструментом кастрации в смысле сексуальном. В качестве (возможной) компенсации рассматривается новый виток погони за успехом (идеалом); в некоторых случаях инструментом компенсации собственной (эвентуальной) несостоятельности становится выраженная агрессия по отношению к внешнему миру и населяющим его Другим – более успешным, более «настоящим», в силу этого воспринимаемым как враги.

Проблемы здоровья мужчинами обсуждаются как проблемы «здоровья вообще»; при этом представители среднего и особенно молодого поколений нередко являются сторонниками здорового образа жизни, широко пропагандируемого СМИ (первые – чаще в теории, вторые – на практике), поскольку успешный, т.е. настоящий, мужчина – это прежде всего здоровый мужчина, у которого «ничего не болит» и который «ни на что не жалуется».

Однако разговоры о *мужском* здоровье вызывают неловкость, желание уклониться от ответа, особенно у представителей старшего и среднего поколений. Особенно болезненно воспринимается вопрос о мужском климаксе, так как у настоящих мужчин климакса не бывает («Вы еще скажите, что у мужчин бывают критические дни»).

Женщины всех возрастных групп в равной степени свободно обсуждают вопросы женского (своего) и мужского (партнера / мужа / сына) здоровья.

Г. Источники информации, определяющей аксиологическую шкалу и референтный образ.

Коллеги старшего и среднего поколений указали телевидение – «Первый канал», «Россия», «НТВ», «5-й канал» (новостные программы, аналитические программы, культурные программы, художественные фильмы), «серьезная» литература, «серьезные» периодические – в том числе специальные – издания; реклама, в том числе реклама, героем которой является Настоящий мужчина, у коллег-мужчин вызывает отношение, которое можно квалифицировать как «притягивание через отторжение», у женщин – принятие как нечто желаемое, но по определению недостижимое.

Студенты назвали следующие источники информации: телевидение – «НТВ» как «жесткий мужской канал», «СТС», «МузТВ», «Спорт», реже – «Россия» и «5-й канал» (боевики, фильмы ужасов, сериалы, музыкальные программы, «Дом» и «Дом-2»); реклама воспринимается как своеобразное «руководство к действию», хотя с некоторой долей завистливого отторжения («это – не для всех»); круг чтения: гламурные журналы, женские и/или мужские журналы, «русский детектив», любовные романы.

В результате, участники (многие – с удивлением) отрефлектировали и вербализовали то, что давно сделалось явлением российской и в целом постсоветской действительности и о чем они «до этого особенно не задумывались». Во-первых, в данном культурном пространстве достаточно успешно сосуществуют как минимум два инварианта образа «настоящего мужчины», преподносимые как идеал, на который следует равняться (разумеется, идеал по определению недостижим – однако к нему следует стремиться, полагая это жизненной целью). Первый может быть условно назван собственно российским, второй – западным. Способы и

каналы внедрения в массовое сознание в целом одинаковы для обоих. Внешняя атрибутика также во многом совпадает (в известном смысле российский инвариант можно условно считать западным, перенесенным на российскую почву и претерпевшим на ней соответствующие трансформации). Каждый инвариант имеет определенный набор вариантов экспликации с учетом адресной аудитории (возраст, социальный статус, имущественное положение, семейное положение, этническая принадлежность). По сути дела, на индивидуальном уровне с ними вольно или невольно соотносятся стереотип поведения, система жизненных ценностей и приоритетов, телеологическая шкала всех респондентов и респонденток. Кроме того, каждый из этих вариантов образует некую оппозицию (*bad guy – good guy*; причем в исконном американском варианте оба – настоящие мужчины!), в пределе сводимую к концептуальной оппозиции «сильный мужчина – слабый мужчина», в рамки которой вполне органично вписываются полученные результаты. Правда, смысловое наполнение концептов оказывается различным у представителей различных поколений и социальных групп.

¹ Мужество – состояние мужа, мужчины, мужеского рода или пола вообще; состояние возмужалости, зрелого мужеского возраста; стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях; терпение и постоянство. Мужественность – мужество не в отвлеченном значении, а как свойство человека. (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956. Т. 2. И-О. С. 357.

² *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 361.

³ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 2. С. 309.

⁴ *Серто М.* Хозяйство письма // НЛО. 1997. № 23. С. 31.

⁵ В основу анализа полученных в этой области данных положено представление о трех этапах сексуальной революции: сексуальной революции в повседневности, дискурсивной и гендерной сексуальной революции (подробнее см., напр.: *Кон И.С.* 1) Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997; 2) Человеческие сек-

суальности на рубеже XXI в. // В поисках сексуальности. Под ред. Здравомыслова Е., Темкина А., СПб., 2002. С. 24-26; Темкина А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009. С. 33-40).

Целибат как отказ от муж(ест)ства

Первохристианская церковь не только стремилась обновить дух человека, но «пересоздавала и социальный строй на новых началах».¹ Довольно скоро пафос ожидания близкого конца мира с его харизматическим укладом жизни и вдохновенным стилем проповеди стал ослабевать. «Малое стадо» странников, живущих лишь ожиданием «грядущего града», превращалось в организованное общество с иерархией, образующимся культом и традициями. Кроме того, как указывают историки, широкое распространение христианства одновременно сопровождалось «понижением строгости нравов», что неизбежно стимулировало действия церкви на развитие нравственной дисциплины. В первую очередь это выразилось в стремлении поднять на новую нравственную высоту образ жизни священнослужителей.

Предельно высокий идеал задается образом Иисуса Христа, который согласно христологическим концепциям, потому и являет пример «нетленности», что вошел в мир людей не через брачное «полосочетание». «Превосходный» способ вочеловечивания Иисуса как бы говорит о достижении такой степени чистоты, которая возможна лишь при всецелом отрешении от «плотских страстей». Памятники церковной письменности информируют, что харизматические учителя первохристианской церкви (апостолы, пророки, дидакалы) должны были иметь «нравы Господа».

Понятно, что шедшие вслед за ними епископы и дьяконы должны были следовать столь высокому образцу: быть «непорочными, нищелюбивыми, честными, не пьяницами, не корыстолюбивыми, не лицеприятными». Именно в этот период начинает формироваться традиция предпочтения безбрачия, как свидетельства выхода за пределы плотской (человеческой) немощи.

Формулируются принципы новой педагогики и христианского брака, согласно которым женатый клирик должен быть «мужем одной жены» и воспитывать своих детей в послушании. В качестве другого мотива в формировании традиции безбрачия епископата указывают формирующуюся потребность отделить клириков от мирян, наделить их совершенно особыми знаками отличия. Мир и его дела становятся как бы скверною, соприкосновение с которой следует стремиться преодолеть через аскезу и отказ от мирских повседневных практик. Безбрачие духовенства в этом случае выступает как особое свойство, которое отличает клир как «класс святых» от «класса грешных». И уже во II в. усиливаются настроения против брачного духовенства (см. послание Игнатия Богоносца к Поликарпу. Гл. 5). В древней Коптской редакции постановлений апостольских уже говорится, что «хорошо, если епископ не женат».² Тоже обнаруживается и в *canones ecclesiastici* (памятник II в.), где требование усиливается воздержанием от общения с женами. Климент Александрийский маркирует безбрачных как «избраннейших из избранных». У Оригена идеал духовенства также предполагает отказ от «сношений с женой».

Безбрачие епископата выразительно иллюстрирует гибкость обрядотворчества христианской церкви, которая позволяла изменять церковные обряды, не касавшиеся существа веры, в ответ на культурный и социальный запрос времени. И если апостол Павел в послании к Тимофею [3:2] говорит, что епископу *полагается* жениться *один раз* (соблюдать закон моногамии), а пятое правило святых апостолов *запрещает* епископам *изгонять* жен «под видом благоверия», то 12-е правило VI Вселенского собора уже *угрожает извержением* из духовного сана за вступление в брак.

Вместе с тем религиозное сознание того времени сохраняет амбивалентное отношение к браку священников, опираясь в этом случае на примеры брачных апостолов и на правило «епископ или пресвитер диакон да

не изгонит жены своей под предлогом благочестия». Однозначно формулируются ограничения относительно сохранявшейся традиции многобрачия (об этом читаем у Тертуллиана в трактате «О целомудрии», у Климента Александрийского в Строматах). В памятниках древней письменности встречаются сведения о том, что среди священнослужителей в начале III в. все еще были и второбрачные и троебрачные.³ Кроме того зарождается традиция иного обращения к женщине, жене. Так, Киприан, описывая грубое обращение пресвитера Новата с беременной женой (у которой от удара в живот произошли преждевременные роды), осуждает именно такое обращение.

С IV в. вопросом о браке и безбрачии духовенства христианская церковь начинает заниматься особенно усиленно, причем история решения этого вопроса у восточной и западной церквей имела значительные различия. Заметное влияние на усиление дискуссий по вопросу безбрачия духовенства оказало широкое распространение монашеского движения. Вместе с тем с возникновением аскетических настроений возникают различные идеи реализации аскезы. Среди них особым смыслом наполняется стремление к достижению «внешнего бесстрастия», которое проверялось в так называемом духовном браке, и на фоне заявленного безбрачия, распространяется практика сожительства с так называемыми духовными сестрами.

«Бесстрастное сожительство» с лицом другого пола должно было продемонстрировать «неудобопреклонность» к греху.⁴ Серьезным мотивом для совместного проживания с духовной супругой считалась и хозяйственно-бытовая необходимость, так как женское присутствие обеспечивало комфорт. Тертуллиан считал такой мотив законным, но *рекомендовал* для этих целей брать жен постарше и «пострашнее». Статус женщины в таком сожительстве определялся специальным термином «субинтродукта».

Однако, как показывает история, внутри такого сожительства часто воспроизводились сценарии, которые компрометировали не только священнослужителей, но и всю христианскую церковь. Известно, что приведенный в негодование такими примерами Киприан издает приказ о запрете сожительства «аскетов» с «девами», а акушеркам предписывает произвести медицинский осмотр всех карфагенских девственников.⁵

Определяли свое отношение к так называемым духовным бракам и церковные соборы. Анкирский собор (314 г.) 19-м правилом категорически запрещает такую практику: «Давшие обет девства и нарушившие обет, да исполнят епитимию двоебрачных. Девам же, соединяющимся жительством с некими, аки с братьями, мы сие возбранили». 3-е правило I Вселенского собора также жестко и недвусмысленно подтверждает этот запрет: «Великий собор без изъятия положил, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни диакону, и вообще никому из находящихся в клире, не было позволено иметь сожительствующую в доме жену, разве мать, или сестру, или тетку, или те токмо лица, которые чужды всякого подозрения». Иначе говоря, норма мужественности как свидетельство силы духа, воли и последовательности в достижении цели, запрашивала предельный отказ от собственно мужества, от мужской сущности, реализуемой, в том числе и путем традиционного воспроизводства жизни пола.

О том, что вопросы, связанные с половыми отношениями занимают серьезное место в нормотворчестве христианской церкви, свидетельствует включение их в дискуссии на Неокесарийском и Анкирском соборах, а затем и на I Вселенском соборе. Доминантой, на которую ссылались не одно столетие в своем творчестве церковные писатели, стал тезис, сформулированный емко епископом Пафнутием «брак честен и ложе не скверно». Опираясь в своих доводах на эту аксиому, он предостерегал «как бы от избытка строгости не произошло вреда для церкви; ибо не все могут принять на

себя подвиг бесстрастия».⁶ Много позже М. Лютер, подтверждая эти опасения, напишет, что через идеи целибата «возникло, к несчастью, так много бедствий, что всех не пересказать, этим было дано греческой Церкви основание к разделению, и умножились бесконечные раздоры, прегрешения, бесчестия и лукавство, как происходит во всем, что затевается и творится дьяволом».⁷

Возвращаясь в глубь веков к Никейскому собору, добавим, что авторитет слов Пафнутия подкреплялся тем, что сам он был аскетом по воспитанию и по образу жизни. Как известно, согласившись, что безбрачие есть «в воле» каждого вступающего в сан, собор не стал выносить запретительных решений.

Вместе с тем религиозное сознание того времени уже было в большой степени подвержено духу монашества, что задавало тон недоверчивого отношения к брачному клирику. Указание на эти тенденции мы находим у Григория Богослова. Сила этих настроений была столь велика, что порой у брачного священника отказывались креститься, считая, что его брачный статус оскверняет таинство. Собранный именно по этому поводу Гангрский собор (340 г.) дает в 4-м правиле осуждающее определение подобной практике: «Аще кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, яко не достоин причащаться приношения, когда таковой совершил литургию: да будет под клятвою». Таким образом, формально права брачных и безбрачных священников были равны, но господствующий дух того времени уже ожидал от них безбрачия. Уступкой ригористическому направлению в решении вопроса стала практика назначения епископов преимущественно из монашествующих или безбрачных. Однако сами монахи неохотно принимали сан епископа, считая, что он отвлекает от монашеских подвигов. И практика назначения епископами брачных священников продолжает сохраняться. Историки перечисляют среди них отца Григория Богослова, Григория Нисского (брата Василия

Великого), Илиодора, епископа Трикского. На Ефесском соборе (400 г.) звучат слова, также подтверждающие эту практику: «Многие из нас не только разорены, но отдали все до последнего украшения наших жен и домашней утвари: справедливость требует, чтобы это было нам возвращено».⁸ Известны и примеры, когда епископы активно защищали свое право иметь семью. Синезий, епископ Птолемаидский во время своего избрания говорит: «Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену. Поэтому я возвещаю всем и свидетельствую, что я не хочу разлучаться с ней, и что не буду тайно жить с ней как прелюбодей, ибо первое нисколько неблагочестиво, а второе незаконно; напротив, я желаю и молюсь о том, чтобы иметь от нее многочисленнейших и прекраснейших детей».⁹

В VI в. гражданское законодательство Юстиниана предписывает выбирать из женатых священников только тех, у кого нет детей и племянников, чтобы заботы о них не отвлекали от попечения о пастве. Следующим шагом становится запрещение жить со своей женой. Последнюю точку законодательство Юстиниана ставит постановлением об избрании в епископы либо монашествующего, либо безбрачного, прослужившего в клире не менее шести месяцев. Таким образом, постепенно безбрачие становится отличием епископа по обычаю.

Трульский собор VII в. 12-м правилом постановляет: «Дошло до сведения нашего и то, что в Африке, и Ливии, и в иных местах некоторые из тамо сущих боголюбнейших предстоятелей, и по совершившемся над ними рукоположении, не оставляют жити купно со своими супругами, полагая тем претыкание и соблазн другим. Имея убо великое тщание, дабы все устроить к пользе порученных паств, признали мы за благо, да не будет отныне ничего такового. Сие же глаголем не ко отложению, или превращению апостольскаго законоположения; но прилагая попечение о спасении и о преуспевании людей на лучшее, и о том, да не допустим како-

го-либо нарекания на священное звание. Ибо глаголет божественный Апостол: вся во славу Божию творите: беспрекословно бывайте иудеем, и эллином и церкви Божией, яко же и аз во всем всем угождаю, не иский своея пользы, но многих, да спасутся. Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу (1 Кор. 10:31–33; 11:1). Аще же кто усмотрен будет сие творящий, да будет извержен». Этим правилом в восточной церкви закрепляется окончательно практика безбрачного епископата. При этом остальным клирикам тем же Трульским собором (Пр. 13) позволялось оставаться в брачном статусе. Слова «дабы мы не были принуждены оскорблять Богом установленный и Им в Его пришествии благословенный брак» обнаруживают явное противоречие и неразрешимость вопроса: священнику и дьякону брак разрешен, чтобы не «оскорбить Бога», епископу практически по той же причине брак запрещался.

Иначе разрешалась проблема celibата западной церковью. Начиная с IV в. в ней практически не возникает разночтений по этому вопросу, о чем свидетельствуют правила Эльвирского собора. Среди его канонов мы находим закон, который предписывает celibат даже для тех служащих алтарю, которые уже состояли в браке на момент вступления в клир. Напомним, что на Востоке брачная жизнь, начатая перед вступлением в клир, позволялась, и именно на Никейском Соборе было отклонено предложение служащим клирикам прерывать брачное сожитие. На Западе против брака выступают Августин, Иероним, Амвросий. Папа Лев Великий (V в.) предписывает воздерживаться от брачного сожития, в том числе и в самом браке. И хотя повседневная практика не вдруг стала соответствовать этой традиции, против непокорных «последователей похотей» разворачивается жесткая борьба.

Теократический идеал западного христианства и в ранние, и в более поздние века связывается именно с безбрачием духовенства. Однако впервые официальный призыв к мирянам *против* женатого духовенства

звучит на латеранском соборе 1050 г. при папе Льве IX. Еще нет призывов к насильственным действиям, но уже есть слова об ограничении общения с брачными клириками. И в этом как бы провокация на насилие, которая, как считают историки, в тех условиях могла возникнуть стихийно в массах мирян, *завидующих* богатому духовенству.

Особенно активно преследования против женатых служителей церкви начинаются в первые годы понтификата Григория VII, который был убежден, что священническое служение несовместимо с какими бы то ни было половыми отношениями, с «блудодеянием» (*fornicatio*). Кошунственно одними и теми же руками «возносить на алтарь» тело Христово и «прикасаться к телу блудницы». По словам Е. Трубецкого, идеал безбрачия у Григория связывается с тем «особенным рабством Богу, которое отличает духовенство от мирян».¹⁰ Девственный идеал церкви должен был выражаться в девственности служителей, семейный быт которых рассматривается как «гибельное» для дела Бога порабощение (*servitus*). Кроме того, безбрачие было своеобразной *профилактикой* расхищения церковного имущества в пользу семьи, а также превращения женатого духовенства в «наследственную касту».

Все усилия во время своего понтификата Григорий направляет на то, чтобы положить предел традиции «конкубината», неводержанности духовенства, а также изолировать их от родственников и близких. Исследователи отмечают оригинальность Григория с его идеями антибрачной политики не как мыслителя-теоретика, а как деятеля, «героя идеи», за которую он борется.

Сторонники аскетической реформы того времени стремились добиться единства церкви посредством принудительного порядка, вырабатывая жесткие предписания. Добиться выполнения последних можно было лишь посредством «светского меча» закона. Аскетический идеал превращался в «принудительную норму», в норму антимужественности, реализуемую через отказ

от мужества пола. Идеал священничества должен был реализовываться не силой свободного духовного служения человека, а детерминировался привязанностью / оторванностью к / от своей половой сущности (брачному статусу) через институционально оформленные земные ограничения власти. Церковь вынуждена была как бы изменить самой себе, уйти из царства не от мира сего в «низменный» мирской уровень социальности, права, политики. С этого момента человеческая свобода священнослужителей как бы отчуждается от дела, которому они служат, и они превращаются, говоря словами Е. Трубецкого, в «пассивный архитектурный материал, в безличные камни церковного здания».¹¹

В дальнейшем усилиями ряда пап целибат становится узаконенной нормой для всех клириков западной церкви. Однако церковная история показывает, что, несмотря на борьбу церкви за нравственную чистоту священнослужителей, на Западе обычай держать субинтродукт постепенно трансформировался в простой конкубинат, а на Востоке решить проблему удалось после введения правила обязательного вступления в брак до посвящения в духовный сан.

¹ Лебедев А. П. Духовенство древней вселенской церкви: (От времен апостольских до IX века): Исторические очерки. М., 1905. С. 32.

² Цит. по: Лебедев А. П. Духовенство древней вселенской церкви... С. 136.

³ Троицкий С. В. Второбрачие клириков: Историко-каноническое исследование. СПб., 1912.

⁴ В «Пастыре» Ермы мы находим описание подобного духовного брака через аллгорию таинственной башни (Подобие. IX. Гл. 10–11). Семь жен, окружавших символическую башню, по словам Феофана Затворника (Слова к тамбовской пастве), олицетворяют собой веру, воздержание, простоту, невинность, кротость, исправность и любовь, причем каждая из них есть дочь предыдущей.

⁵ Осуждение «безбрачного брака» (ἀγαμος γάμος) мы находим в творениях Григория Богослова; у Епифания; в 88-м правиле

Василия Великого (Послание к Григорию Пресвитеру); в Творениях св. Златоуста; у Иеронима в Письме к Евстохии.

⁶ Цит. по: *Лебедев А. П.* Духовенство древней вселенской церкви. С. 139.

⁷ *Лютер М.* 95 тезисов. СПб., 2002. С. 55.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ *Остроумов А. А.* Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. С. 108.

¹⁰ *Трубецкой Е. Н.* Идея божеского царства в творениях Григория VII-го и публицистов – его современников // Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал Западного христианства в XI-м веке. Киев, 1897. С. 148.

¹¹ Там же. С. 198.

**Мужская и женская любовь
в художественном мире Ф. Достоевского
(на материале раннего творчества)¹**

В творчестве молодого Достоевского любовь занимает уникальное место; и сюжетные линии, и характеристики персонажей, и идейная сторона произведений так или иначе связана с темой любви. Но любовь, которую испытывают герои Достоевского, совсем не похожа на обычную любовь. Метод «фантастического реализма» Достоевского предполагал создание ситуаций, отличающихся от тех, что мы видим в действительности, и в то же время обнажающих самую глубокую суть действительной жизни. Это справедливо и в отношении любви; уже в ранних произведениях Достоевского возникают некоторые «парадигмы» любви, которые кажутся гротескно-паталогическими, но которые гораздо лучше позволяют понять отношения мужчины и женщины, чем банальное изображение реальных ситуаций, в которых самое главное всегда скрыто.

Указанные «парадигмы» любви связаны с основными «типами» героев, которых Достоевский выводит в своих произведениях. Наиболее важный для писателя «тип» в его раннем творчестве – это мечтатель, человек, живущий в воображаемом мире своих фантазий и пренебрегающий слишком серой и будничной реальностью. Сразу нужно добавить, что мечтатель – это почти всегда мужчина; согласно Достоевскому, женщина является приземленным, «обыденным» существом, привязанным к действительности, и если и способной на мечтательность, то только под влиянием мужчины и только на очень короткое время.

Поскольку в раннем творчестве Достоевского представлена целая галерея мечтателей, ключевой «парадигмой» мужской любви здесь оказывается любовь меч-

тателя – *мечтательная любовь*. Ее основным признаком оказывается то, что женщина выступает для мечтателя не равноправным субъектом любовных отношений, а скорее объектом, с которым связаны любовные мечтания; безусловным центром возникающего мира идеальной любви выступает сам мечтатель. Такая мечтательная любовь не очень хочет превращаться в реальные любовные отношения и поэтому рано или поздно отвергается женщиной, в которой побеждают земные, прагматические соображения.

На наш взгляд (и это решительно противоречит сложившимся в литературоведении стереотипам), именно такую любовь изображает Достоевский в первом своем произведении, принесшем ему известность, – в романе «Бедные люди».

Вся любовь Макара Девушкина к Вареньке Добрословой оказывается не чем иным, как *мечтанием*, которое, конечно, не столь утонченно романтично, как мечтания других героев Достоевского (например, героя повести «Белые ночи»), но которое точно так же избегает столкновения с реальностью и претворения в реальность. И это выглядит особенно странно в связи с тем, что чувство Макара все-таки направлено на реальную, а не на вымышленную возлюбленную. Тем не менее характерным лейтмотивом переписки Макара и Вареньки является его странная боязнь посещать ее и общаться в реальной жизни, а не в воображаемом пространстве писем («литературы»). Он как будто сознательно держит Вареньку на определенной дистанции от себя, чтобы, с одной стороны, не допустить очень близкого контакта, способного сделать их отношения слишком прозаическими, но, с другой стороны, иметь достаточный материал для своих мечтаний.

Именно с этого и начинается роман: Макар, наконец, занимает необходимую ему дистанцию напротив варенькиного окна и предается своим фантазиям. «Вижу, уголок занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзамином, точнехонько так, как я

вам тогда намекал; тут же показалось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали. И как же мне досадно было, голубчик мой, что миловидного личика-то вашего я не мог разглядеть хорошенько!» (1, 31)². Высказанная здесь досада на отсутствие реального контакта явно наиграна, и Макар тут же с прямолинейной наивностью опровергает ее искренность: «Однако же в воображении моем так и засветлела ваша улыбочка, ангельчик, ваша добренькая, приветливая улыбочка; и на сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как я поцеловал вас, Варенька, – помните ли, ангельчик? Знаете ли, голубчик мой, мне даже показалось, что вы там мне пальчиком погрозили? Так ли, шалунья?» (1, 31-32). На самом деле Варенька совершенно случайно загнула занавеску, а вовсе не для того, чтобы дать знак Макару; и, будь он у нее в этот момент, скорее всего не рискнул бы снова поцеловать ее, а она не погрозила бы ему пальчиком – все было бы буднично и прозаично. Потому-то Макару и желаннее быть не рядом с Варенькой, а на некотором расстоянии, чтобы можно было *подглядывать* за ней и в своих мечтах чувствовать и проживать больше, чем в состоянии дать реальная жизнь.

Ради этой, видимо, давно задуманной цели, Макар меняет свою спокойную и уютную комнату на, как он сам пишет, «трущобу» — угол рядом с грязной и шумной кухней в многонаселенной квартире. Но настоящий мечтатель не обращает внимания на неустройство своего жилища, да и всей своей реальной жизни — главное, чтобы были условия для полета воображения.

Уже в первом ответном письме Варенька предстает перед нами как весьма практичная девушка, не склонная поощрять странные фантазии Макара: «И право, я сейчас же по письму угадала, что у вас что-нибудь да не так — и рай, и весна, и благоухания летают, и птички чирикают. Что это, я думаю, уж нет ли тут и стихов? Ведь, право, одних стихов и недостает в письме вашем,

Макар Алексеевич! И ощущения нежные, и мечтания в розовом цвете — все здесь есть! Про занавеску и не думала; она, верно, сама зацепилась, когда я горшки переставляла; вот вам!» (1, 35). Здоровый прагматизм ее упреков действует на Макара как ушат холодной воды. В следующем письме он отрекается от всего сказанного в первом письме и явно сожалеет о том, что рассказал Вареньке о своих сокровенных чувствах. «Это ни от чего иного происходит, как от излишней, глупой горячности сердца» (1, 37).

Далее мы убеждаемся, что «отречение» Макара было неискренним, он сделал это только на словах, устыдившись своей откровенности, не понятой Варенькой. В душе же его ничего не изменилось и не могло измениться, он остается таким же мечтателем, каким предстал перед ней в первом письме. Это наглядно проявляется в тот момент, когда Варенька получает предложение пойти в гувернантки, причем на «очень хорошее место». Реакция Макара выглядит совершенно немотивированной, мягко говоря, странной, если только не иметь в виду его тайные цели. Он приходит в ужас от этой перспективы, хотя должен был бы, если бы действительно имел в виду благополучное будущее Вареньки, постараться рассеять ее сомнения и посоветовать согласиться на это выгодное предложение. Вместо этого мы читаем следующее: «Ради меня перестаньте, душенька. В люди идти? — никогда! Нет, нет и нет! Да и что это вам думается такое, что это находит на вас? Да еще и на выезд! Да нет же, маточка, не позволю, вооружаюсь всеми силами против такого намерения. Мой фрак старый продам и в одной рубашке стану ходить по улицам, а уж вы у нас нуждаться не будете. Нет, Варенька, нет; уж я знаю вас! Это блажь, чистая блажь!» (1, 81-82). И затем он буквально запугивает ее теми испытаниями, которые ждут ее у чужих людей. Макар хочет вечно держать Вареньку недалеко от себя, чтобы предаваться мечтам о ней и об их люб-

ви; их переписка предстает как материальное воплощение его мечтаний.

Чуть позже его чувства проходят еще более радикальную проверку, когда к Вареньке приходит «старик с орденами» и почти прямо предлагает ей пойти к нему на содержание. На естественный испуг Вареньки, на ее настойчивую просьбу помочь ей переехать на новую квартиру, чтобы избежать «ужаснейших неприятностей», он отвечает в том же духе (хотя все-таки выполняет ее просьбу и делает попытку занять деньги для переезда), не желая отказываться от обретенного мира мечтаний даже в этой критической ситуации, более того, он обвиняет Вареньку в жестокости: «Ведь вот и теперь скорее умереть готов, чем вам не помочь! Не помоги я вам, так уж тут смерть моя, Варенька, тут уж чистая, настоящая смерть, а помоги, так вы тогда у меня улетите, как пташка из гнездышка, которую совы-то эти, хищные птицы заклевать собрались. Вот это меня и мучает, маточка. Да и вы-то, Варенька, вы-то какие жестокие!» (1, 103). Если бы чувство Макара было обычной любовью, невозможно было бы понять, почему перемена квартиры или поступление в гувернантки так радикально изменит ситуацию, что погубит не только чувство, но и его обладателя.

Боясь реального и повседневного общения с Варенькой, Макар допускает лишь такие встречи, которые имеют романтический колорит и поэтому могут служить основанием для его мечтаний и его литературных «опытов» – писем. Во втором письме он решительно отвергает предложение зайти к Вареньке в гости и добавляет, что ему лучше увидеть ее «у всенощной», т. е. в возвышенной обстановке религиозной службы. Затем мы узнаем, что Макар стал посещать Вареньку, когда она заболела и впала в беспамятство, т. е. в ситуации, в которой невозможно реальное равноправное общение, где она *буквально стала объектом его внимания, наблюдения*. Но как только она выздоровела, он вновь прекращает свои визиты и только обещает где-нибудь

вне дома «дать рандеву». Из писем Вареньки можно заключить, что их свидания были довольно редки, причем все «обыденные» визиты Макара к Вареньке происходят по ее настоянию и, видимо, оказываются достаточно формальными; иначе трудно понять, почему важные моменты жизни Макара, про которые он пишет Вареньке, чаще всего оказываются для нее неожиданными: их личные встречи по своей содержательности не идут ни в какое сравнение с письмами.

Подавляющее большинство читателей и критиков видят в Макаре первого героя из созданной писателем галереи «униженных и оскорбленных». Обычно Макара характеризуют как безыскусного человека, чуждого романтики и каких-либо честолюбивых помыслов. Наши наблюдения приводят к совершенно другому результату. Простота и безыскусность Макара – это его внешность, его поверхностный образ, с которым он свыкся и который позволяет ему скрываться от чрезмерного внимания окружающих. Однако этот образ оказывается очень далеким от его сути, можно сказать, что это его маска, с помощью которой он скрывает свое подлинное лицо (правда, вряд ли можно утверждать, что он сознательно надевает эту маску, это своего рода «мимикрия», способ приспособиться к опасной действительности).

С внешней стороны Макар – самый обычный чиновник, который больше всего боится, что окружающие обратят на него какое-либо внимание, и который страдает от этого безжалостного и ироничного внимания. Однако в письмах Макара присутствуют и совсем другие признания. Одно из них о том, как он в молодости влюбился в актрису: «Да, маточка, и на нас в одно время блажь находила. Врезался в эту актрисочку, по уши врезался, да это бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсем не видал и в театре был всего один раз, а при всем том врезался... На другой день, прежде чем на службу идти, завернул я к парфюмеру-французу, купил у него духов каких-то да мыла благо-

вонного на весь капитал — уж и сам не знаю, зачем я тогда накупил всего этого? Да и не обедал дома, а все мимо ее окон ходил. Она жила на Невском, в четвертом этаже. Пришел домой, часочек какой-нибудь там отдохнул и опять на Невский пошел, чтобы только мимо ее окошек пройти. Полтора месяца я ходил таким образом, волочился за нею; извозчиков-лихачей нанимал поминутно и все мимо ее окон концы давал; замотался совсем, задолжал, а потом уж и разлюбил ее: наскучило!» (1, 87-88). К иронии, которую Макар подпускает в свой рассказ о прошлом, мы вновь должны относиться очень осторожно: это, скорее всего, способ скрыть от Вареньки серьезность всей этой истории. Уже зная особенности его чувства к Вареньке, можно предположить, что и в его любви к актрисе самым главным было не то, что он описывает, не достаточно нелепые прогулки мимо ее окон, а те мечтания о ней и об их «фантастическом» будущем, которым Макар, видимо, предавался, приходя домой.

В финале романа Макар на какое-то мгновение чувствует себя совершенно счастливым, когда после благородного поступка начальника, подарившего ему сто рублей, все проблемы кажутся преодоленными. Но счастье Макара разрушает Быков, который когда-то (год назад по отношению к происходящим событиям) совратил и потом бросил Вареньку, а теперь, вернувшись, делает ей предложение. Варенька решает простить ему прежнее оскорбление и соглашается стать его женой и уехать в его поместье. Вареньке страшно, она боится думать о будущем, а Макар буквально запугивает ее, предрекая смерть в холодной степи, где Быков «будет все зайцев травить» (1, 143).

Можно согласиться, что для Макара эти события — подлинная катастрофа, он лишается оснований своего бытия и не может понять, как будет жить дальше: «К кому же я письма буду писать, маточка? Да! вот вы возьмите-ка в соображение, маточка, — дескать, к кому же он письма будет писать? Кого же я маточкой на-

зывать буду; именем-то любезным таким кого называть буду? Где мне вас найти потом, ангельчик мой? Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья! Я вас, как свет господень, любил, как дочку родную любил, я все в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних! Я и работал, и бумаги писал, и ходил, и гулял, и наблюдения мои бумаге передавал в виде дружеских писем, все оттого, что вы, маточка, здесь, напротив, поблизости жили. Вы, может быть, этого и не знали, а это все было именно так!» (1, 145).

Однако обратим внимание на любопытный мотив этих поистине трагических слов: прежде всего Макару сетует на то, что ему теперь некому будет писать письма, т. е. он страдает не столько от потери реальной Вареньки, сколько от утраты *адресата своих мечтаний*. В безнадежной попытке остановить Вареньку Макару в последнем письме убеждает ее, что Быкову гораздо лучше было бы жениться на купчихе из Москвы; при этом он выдает свое тайное желание: «А я бы вас здесь у себя держал» (1, 145). В этой поистине «фрейдовской» оговорке выступает его подлинное отношение к Вареньке – она не субъект равноправных отношений, а объект приложения его мечтаний и фантазий.

Нужно признать, что он совершает вполне рациональный поступок – переезжает в комнату Вареньки, где все детали быта напоминают о ней. Кажется вполне правдоподобным, что после того, как пройдет самая острая боль от разлуки, он сможет вновь выстраивать свои мечтания, основывая их на воспоминаниях, которые будут сохранять свою живость и яркость благодаря его существованию в тех стенах, где жила Варенька.

Что касается судьбы самой Вареньки, то она не кажется такой ужасной, как привыкли изображать исследователи, обсуждающие замысел романа. Действительно, как мы узнаем из контекста писем Вареньки, Быков обесчестил и предал ее, но, наверное, она испытывала к нему любовь, если доверилась ему. Соглаша-

ясь стать его женой, Варенька, возможно, реализует свое тайное желание, о котором, конечно, не признается Макару. Но здесь выступает иная «парадигма» любви, о которой мы скажем позже. А пока обратимся к еще одному фрагменту, в котором Достоевский изображает «мечтательную любовь».

Имеется в виду фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе», написанный в 1860 г., т. е. через 15 лет после романа «Бедные люди» и уже в совершенно иную эпоху творческого развития писателя. Здесь Достоевский прямо признает, что «тип» мечтателя был взят им из собственного жизненного опыта, что вся его молодость прошла под знаком безудержной мечтательности: «И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моею в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище. Я до того замечтался, что проглядел всю мою молодость, и когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... я... служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развертываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю... и в Швейцарию хочу бежать, и в Италию, и воображаю перед собой Елисавету, Луизу, Амалию» (3, 485).

И далее он излагает историю своей собственной мечтательной любви: «А настоящую Амалию я тоже проглядел; она жила со мной, под боком, тут же за ширмами. Мы жили тогда все в углах и питались ячменным кофеем. За ширмами жил некий муж, по прозвищу Млекопитаев; он целую жизнь искал себе места и целую жизнь голодал с чахоточной женою, с худыми сапогами и с голодными пятерыми детьми. Амалия была старшая, звали ее, впрочем, не Амалией, а Надей, ну да пусть она так и останется для меня навеки Амалией. И сколько мы романов перечитали вместе. Я ей давал книги Вальтер Скотта и Шиллера; я записывался в биб-

лиотеке у Смирдина, но сапогов себе не покупал, а замазывал дырочки чернилами; мы прочли с ней вместе историю Клары Мовбрай и... расчувствовались так, что я теперь еще не могу вспомнить тех вечеров без нервного сотрясения. Она мне за то, что я читал и пересказывал ей романы, штопала старые чулки и крахмалила мои две манишки. Под конец, встречаясь со мной на нашей грязной лестнице, на которой всего больше было яичных скорлуп, она вдруг стала как-то странно краснеть — вдруг так и вспыхнет. И хорошенькая какая она была, добрая, кроткая, с затаенными мечтами и с сдавленными порывами, как и я. Я ничего не замечал; даже, может быть, замечал, но... мне приятно было читать "Kabale und Liebe" или повести Гофмана. И какие мы были тогда чистые, непорочные!» (3, 486). Если снять с этого рассказа налет иронии, которым Достоевский защищается от насмешек циничных читателей, эта история вызывает навязчивые ассоциации с историей Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой (вплоть до проблемы дырявых сапог). Но самое интересное — это развязка наивной любви мечтателя: «Но Амалия вышла вдруг замуж за одно беднейшее существо в мире, человека лет сорока пяти, с шишкой на носу, жившего некоторое время у нас в углах, но предложившего место и на другой же день предложившего Амалии руку и... непроходимую бедность... Помню, как я прощался с Амалией: я поцеловал ее хорошенькую ручку, первый раз в жизни; она поцеловала меня в лоб и как-то странно усмехнулась, так странно, так странно, что эта улыбка всю жизнь царапала мне потом сердце. И я опять как будто немного прозрел... О, зачем она так засмеялась, — я бы ничего не заметил! Зачем все это так мучительно запечатлелось в моих воспоминаниях! Теперь я с мучением вспоминаю про все это, несмотря на то, что женись я на Амалии, я бы, верно, был несчастлив! Куда бы делся тогда Шиллер, свобода, ячменный кофе, и сладкие слезы, и грезы, и путеше-

вие мое на луну...» (3, 486; под «путешествием на луну», видимо, подразумевается Сибирь и каторга).

В этой развязке необходимо отметить два важнейших мотива. Во-первых, Достоевский совершенно определенно утверждает, что любовь мечтателя, имеющая истоки в его воображаемом мире, в его грезах, не могла быть удачной, а если бы она все-таки разрешилась счастливой взаимностью, то это означало бы для него духовную смерть. Возможность реальной любви для мечтателя должна оставаться *только возможностью*, она не должна полностью воплотиться в реальность: во-первых, соединившись с возлюбленной, он погрузился бы в прозу жизни и в конце концов утратил бы качество мечтательности – свое самое *ценное* качество.

Во-вторых, мы явно видим, что избранница мечтателя оказывается недостойна той роли, которую он ей предуготовил – роли романтической героини, ведущей мужчину к подвигам и свершениям. При малейшей возможности она выбирает понятное ей будущее, имеющее вполне земное основание, хотя бы даже в виде мизерного чиновничьего жалования. Задумаемся, так ли уж отличается окончательный выбор Вареньки в пользу Быкова от выбора Амалии-Нади? Достоевский идеализирует героиню своего романа и в то же время не щадит ту реальную женщину, которая встретила на его пути в юности, именно поэтому Варенька выглядит более привлекательной и благородной, а ее поступок более обоснованным и достойным уважения, чем Амалия-Надя и ее выбор в пользу незначительного чиновника.

Однако в письмах Вареньки достаточно доказательств того, что она сама достаточно практичная и приземленная натура, в определенном смысле составляющая «антитезу» мечтателю Девушкину. Ее письма, в противоположность его пространным «сочинениям», весьма лаконичны и касаются в основном самых практических и насущных проблем. После согласия на брак с Быковым она оказывается до такой степени бесчув-

ственной и неделикатной, что использует Макара в качестве посыльного при подготовке своего свадебного наряда.

Быков в романе «Бедные люди» предстает совершенно иным «типом» мужчины, чем Девушкин, – это циник, который испытал в жизни все, что возможно, и на все смотрит свысока, уже не способный ни к каким сильным чувствам. Окончательное воплощение в творчестве Достоевского этот «тип» получит в Ставрогине. Несмотря на полную противоположность мечтателю, мужчина этого «типа» испытывает к женщине любовь, в чем-то очень похожую на любовь мечтателя, это, условно говоря, *практическая любовь*, в которой женщина вновь выступает не как субъект равноправных отношений, а как объект – но теперь как объект практических расчетов и нужд мужчины. Быков прямо признается Вареньке зачем он берет ее в жены, вот как это звучит в ее изложении: «...он объявил мне, что ищет руки моей, что долгом своим почитает возвратить мне честь, что он богат, что он увезет меня после свадьбы в свою степную деревню, что он хочет там зайцев травить; что он более в Петербург никогда не приедет, потому что в Петербурге гадко, что у него есть здесь в Петербурге, как он сам выразился, негодный племянник, которого он присягнул лишить наследства, и собственно для этого случая, то есть желая иметь законных наследников, ищет руки моей, что это главная причина его сватовства» (1, 135). Примерно на таких же основаниях выстраивает свои любовные отношения с женщинами и Ставрогин в романе «Бесы».

Хотя мы рассмотрели только два полярных «типа» мужчин, та «парадигма» мужской любви, которая оказалась связанной с ними, является универсальной и реализуется с той или иной степенью полноты в большинстве любовных историй героев Достоевского. Выразительным символом этого является финальная сцена романа «Идиот», где двое мужчин, совершенно разного склада характера и темперамента, князь Мышкин и

Рогожин, находят примирение над *телом* бездыханной Настасьи Филипповны.

Но как же чувствует себя женщина в такой системе отношений? Как ни странно она принимает эту модель и даже сама придает ей еще больший оттенок неравноправия. Если женщина по-настоящему сильно любит мужчину, она готова обратиться перед ним почти что в вещь, в «ничто» ради того, чтобы удержать и упрочить его любовь. Так Варенька сначала «подыгрывает» мечтателю Девушкину, соглашаясь быть для него «объектом наблюдения», а затем полностью отдается цинику Быкову, который раньше оскорбил и бросил ее, но к которому она, видимо, сохранила глубокое чувство.

С предельной откровенностью универсальная «парадигма» женской любви выражена в романе «Униженные и оскорбленные». Герой-рассказчик романа Иван явно соотносится с молодым Достоевским; он влюблен в Наташу Ихменеву, с семьей которой он знаком с детства. Но Наташа влюбляется в молодого князя Алексея Волковского, отец которого князь Петр Волковский оскорбил ее отца и пытается с помощью клеветнических обвинений через суд лишить ее семью последних средств к существованию. И, несмотря на все это, Наташа убегает от родителей, живет в квартире, которую для нее снимает, Алеша и ждет, когда он решится жениться на ней. Ситуация осложняется тем, что отец Алеши ни в коем случае не желает допустить брака сына с Наташей. Он поступает достаточно тонко: он не запрещает Алеше видеться с Наташей, но знакомит его с дочкой своей любовницы-графини, понимая, что ветреный Алеша рано или поздно увлечется ею и оставит Наташу. Самое любопытное в этой истории то, что Наташа с самого начала знает, что Алеша бросит ее, но продолжает беззаветно любить его, прощает ему все измены («ездил к разным Жозефинам и Минам; а между тем он все-таки очень любил ее» (4, 72)) и старается не думать про то, что ее родители, возможно, сойдут с ума или даже умрут от горя, – ведь бросив их и уйдя к

Алеше, она глубоко оскорбила их, подтвердив все грязные слухи, которые распространял про них и про Наташу князь Волковский.

Если всмотреться в Алешу, то еще меньше можно понять, почему Наташа любит его так сильно и готова на такие жертвы ради него. Вот как она сама характеризует его: «Его судить нельзя, как всех других. Будь справедлив. Ведь он не таков, как вот мы с тобой. Он ребенок; его и воспитали не так. Разве он понимает, что делает? Первое впечатление, первое чужое влияние способно его отвлечь от всего, чему он за минуту перед тем отдавался с клятвою. У него нет характера. Он вот поклянется тебе, да в тот же день, так же правдиво и искренно, другому отдастся; да еще сам первый к тебе придет рассказать об этом. Он и дурной поступок, пожалуй, сделает; да обвинить-то его за этот дурной поступок нельзя будет, а разве что пожалеть. Он и на самопожертвование способен и даже знаешь на какое! Да только до какого-нибудь нового впечатления: тут уж он опять все забудет. *Так и меня забудет, если я не буду постоянно при нем.* Вот он какой!» (4, 40-41).

Достоевский специально создает образ мужчины, который, казалось бы, в наименьшей степени способен привлечь такую развитую и уважающую себя женщину, какой является Наташа. Но очевидные недостатки Алешки не только не ослабляют любовь Наташи, наоборот, они заставляют ее быть *абсолютно* преданной ему, чтобы вопреки всему попытаться сохранить его любовь: «А что он увлекся, так ведь стоит только мне неделю с ним не видаться, он и забудет меня и полюбит другую, а потом как увидит меня, то и опять у ног моих будет. Нет! Это еще и хорошо, что я знаю, что не скрывается от меня это; а то бы я умерла от подозрений... Я уж решилась: если я не буду при нем всегда, постоянно, каждое мгновение, он разлюбит меня, забудет и бросит. Уж он такой; его всякая другая за собой увлечь может. А что же я тогда буду делать? Я тогда умру... да что умереть! Я бы и рада теперь умереть! А вот каково

жить-то мне без него? Вот что хуже самой смерти, хуже всех мук! ...Он должен быть подле меня каждый час, каждое мгновение; я не могу воротиться. Я знаю, что погибла и других погубила...» (4, 41). И далее еще более откровенно (в ответ на уговоры Ивана вернуться к родителям): «Да, люблю как сумасшедшая... Но что же делать, если мне теперь даже муки от него — счастье? Я разве на радость иду к нему? Разве я не знаю вперед, что меня у него ожидает и что я перенесу от него? Ведь вот он клялся мне любить меня, все обещания давал; а ведь я ничему не верю из его обещаний, ни во что их не ставлю и прежде не ставила, хоть и знала, что он мне не лгал, да и солгать не может. Я сама ему сказала, сама, что не хочу его ничем связывать. С ним это лучше: привязи никто не любит, я первая. А все-таки я рада быть его рабой, добровольной рабой; переносить от него все, все, только бы он был со мной, только бы я глядела на него! Кажется, пусть бы он и другую любил, только бы при мне это было, чтоб и я тут подле была... ...Ведь это низость, такие желания? Что ж? Сама говорю, что низость, а если он бросит меня, я побегу за ним на край света, хоть и отталкивать, хоть и прогонять меня будет. Вот ты уговариваешь теперь меня воротиться, — а что будет из этого? Ворочусь, а завтра же опять уйду, прикажет — и уйду, свистнет, кликнет меня, как собачку, я и побегу за ним...» (4, 42-43).

Бессмысленно высказывать в адрес Достоевского упреки в том, что он создает искаженный, гротескный, нереалистичный образ любви. Его цель вовсе не в том, чтобы создать перед нами психологически достоверную картину реальных любовных отношений (что было целью для большинства писателей его эпохи, например для А. Толстого). Для Достоевского главное совсем в другом: он сознательно создает искусственные ситуации и почти гротескных персонажей ради того, чтобы обнажить некие *идеальные модели* отношений между людьми. В чистом виде мы их почти никогда не встречаем в реальности, но их значение в том, что они го-

раздо яснее помогают понять *сущность* человеческих отношений и *сущность* самого человека, чем рассмотрение множества психологически достоверных, «реальных» ситуаций.

Важнейший вывод, который следует из радикального различия «парадигм» мужской и женской любви в художественном мире Достоевского, заключается в признании *радикального различия в самой сущности мужчины и женщины*, ведь любовь – это чувство, которое наиболее ясно говорит именно о глубинной сущности человека. Причем это различие невозможно объяснить влиянием социальной среды, воспитанием, религиозными установками и т. п. Для Достоевского различие между мужчиной и женщиной носит *метафизический* характер, и поэтому его невозможно игнорировать ни при каких условиях. Его забвение или попытки его «насильственного» преодоления приведут к катастрофическому искажению личностных характеристик мужчин и женщин и в перспективе к деградации культуры, поскольку будет утрачена естественная основа культурного развития и культурного творчества – правильная ориентация человека в отношении себе подобных и в отношении окружающего бытия.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-03-00634а.

² Здесь и далее все ссылки на произведения Ф. Достоевского даются прямо в тексте по изданию (с указанием тома и страниц): *Достоевский Ф. Собр. соч.*: В 15 т. СПб., 1988-1996.

**Фигура холостого агента, иллюзия
сублимации и сценография литературы
(к проблеме «полового различия»
в литературном письме Кафки и Пруста)**

Гендерология как гуманитарная дисциплина, как научный проект имеет своим единственным предметом постоянное обеспечение собственной предметности, т. е. обеспечение условий приложения собственного метода всякий раз в новом контексте представимости сущего. Невозможность выйти за пределы собственной проективной иллюзии связана для гендерологии с традицией метафизики пола, одним из маршрутов проявления которой она является. Метафизика определяла пол как «наличное субстанциональное бытие» рода, понимаемого как «движущая субъективность, стремящаяся произвести себя».¹ Субъективностью для Гегеля становится идея природы, производящая свое тождество во «внутреннем ощущении» «бесконечной рефлексии обоих полов ими самими».² Разделенная в себе на действительность и раздражение, субъективность пола как производство самоотношения осуществляет себя в опыте самоощущения, всякий раз устанавливающим меру ощутимого. Этот опыт самоощущения определен самой телеологией рода и пола, предписывающей индивидууму ощутить собственную несоразмерность всеобщности рода и снять эту несоразмерность в свершении своей смертной судьбы. Как видим, производство гендерной предметности как «социокультурной действительности» в основе своей имеет метафизику пола как проецирование условий самочувствия и самоощущения в той мере, в какой эти условия стали принципами социокультурного самочувствия и присвоения права говорить о его продуктах, присвоения права

производить продукты этого самочувствия как фигуры дискурса. Гендерология как конципирующая гуманитарная технология, подводящая внутреннее отношение силы под единство концепта и образа, – осуществление забвения идиомы пола, его неповторимой паузы и сингулярного следа, забвение самого времени пола как возвращения к собственному не-собственному нетождеству означающего, временного следа, метящего пробелами само прерывное присутствие пола.

Возможный выход из тупика методологической иллюзии гендерологии обозначен в опыте осмысления идиомы пола в письме культуры, осуществленном Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Для Делеза и Гваттари письмо культуры прежде всего связано с псевдоконцептами различия и интенсивности: различие и интенсивность – два имени смыслового становления, которое в повторении неповторимого создает зазор культуротворчества. Одной из основных книг, раскрывающих концепцию авторов в отношении письма культуры, можно считать «Кафка. За малую литературу».³

Водораздел классической текстуальности и времени письма для Делеза и Гваттари пролегает, очевидно, между интервалами двух взаимоисключающих способов смыслопорождения: классический способ определен параноидальным трансцендентным законом Эдипова комплекса, инцестуального поля, где запрет и трансгрессия слиты воедино. Собственно, параноидальный закон – это закон представления, определяющий связывание восприятия, мышления и реакции самой структурой представимого, в основе которой «травматическое» воспроизводство силовых отношений: это воспроизводство образует безвыходный круг обращения тождественного внутри всего культурного пространства, все сущее оказывается сведено к образному ряду, подчиненному дискурсу, к дистанции силового напряжения дискурса.

Другой способ смыслопорождения, обозначивший для Делеза и Гваттари эпоху письма как «малой литературы», - это «шизо-закон» «шизо-инцеста», который в отличие от трансцендентальной проективности паранойи имманентен, образуя линию ускользания вместо поля «циркулярной репродукции» и «прогрессию вместо трансгрессии».⁴

Шизоидальный закон – неспроецированное отражение складки различия, состав несводимой к концептуальной полноте множественности смысла. «Шизо-инцест» – прерывный маршрут выхода из паранойи образно-схематизирующего обналичивания жизненных содержаний: «Эдиповский инцест: фотографии, портреты, детские воспоминания, ложное детство, которого никогда не существовало, но которое поймало желание в ловушку представления».⁵ Ловушка представления и есть круг обращаемой силовой ценности, в то время как шизофреническая раздвоенность – культурогенная основа обращения необратимого, возврата невозвратимого. Парадоксально, но шизофреническое развертывание желания связано для Делеза и Гваттари со звуком, «с тем способом, которым звук тянется, и которым блоки беспамятного детства вводятся живьем в настоящее для того, чтобы его задействовать, его ускорить, вовлечь, умножив связи с ним».⁶

Параноидальное единство синтезируемого концепта и шизофренический разлад порождающей множественности - вот две парадигмы, определившие для Делеза и Гваттари культурно-жизненное пространство как объективацию желания. Для Делеза и Гваттари культура как поле сотворения и распределения слов – это интервал, в котором формируются фигуры и связи между ними - в контексте литературного письма герои, связующие персонажи и их взаимоотношения. Основа этой порождающей распределительной системы – «машина выражения», которая ни в коем случае не должна быть понята как агрегат, со-

относящий знак с концептом, а концепт с референ-
том. Машина выражения – не агрегат, используемый
для выражения трансцендентного смысла и замысла,
это – «машина-выражение», это – воплощение жела-
ния, его преосуществление, тело желания, имманент-
ного и не представляемого. «Ризома» (корневое раз-
ветвление) множественности приоткрывает зазор, в
котором по-новому выстраиваются аффекты и смыс-
лы. Это и есть «малая литература», которая характе-
ризуется производством интенсивных количеств в
социальном теле, размножением и ускорением серий,
коллективными поливалентными связями, введенны-
ми холостым агентом.⁷ Герой Кафки, не связанный
семейными узами, назван Делезом и Гваттари «холо-
стым агентом» с тем, чтобы определить его высвобож-
денный из семейно-супружеского силового обращения
эдиповской культуры (а значит, ценностной объекти-
зации) статус: «Самое высшее желание – желает одно-
временно одиночества и быть связанным со всеми
машинами желания».⁸ Фигура холостого героя – не
асоциальна, а культуро- и социогенна: «Нет ничего
менее эстетского, чем холостой в своей посредствен-
ности, но и нет ничего более артистического. Он не
бежит от мира, он его объемлет, и заставляет его бе-
жать...».⁹ Неженатый, не связанный с эдиповским
воспроизводством конфликта агент – метка социаль-
ной и текстуальной свободы: «Он социально опасен,
он – социальный предатель».¹⁰

В социальном контексте и тексте культуры сво-
бодной радикал различения – кафкианский герой,
обозначающий «нулевую степень» гендера, любых со-
циальных определений, – единственная явленность
желания, способная породить знания, смещения, ме-
таморфозы, умолчания, а следовательно, стать смыс-
лопорождающим принципом шизоризографии как
письма множественности и беспроективной растраты
смысла.

В вопрошании об идиоме пола и его временном следе значим опыт деконструкции гуманитарной предметности Ж. Деррида, который фиксирует возможность горизонт пола в «литературном животном», всегда уже и все еще не выбравшем свою «половую принадлежность» как образ самопредставления, в животном как предаффективном следе любого способа самочувствия жизненной силы.

В который раз вопрошание Ж. Деррида¹¹ об автобиографическом, его генезисе и культурных формах, о различии животного и человека, «жизненности» жизни и «человечности» человека, фиктивности фикации и подлинности истины ставит проблему границ литературного письма, самом времени литературы как следа и подписи.

Классический дискурс об искусстве, основанный на «эстетической способности суждения», на эстетике вкуса, «символа нравственности», гения и шедевра (Кант), т. е. на априорном познании условий человеческого удовольствия в необходимой сообразности природы целям свободы, на «экономиметическом» самоотношении субъекта, сущностью которого оказалось подражание исходному неподражаемому подражанию, стал программно-проектирующей основой так называемых гуманитарных наук, обеспечивших себе таким образом гарантированный горизонт литературы как предметности. Однако современная наука о литературе в озабоченном подведении множества сингулярностей под представимое единство забыла об аффективном теле литературы как открытом отвратительном «шраме на шраме» (Цветаева), никогда не сшиваемом литературном шве. Концептуальная ставка Деррида – разбить само апперцептивное единство идеи и образа, выскользнуть из самой логики ограниченной сценологии смысла и замысла, вскрыть «евхаристию» текста. Животное в этой евхаристии – тот, кого мы преследуем, – Другой, все еще и всегда уже преследующий нас. Бытие больше не мыслится как

основа явленности смысла, удостоверенной способностью мыслящего субъекта связывать представления, в литературной сценографии жертвоприношения бытие проседает почерком, преследованием и соблазном, сколь ужасающим, столь и смехотворным: дар приношения оборачивается приношением дара, его исполнением и отсрочкой. Литературное «животное» как идиома пола – предаффективная и сверхинстинктивная реплика, могущая разыграть сцену аффекта изнутри того, что мы все еще называем «словесностью» и «науками о человеке». Возможно, мы уже воспринимаем этот ответ безответного – «безгласного» животного, собственным письмом стирающего собственный несобственный след?

Книга Ю. Кристевой «Чувственное время. Пруст и литературный опыт» не столько разрешает проблему полового различия и литературного письма, сколько предоставляет новые возможности для ее аспектуального видения. Исходной гипотезой Кристевой является представление о прустовском методе как методе «преосуществления» – транссубстанциализации времени в чувственное пространство знаков и символов и предполагаемую этим пространством игру импульсов воображения, организующую мотивное целое дискурса героя в своеобразной нарративно-дискурсивной «иллюзии сублимации»: «Пруст разворачивает имажинативный опыт как опыт обретенного времени. Этот странный и новый опыт обретения времени проявляется в динамике субъекта и чувства. Этим опытом знаки, которые существуют во времени, организуются в синтаксис, также разворачивая музыку метафор в ощущения, которые - по кромке времени - выходят за границы знаков, ускользают от них, но которые даются только через их сверхвпечатления».¹² Опыт художественного дискурса Пруста сводится к взаимодействию двух аспектов временной формы: «Время знаков и вне-время восприятий; длительность и подвешивание. Одновременно, простран-

ственно: обретенное время – это гипертрофия знаков, которые производят вспышку молниеносных, избыточных, невыносимых ощущений с целью достичь немой памяти клеток, которые страдают и наслаждаются». ¹³ Отсюда – из этого стремления разыграть память бессознательного, память тела рождается особая «пластичность» как психологическое условие развертывания самосознания героя в манифестации «экстраординарной силы и двойственности желания и любви». ¹⁴ Поэтому прустовский дискурс о поле и половом различии определен, по мнению Кристевой, метафоризмом и амбивалентностью желания, стиранием пола как такового: известна сценография соблазнения бароном де Шарлю, сравниваемым со шмелем, Жюппена («Содом и Гоморра»): «Гермафродитизм растений – вечен и актуален – выявляет лишенный страсти состав, сложность этой метафоры не обнаруживает ни темноты, ни напряжения: каждый пол содержит две составляющие». ¹⁵ Пол для Пруста теряет свою идентичность и жанровую форму влечения, поскольку его предел – отношение к немыслимому, где все одновременно обретает и теряет пол как качественную определенность желания: «Кажущийся пансексуализм – подвешивание сексуальности в пользу безумия и безразличия». ¹⁶ Именно поэтому литературное письмо как непрестанное движение редукции, пределом которой является «обретенное время» бессилия и безумия связано с трансформацией желания, в то время как фиксация «наших стремлений на фетише, органе или персоне», фиксация «сексуальности блокирует потенциальности безумия: она их сокращает, натурализирует, иногда их банализирует, чаще всего их поглощает». ¹⁷

Так образуется литературная сценография «сладострастия», раздела чувственности как воплощения бессознательного раздела, несводимой двойственности желания: «Чувственность заменяет единичность пола: Шарлю – универсум природы и сознания фраг-

ментируется более чем в частные объекты, различия удовольствия, единичные экстравагантные восприятия, конвульсивные возбуждения от очарованности до боли».¹⁸ Поэтому литературный дискурс Пруста превращается, по Кристевой, в оформление чувственности, в преосуществление желания как формы внутренней интуиции: «Чувственность – несдерживаемая интенсивность, вечная вибрация всего тела за пределами [локализации] половых органов, их морфологии, до утраты силы или упокоения в доброте».¹⁹ Высшая восприимчивость де Шарлю в дискурсе прустовского повествователя разрывает тождество смысла: субъект желания становится виртуозом остроумия и иронии, поскольку «все заставляет наслаждаться, все – объект насмешки».²⁰ Смесь идеала мужественности и женского темперамента – Паламед – сложносоставное существо, кентавр, в котором женская истерия неразрывно связана с благородной мужественностью.²¹ Метод Пруста – преосуществить голос желания в синтаксисе как «последней гарантии мыслительной идентичности»: утрата идентичности пола, которая гарантирует наше душевное единство, компенсируется в «сообразности чувственности конвенциональному языку». Шарлю-шмель, «насекомое перевоплощается в доисторическое животное, обезьяну, убийственную меланхолию», в животное, которое изобретает всякий раз языковую ситуацию и ее логическую форму как форму подвешивания и отсрочки желания. Однако то, что Кристева считает целью телеологического метода Пруста в непрестанном преосуществлении желания в знаки и дискурсивный синтаксис бессознательного становления памяти, является самым постлитературным условием развертывания повествования в осмыслении различия литературы и пола. Перспектива свести художественный дискурс Пруста к телеологии преосуществления желания в незавершенности самосознания героя к чувст-

венному знаково-нарративному оформлению времени представляется спорной.

Для Пруста важно не свести желание к абсолюту, не сублимировать истерию разделенного внутри себя желания в картину трагического безумия или смехотворной и жалкой деменции (постаревший барон де Шарлю). Вопрос о половом различии, а не об эпистемологии сексуальности любого рода заключается для Пруста в осмыслении условий проживания желания в интеллектуальном времени самосознания, никогда не смыкающего собственные линии в горизонте выраженной, обмениваемой и сравнимой ценности. Как прожить и пережить собственную «сексуальность», собственное падение в пол и порыв вне «преосуществления» времени мысли в «нарративную» форму чувственности, в знаково-метафорический синтаксис самосознания? Мыслить половое различие и неснимаемый раздел желания значит для Пруста - в каждом акте соположения интеллектуальных линий дать себе отчет в бессвязном как безусловном условии самого дискурса и форм его артикуляции, развенчать все идеологемы воли-к-наслаждению, все объективации желания, пытающегося оправдаться и легитимироваться в проекции идеалов и их конкуренции, все видимости порыва ненасилием мысли, оставляющей за собой непроговариваемый и неконципируемый остаток свободы. Этот авторский ход обнажен в «Обретенном времени». Именно поэтому Робер Сен-Лу становится не персонажем классического авторского повествования, а концептуальным оператором интеллектуального бытия героя-дискурса, вышедшего за границы самой наррации, за границы самой истории как осуществления внеположной авторской воли в комплексе единичных и типологизируемых характеров и их сюжетных судеб. Герой-дискурс – бытие вне любых форм героизации и сублимации, вне классических форм единства конечного и бесконечного в эстетической деятельности. Голос героя-дискурса оседает

безумием письменного следа до и вне проецирования и осуществления художественного произведения как творения гения. Герой-дискурс становится собственным отчужденным эхом, погребая в себе – без похоронного ритуала и траура, без пафоса «вечного» поминовения и его клятвы – автора, который не прекращает благословлять героя в его подзаконном и незаконном дискурсе как опыте – единственном и незаменимом – «умирающего слова» – смертного жеста мысли.

Фигуры в дискурсе прустовского героя гораздо призрачнее эффектов воображения и реальнее так называемых прототипов. Автору нужен герой, которому необходимы персонажи как «фигуры молчания». Так, Робер Сен-Лу создает воскрешающую античные образцы идеологему закрытого мужского сообщества, предназначенного для героической миссии «защиты Отечества»: идеал «жертвенной мужественности» сублимирует Эрос в «систему фраз» и моделей поведения. Военный миф сублимированного гомосексуализма Робера и экстремальные амплитуды аффективности де Шарлю от жестокости и иронии до мазохистских конвульсий в борделе Жюпьяна – не предмет синтаксических артикуляций в эгоперспективе прустовского героя, не исходные впечатления и восприятия для процесса превращения воспринимаемой данности в факт сознания и создания избыточных «синтаксических» сочетаний, не знаки, чувственно воплощающие время экзистенции в деятельности самосознания. Фигуры персонажей в дискурсе героя – не функции авторской воли, а формы присутствия, не идентичности, а отношения, позволяющие состояться сопresутствию героя, для которого поступок – сама мысль, сам мыслительный жест. Фигуры дискурса – следы и метки, – всегда освоенные и принципиально не присваиваемые, – конечной мысли героя, ставящей каждый раз под сомнение рядоположенность и

одновременность интеллектуальных серий развертывания собственного несобственного дискурса.

Литература для Пруста – не «революционная» сценология смысла, в каждом сюжетном событии и композиционной артикуляции отсылающая к исходной молчаливой связи гения и природы, к условиям производства «символа нравственности» (Кант), это – сценография жертвоприношения, всякий раз подразумевающая исходное умолчание о диалоге автора и героя в приоткрывании раны нецельного и бесцельного смыслового тела, смысла как тела до и вне всякого «преосуществления» герое-авторского диалога в символично-метафорическую дистанцию, в аналогическое производство художественного шедевра, в котором классическая эстетика видела цель подведения множественного под единое, подчинения чувственного умопостигаемому в трансцендентальном проекте разделения восприимчивости и чистой интуиции. Но литературное письмо Пруста столь же далеко от апологии продуцирования жизненного порыва (Бергсон), наконец сообщающего пространственность внутренней форме интуиции – времени. Смысловое тело литературного следа – следа самой мысли – приоткрывает несшиваемый шов временного различия, незаживаемую рану раны – «шрам на шраме» романного тела. Это тело – не асексуальное тело экзистенции (Хайдеггер) как условие возможности падения, это – тело полового различия, его следа, пола как следа различия, всякий раз оттеняющего как несущественным, так и неизбежным призраком движение дискурса – подзаконной «буквы с оттенением».

Каков пол самого героя-дискурса как бытия мысли, в каждом разрыве внутренней формы относящейся к немислимому и непредставимому? Какова глубина падения и безосновность основы желания, оформляющего условия бытия любых конечных желаний, превращенных в «пеплы» интенсивности, в руины воли-к-наслаждению, внутри которой обретаются

немыслимый запрет на присвоение любых восприятий и подведение их под ценностные перспективы? Какова постлитературная воля-к-ненасилию, «оставленность» мысли, стирающей собственные несобственные следы израненной плотью дискурса, ничего не имеющего общего с трансцендентальным продуцированием мыслимого через стирание чувственного, с классической эстетической или семиотической иллюзией, обеспечивавшей прозрачность знаков для непосредственного предчувствия Идеи как морального закона или архитектурного разума?

Соприсутствие прустовского повествователя каждому комплексу восприятий и мыслительных артикуляций в сценографии литературного письма приоткрывает способ соприсутствия автора и героя. Автор разворачивает саму пустоту следа для развертывания мыслительных длительностей героя-дискурса, условием которого становится ничто, остаток свободы, позволяющий редуцировать все возможные идеологические проекции в сверх-иронии и самостирании повествовательного тона, в самой пульсации ожидаемых дискурсивных связей. Жертвоприношение автора каждый раз отсрочивает решение повествователя о возможности единства сериального развертывания интеллектуального бытия, а значит, и маршрутов падения в объективацию желания – в пробеле между силой и бессилием, ожиданием и неожиданным, наслаждением и отвращением: ни одна вещь больше не сообщает о скрытом значении, она становится следом самостирания мысли, следом раздела мысли, «просветом» пробела. Жертвоприношение прустовского героя состоит в том, чтобы соотнести беззаконность интеллектуального движения, призрачное присвоение остатка свободы с умалчивающим отсутствием автора, с различием пола, с полом как различием, без которого сам дискурс о непредставимом непредставим и немыслим.

Пол как различие и след различия – не падение духа в неадекватную его сущности временную форму и ее нарративное эхо, – это сама глубина раны, которая помнит и забывает в одном мыслительном жесте весь ужас и смехотворность иллюзии падения как исходной временности бытия мысли в герое-дискурсе, в герое, ставшем допамятным остатком авторского следа.

¹ Гегель Г. Ф. В. Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 537.

² Там же.

³ Deleuze G., Guattari F. Kafka. Pour une littérature mineure. Paris; Seuil, 1976.

⁴ Там же. С. 172

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Там же.

⁹ Там же

¹⁰ Там же.

¹¹ Derrida J. L'animal que donc je suis. Paris; Gallimard, 2006. С. 16.

¹² Kristeva J. Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. Paris; Gallimard, 1994. С. 242.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 114.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 117.

Отцы, культура и дети

*Спрошен был старец от
некоего брата:*

*– Отчего я непрестанно
осуждаю братьев моих?*

Ответил старец:

*– Оттого, что еще не по-
знал ты самого себя.*

*Кто себя знает, на дела
братьев не смотрит.*

Иоанн Мосх¹

Общественное воспроизводство, обновление общества, его социокультурное развитие осуществляется во многом за счет преемственности поколений «отцов» и «детей». Вместе с тем преемственность поколений в силу критической переоценки молодыми прошлого опыта, пересмотра и обновления ими уровня развития, достигнутого старшими поколениями, сегодня имеет весьма сложный и противоречивый характер, она сопряжена с определенной напряженностью, столкновением взглядов, мнений, позиций представителей поколений молодых и старших. Так, данные социологических исследований, проводимых ВЦИОМ, показали, что в последние годы в российском обществе произошли заметные перемены в ценностных ориентациях и во мнениях о взаимоотношениях молодого и старшего поколений – уменьшилась доля тех, кто считает, что поколения «отцов» и «детей» могут понять друг друга, поскольку живут в одной стране, с 49% в 2001 г. до 29% в 2004 г., и возрос удельный вес тех, кто полагает, что поколения «отцов» и «детей» не могут понять друг друга, так как у них разный жизненный опыт, с 22% в 2001 г. до 42% в 2004 г.! (см. табл. 1).²

Таблица 1. Какие качества на Ваш взгляд, в наибольшей степени присущи молодым людям и людям старшего возраста (в %)

Качества	Современной российской молодежи	Людям старшего возраста
Агрессивность	50	4
Цинизм	40	4
Активность, инициа- тива	38	6
Способность к сотрудничеству	11	9
Образованность	30	8
Трудолюбие	8	62
Патриотизм	5	46
Душевность	4	21
Верность товарищам	8	12
Бескорыстие	1	11
Искренность	3	9
Доброжелательность	4	18
Честность	3	16

Итак, дети хотят жить и живут своими ценностями и представлениями о мире, а не ценностями и представлениями своих родителей. Зададимся вопросом: откуда такое противоречие во взглядах отцов и детей? Как можно и можно ли выявить сущностные причины этого противоречия? И разумеется, какова роль семьи³ и, в частности, отца в генезисе таких расхождений? Для начала остановимся на результатах психологиче-

ских исследований. Как констатируют сегодня психологи,⁴ роль отца в психическом развитии ребенка крайне существенна и одновременно настолько виртуозна, гибка и подчас неуловима, что ни методы наблюдения, ни анкеты, ни интервью не способны обнаружить глубину отцовского влияния на ребенка. Так, по мнению И. Шторка, отец занимает крайне важную позицию третьего альтернативного объекта в отношениях «мать-дитя», и в случае его отсутствия ребенок лишается «символической функции отца, а поэтому вынужденно застревает в симбиотическом единстве с матерью». Продолжая обсуждение этой темы, Шторк отмечает, что отец помогает ребенку выйти из диады с матерью: «Отец - это тот, кто не испытывает страха перед матерью, кто может избежать воздействия воображаемого всемогущества материнского образа, кто свободен».⁵

Вместе с тем результаты опросов подростков / юношей по инструкциям «Женщина должна быть...» и «Мужчина должен быть...» показали, что в представлении мальчиков женщина должна быть андрогинной (хотя при этом фемининные признаки существенно превышают маскулинные), а в представлении девочек – фемининной. Мужчина воспринимается как маскулинный обеими группами подростков. Когда были получены ответы на вопрос «На самом деле я...» оказалось, что между девушками и юношами различия выявлены только по маскулинности: в идеале девочки / девушки хотят быть андрогинными, а мальчики / юноши – маскулинными.⁶ К примеру, матерную речь, традиционно считавшуюся «мужским языком»,⁷ сегодня можно услышать не только от юношей, но и от девушек. В чем же здесь дело? Почему девушки вопреки принципу собственного долженствования (см. выше) не хотят быть фемининными? Только ли чтобы угодить принципу мужского долженствования? Или здесь заложены какие-то более глубинные принципы?

Для начала обратим внимание на то, что молодежные надписи на стенах (стихи, высказывания знаменитостей, мудрствования, просьбы о помощи, понимании, тепле – «здесь приходят и записывают то, что никому не скажешь») позволяют определить установку, с которой автор пришел сюда «общаться». Выявляется разница между мужскими и женскими высказываниями. Так, фразы, подписанные женскими именами, в подавляющем большинстве ориентированы на заключение единичной связи т. е. держат в поле зрения только одну связь. Это описания отношения «я-ты»: «Я пришла, а тебя нет. Почему?»; «Придешь ли ты когда-нибудь, чтобы увидеть, что я тебя жду?»; «Ты любишь, я люблю. Я жду, и ты придешь. Ко мне одной, и мы будем вместе. Будет все прекрасно»; «Если тебе будет холодно и одиноко в этом большом городе, приходи, я постараюсь тебя согреть, и ты согреешься».

Мужские же надписи – это рассуждения относительно определенной идеи (например, понятия «жизнь / смерть», «любовь», «бог», «счастье»). Нередко такие высказывания объединяются в серии: одно предложение вызывает ряд ответов, группирующихся вокруг центрального понятия, например: «И счастье – самое большое несчастье»; «Счастье – движение, познание»; «Вкус счастья сладок, но обжигает всю жизнь»; «Счастье там, где его нет». Таким образом, проходящие сюда молодые люди определяют свое отношение к некоторой идее (а значит, и к высказавшему ее); кроме того, они оценивают предыдущих посетителей по их отношению к той же идее. Это мужская модель установления контактов. Женщина обсуждает конкретную (пусть иногда воображаемую) связь, мужчина держит в поле зрения связь со многими, даже «со всем миром», через центральную идею.

В связи с этими надписями обращает на себя внимание и замечательный отчет экспериментатора нейрopsихолога: «Оценка для девочки всегда обращена к ее личности. Мы записывали биотоки мозга, когда де-

тям давалась оценка. Они что-то в нашем эксперименте делали, смотрели, слушали, выполняли задания, и мы говорили: “Ты плохо смотрел”, “ты плохо слушал” или “ты плохо выполнял задание”. При этом, как только звучало слово “плохо”, у девочек – буря в мозгу. Большинство зон, особенно ассоциативные, становятся сразу настолько активированными, что разницы уже между “плохо смотрела” и “плохо слушала” нет никакой, девочка просто уже ничего не слышит. Ее любимая учительница так сказала про нее – это как бы оценка личности. У мальчиков, как только говорится “ты плохо слушал” - мы видим в мозгу активацию слуховой коры; “ты плохо смотрел” - и активируются в первую очередь зрительные области коры; “ты плохо выполнял задание” - и фокус активности в моторных областях. То есть для мальчика очень важна смысловая оценка, что же было плохо. Для девочек – взаимоотношения между ней и педагогом, а для мальчиков – сама оценка.

Быть может, поэтому, если женщина занимает определенную самостоятельную позицию в молодежной группе, а тем более позицию лидера, то это квалифицируется как «неженское» поведение и встречает противодействие. Ибо, как заключает И. С. Кон, у мужчин тенденция к обособлению от женщин и созданию закрытых мужских сообществ и союзов, способствующих формированию и поддержанию специфических маскулинных ценностей, самосознания и стиля жизни, гораздо сильнее, чем у женщин, а сами мужские организации и группировки качественно отличаются от женских.⁸

Теперь можно приступить к решению и нашей задачи: как можно, и можно ли представить сущностную картину взаимоотношений партнеров на уровне анализа их интеллектов, в частности интеллектов отца и ребенка в семье? Интердисциплинарный анализ памятников мировой культуры показал уникальную особенность цветовой семантики в качестве оптимального инструментария для моделирования человеческого

интеллекта. Ибо последний обладает онтологически идеальными предикатами в той же мере, что и цветовой концепт в силу того, что цвет – это идеальное (культурное, психическое), связанное с относительно материальным (физическим, физиологическим и/или лингвистическим) через эмоции (чувства) как их информационно-энергетическое отношение. Так, относительно окрасок внешней среды вербальные цветообозначения проявляют свойства идеального, но относительно невербализованных, распрямеченных перцептов (образов) цвета они оказываются онтологически материальными из-за своей опредмеченности в конкретном понятии, т. е. сочетают в себе и материальные, и идеальные предикаты, но в разных системах анализа. Вероятно, именно это имеет в виду Витгенштейн,⁹ когда констатирует: «Логика понятия “цвет” гораздо более сложна, чем это могло бы показаться». После четвертьвекового изучения этой проблемы психолингвист Анна Вежбицкая практически вторит Витгенштейну: «Концепт ‘цвета’ действительно чрезвычайно сложный, и я не буду пытаться дать его толкование».¹⁰

Вообще говоря, принципы подразделения интеллекта на «атомарные» компоненты были сформулированы еще Платоном в «Федре». В XX в. Фрейд и Юнг детализировали «атомарную картину» введением гипотетических инстанций, которые в конце века нашли свою динамическую локализацию в определенных отделах центральной нервной системы, т. е. из разряда метафизических перешли в научную категорию компонентов интеллекта, изучаемых на опыте. Онтологическая конкретизация этих компонентов привела нас к следующим дефинициям «атомарной» модели интеллекта (АМИ), каждая из сфер которой характеризуется следующими функциями и релевантными онтологическими планами.¹¹

❖ Сознание (душа, рассудок, М-план АМИ) – произвольно осознаваемые функции социальной обусловлен-

ности и формально-логических операций «понимания» с цветами, опредмеченными в каких-либо знаках (в науке, философии и т. п.). К примеру, как замечает Кант, «человеческий рассудок дискурсивен и может познавать только посредством общих понятий».¹²

❖ Подсознание (дух, Ид-план АМИ) – частично осознаваемые функции культурной обусловленности и образно-логических операций эстетического, т. е. вне-прагматического «восприятия» беспредметных цветов (в игре, искусстве, творчестве и т. п.). Следуя Канту, «прекрасно то, что познается без посредства понятия».

❖ Бессознание (тело, С-план АМИ) – принципиально неосознаваемые биологические функции природной обусловленности и генетического кодирования информации, например, по типу «обобщения» спектральных цветов на уровне сетчатки, проявляющиеся в телесных ощущениях, в аффектах, в сексе и др.

Спрашивается, зачем вводить эти планы при описании информационных атрибутов компонентов интеллекта, если существуют такие понятия, как «идеальное» и «материальное»? Однако вспомним подчеркиваемую М. С. Каганом¹³ (в определении «культуры») проблему «опредмечивания» и «распредмечивания»,¹⁴ которая с хроматических позиций может быть представлена как своего рода онтологическая «материализация» и «идеализация» соответственно. Вместе с тем многозначность этих понятия в онтологии указывает на необходимость ограничения их смысла. Это связано с тем, что интеллект оперирует исключительно информацией, но никак не ее материальными носителями, и поэтому все его функции – идеальны. Вместе с тем строгий онтологический анализ идеального и материального является неправомерным по многим причинам, что, вообще говоря, и привело нас к релевантной формализации функциональных Ид- и М-планов как их информационных предикатов, которая, во-первых, указывает исключительно на хроматический, т. е. информационно-моделирующий уровень семантического аспекта анали-

за. Во-вторых, данная формализация выражает онтологический характер анализа сложной системы. И, наконец, в-третьих, использование формализованных планов позволяет проводить их анализ в рамках теории информации для выявления сущностного смысла моделируемых понятий в онтологически разнородных системах. При этом оказалось необходимым ввести С-план АМИ для описания базовых функций обоих планов. Но если в бинарной системе анализа С-план проявляет свойства онтологического материального, то в триадной он может быть и материальным (относительно М- и Ид-планов АМИ), и идеальным (относительно М-плана внешней среды).

Поскольку личность - это прежде всего социализация, то именно женщина представляет собой личность в нормальных условиях существования. Именно женщина, – без нее не может существовать ни одно цивилизованное общество – являет собой личность во всех смыслах этого слова. В самом деле, женщина как оплот семьи и хранитель традиций все делает в М-плане семейных взаимоотношений: рожает и изначально социализирует детей, готовит еду, стирает белье и т. п. Иначе говоря, в Н условиях у женщины доминирует М-план, т. е. сознательная доминанта интеллекта. В экстремальных же условиях личностью становится мужчина, как это ни прискорбно будет звучать для феминисток. Мужчина – творец, воин, фанат, игрок – даже созидая нечто новое, способен лишь разрушать достигнутое, т. е. разрушать собственно социум. В самом деле, более чем в 95 % случаев зависимый гемблер – это мужчина. Да и в семье отцы много чаще играют с детьми (Ид-), ибо матери (М-) больше заняты обеспечением насущных физических (С-) потребностей ребенка, да и отца.

Итак, допустим, что мужчина – в самом деле, большой ребенок, как это считают психологи. Но для ребенка характерна доминанта Ид-плана АМИ, т. е. и у мужчины должна проявляться именно эта доминанта.

Я полагаю, вряд ли кто будет спорить с общеизвестными фактами: чисто мужской приверженности к дуэлям, дракам, войнам, рыбалке, охоте, спортивному фанатизму, наркомании, патриотизму, интернетомании, игровой зависимости, ибо только мужчина может виртуальное пространство своей игры предпочитать реальной жизни. Если же, предположим, супруга постоянно «опускает его на землю», у мужчины появляется очередная зависимость: «освободить от земных забот» свой дух игрой, алкоголем, фанатизмом и т. п.

Статусные возможности отца проявляются в понимании сути проблемы и в поиске способов ее решения. В самом деле, как констатирует Дэвид Мацумото, Я-концепция у мужчин выше, чем у женщин во многих культурах.¹⁵ Поэтому, к примеру, отец обычно занят своим делом и снисходительно относится к шуткам жены по его поводу. О женах, вернувшихся домой «со стороны», я уже писал,¹⁶ и здесь лишь могу задать риторический вопрос: как может женщина относиться к мужу, целующему ее после всего того, что она только что испытала и что никогда бы не позволила мужу, так как она – социализирующий М-план семейной системы? Сын же, согласно принципу построения платоновских аналогий, будет относиться к отцу так же, как мать к отцу, и в итоге Ид-план сына становится сравнимым с материнским по отношению к отцу, т. е. интеллект сына приобретает более М-плановый характер, чем Ид-план отца. И если когда-то комплементарность диады «мать-отец» создавала основу для развития самостоятельно мыслящей личности сына, способной использовать позитивный опыт родителей в ходе принятия и реализации самостоятельных решений, то к юношескому возрасту различия в оценках матери и отца становятся наиболее явными. Однако контрастность родительских оценок заключается в том, что по сравнению с матерью, которая находит у юноши много женских черт, отец воспринимает его как однозначно маскулинного, т. е. элиминирует в нем М-плановые

черты характера, заданные материнским отношением к отцу и постоянно проявляющиеся у сына в отношениях с последним в диадных отношениях с отцом.

По-видимому, сын не может стать М-планом по отношению к отцу, так как отец – изначально Ид-план. И тогда сын становится Ид-план по отношению к матери (М-плану семьи). *«Не материнское лоно, а разумное мышление (дух) стало символом творческого начала - и тем самым господствующее положение в обществе перешло к мужчине»* - так писал Эрих Фромм.¹⁷ Если же и отец, и сын являются выразителями духовности, то легко видеть, что Ид-плановая доминанта в интеллекте отца проявится в интеллекте сына как производная, т. е. своего рода скрытая сущность духовности своего отца. Об этом говорит в первую очередь традиционный цвет ленты и/или одежды младенца-мальчика – духовно-голубой, семантика которого по существу с младенчества оппозиционна к физически красному цвету тела отца.¹⁸

¹ Иоанн Мосх. Луг Духовный. Гл. 144. // От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / Ред.-сост. С.С. Аверинцев. М., 1994. С. 269.

² Терентьев С. А. Преемственность общественных поколений как проблема современного российского социума // Человек в системе коммуникации. Нижний Новгород, 2006. С. 372-376.

³ Галецкий В. Встретит ли институт семьи XXII век? // Дружба Народов. 2005. № 6.

⁴ Харламенкова Н. Е. Роль отца в дифференциации тендерной идентичности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 56-64.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Жельвис В. И. Инвектива: мужское и женское предпочтения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб: Наука, 1991, с. 132-158.

⁸ Кон И. С. Маскулинность и гомосоциальность // Мужское и женское в культуре СПб., 2005.

⁹ Wittgenstein L. Remarks on colour. Berkeley: University of California Press. 1977. P. 29.

¹⁰ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 231.

¹¹ Этимология планов АМИ связана с их семантикой: М- (ματηρ — мать, μαθημα — знание); Id- (ιδέα — идея Платона); S- (συν — совместно, συγγενες — родство).

¹² Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1994. С. 115.

¹³ Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.

¹⁴ По А. С. Кармину эти термины можно интерпретировать как воплощение и извлечение информации. (см.: Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб., 1997. С. 46).

¹⁵ Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002. С. 180-181. - Вероятно, М-план АМИ у мальчиков («Не плачь, ты же мужчина» и т. п.) воспитывается с тем, чтобы они ограничивали свои эмпатически-женственные С+Ид-планы при N условиях, а также во избежание эксцессов в E условиях могли взять контроль над ситуацией и вернуть ее к N условиям.

¹⁶ Серов Н.В. 1) Психология семейных изменений // Журн.Психология-Пермь 2008. № 15. С. 10-20; 2) Семья и стрессы // Психологические проблемы семьи. М., 2007. С. 225-228.

¹⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 145.

¹⁸ Прирост мышечной массы (красный цвет) регулируется преимущественно мужскими половыми гормонами, концентрация которых в крови у мужчин в 10 раз выше, чем у женщин, тогда как у женщин прирос жировой массы (желтый цвет) определяется женскими половыми гормонами [Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб: Питер, 2002, с.363].

Кто научит мужчин быть хорошими отцами?

В последнее время в прессе все чаще и чаще можно увидеть сообщения о недостаточном участии отцов в жизни своих детей, необходимости поддержки отцовства и несовершенстве государственной семейной политики, поддерживающей лишь матерей и детей.

Определенным ответом на эту критику со стороны городских и областных администраций можно считать учреждение в некоторых российских городах праздника «День отца»¹. С 2002 г. День отца отмечают в Череповце, с 2006 г. – в Волгоградской, Курской, Липецкой, Ульяновской областях, Дмитровграде, Курчатове, Перми, планируют учредить в Алтайском крае. В 2008 г., объявленном Правительством РФ годом семьи, в разных городах проходили и другие мероприятия, посвященные папам, – фестиваль «Мужчина в доме» (Москва), Общегородской форум отцов (Улан-Удэ), конкурс молодых отцов «Мистер Папа» (Томск), акция «Это мой папа!» (Хабаровск), конкурс «Папа года» (Ульяновская область), круглые столы «Отцовство: дар и долг» (Свирск), «Образ отца в современной России» (Москва), семинар «Ответственное отцовство» (Иркутск).

В 2008 г. в Иркутске был создан Общественный совет «Отцы и дети», а в Краснодаре начал работу «Клуб одиноких отцов». Проекты, посвященные отцовству, вошли в число победителей на престижных конкурсах «Моя страна – моя Россия» (А. С. Науменко «Папалэнд – территория пап», А. С. Богоявленская «Центр подготовки мужчин к отцовству в районе Измайлово города Москвы») и «Держава» (А. С. Науменко «Отечество от слова “Отец”»). Президент РФ Д. А. Медведев учредил и впервые вручил многодетным семьям ордена «Родительская слава» (до этого существовали только ордена материнской славы). И хотя это пока только первые шаги в деле

поддержки отцовства, этот интерес, безусловно, вселяет оптимизм.

По нашим наблюдениям, большинство вопросов, связанных с участием отца в жизни семьи, изучено недостаточно или не столь хорошо, как аналогичные вопросы, касающиеся женщин. Мысль о необходимости исследований в области психологии и социологии отцовства витает в воздухе. В зарубежной науке дело обстоит лучше, а у нас пока таких исследований сравнительно мало. Основные темы и количество статей по вопросам отцовства, опубликованных в российских научных журналах и сборниках материалов научных и научно-практических конференций в 2000-2008 гг.²:

Общее представление о роли отца в семье; современное отцовство (обзорные статьи)

Представления о современном отце (реальном и идеальном)

Отцовство в различные историко-культурные периоды, архетипические представления об отцовстве

Сравнение материнских и отцовских родительских стилей

Особенности взаимодействия мужчин с детьми

Факторы, влияющие на выполнение мужчиной отцовских функций

Значение отца для детского развития

Влияние отсутствия отца на развитие и индивидуальные особенности детей

Значение отцовства для личности мужчины

Организация практической работы с отцами (психологическая поддержка)

За неимением большого количества отечественных публикаций многие из этих обзоров выполнены на материале зарубежных исследований.

Логика развития науки такова, что чем более разработанной является какая-то область, тем больше появляется работ по узкой, локальной проблематике внутри более широкой темы. В нашем случае если прибавить к обзорным статьям публикации, посвященные истори-

ко-культурным и архетипическим представлениям об отцовстве, то остается лишь 45 статей (59% от общего количества), в которых обсуждаются результаты конкретных исследований, выполненных на российской выборке. Надо учесть также, что многие авторы излагают результаты одного и того же исследования в нескольких публикациях, поэтому количество самостоятельных исследований еще меньше.

Но даже в оригинальных исследованиях образы мужа и отца часто рассматриваются в сравнении с образами жены и матери (см. сопоставление мужских и женских представлений о роли отца, отцовских и материнских родительских стилей и пр.) и нередко расцениваются как вторичные по отношению к женским.³

По нашему мнению, один из надежных показателей интереса к той или иной тематике - количество публикаций, ей посвященных. Стоит ли говорить, что в СМИ о родительстве, семье и детях вопросы отцовства обсуждаются куда реже, чем вопросы материнства. В качестве примера мы приводим количество публикаций в Интернете по различным семейным вопросам на сайте семейного журнала «Аистенок» (www.aistenok.ru;⁴ по состоянию на январь 2009 г.). Сразу оговоримся, что данный рубрикатор не претендует на научную строгость и наличие единого критерия классификации. Заметим также, что в рубрикаторе самого сайта отдельный раздел, посвященный участию отца в воспитании ребенка, отсутствует. Однако внутри других разделов нам удалось найти несколько статей, посвященных папам или написанных для пап.

Анализ публикаций показывает, что отцовская тема существенно уступает по популярности вопросам здоровья будущей мамы, детского здоровья, психологии, питания и многим другим. Интересно, что участие отца обсуждается главным образом на этапах беременности и родов. Это может показаться удивительным, ведь внутриутробный период – это хотя и чрезвычайно важный, но все же весьма короткий этап жизни ребенка.

Скорее всего, это объясняется тем, что возможность и способы участия папы на этом этапе наименее понятны, а также, возросшей популярностью совместных родов (в домашних условиях или в роддомах, которые разрешают присутствие отца при родах).

Традиционно подавляющее большинство авторов публикаций на семейные темы – женщины. Не является исключением и отцовская тема: около 70-80% русскоязычных статей, посвященных отцовству, написаны женщинами (причем это соотношение сохраняется и для научных, и для публицистических статей). Влияет ли это на что-то? Нужно ли быть мужчиной, чтобы *грамотно* писать об отцовстве? Не обязательно. Можно быть профессиональным психологом или врачом и *теоретически* разбираться во всех тонкостях отцовства. А нужно ли быть мужчиной, чтобы писать об отцовстве убедительно, увлекательно, интересно? Итогом наших раздумий на эту тему стало небольшое исследование, результаты которого мы предварим известным анекдотом.

- Рабинович, вы у нас вчера были в гостях?
- Был!
- Так вот после вашего ухода пропали серебряные ложки!
- Но я их не брал, я порядочный человек!
- Но ложки все-таки пропали! Так что больше не приходите к нам в гости!..
- На следующий день:
- Рабинович, ложки нашлись!
- Так что, можно приходить в гости?
- Э нет, ложечки-то нашлись, но осадок остался!

Удачная маркетинговая, рекламная или PR-кампания, как правило, построена на положительном эмоциональном воздействии используемых образов. Эмоциональное впечатление – это то, что остается, когда содержание забыто (см. эпиграф). И в данном случае мы решили отвлечься от содержания и проанализи-

зировать эмоциональное воздействие статей сходной (отцовской) тематики, написанных мужчинами и женщинами. Для измерения эмоционального впечатления мы использовали фоносемантический анализ текстов.

Фоносемантический анализ дает возможность оценить неосознаваемое влияние, которое звуковой строй текста оказывает на его восприятие читателем или слушателем. Одно и то же содержание, выраженное разными словами, может быть воспринято совершенно различно – это становится понятно, если обратиться к политическим слоганам, рекламным или суггестивным текстам. Историческим результатом изучения фоносемантической (звукобуквенной) структуры текстов стало выявление универсальных закономерностей, а также разработка алгоритмов анализа и оценки фоносемантического воздействия текстов (на основе подсчета значимых отклонений от нормальной частотности звукобукв в речи, а также соотнесения их с матрицей оценок звукобукв русского языка по различным шкалам). В нашем исследовании для фоносемантического анализа текстов мы использовали алгоритм, предложенный А. П. Журавлевым,⁵ в программной реализации ВААЛ-мини.

Объектом нашего исследования стали 129 текстов об отцовстве, которые мы условно разделили на три блока в зависимости от цели, поставленной автором:

Публицистические тексты в популярных журналах, газетах, электронных СМИ, которые призваны были научить, объяснить, изобличить, показать пример, дать образец.

Личные истории по материалам конкурса «Самый заботливый папа», организованного семейным порталом *www.7ya.ru*, которые должны были рассказать о личном опыте, поделиться *собственными* впечатлениями, ощущениями, эмоциями.

Научные тексты в научных журналах, сборниках тезисов и материалов научных конференций должны

были сообщить о результатах объективного независимого исследования.

Для каждого из анализируемых текстов были рассчитаны показатели по 24 стандартным шкалам семантического дифференциала (СД)⁶. Несколько авторов были представлены более чем одним текстом, поэтому для того, чтобы элиминировать вклад индивидуальных особенностей отдельного автора, при расчете средних показателей каждый текст учитывался с весовым коэффициентом $1/n$, где n – число текстов данного автора. Иными словами, для каждого автора, представленного несколькими текстами, при расчете среднего учитывался не каждый отдельный текст, а средние показатели по всем его / ее текстам.

Для каждой из шкал СД были рассчитаны средние показатели по мужским и женским текстам. Для оценки значимости различий между средними использовался t -критерий Стьюдента. Отдельно производился анализ каждого из трех блоков (публицистический, научный, личный).

Результаты исследования выявили, что по сравнению с женскими текстами статьи, написанные мужчинами, имели значимо ($p < 0,05$) более высокие показатели по шкалам

- «темный – светлый»,
- «грустный – веселый»,
- «отталкивающий – красивый»,
- «угловатый – округлый».

Кроме того, на уровне тенденции ($p < 0,1$) мужские тексты расположились ближе к высокому полюсу шкал:

- «плохой – хороший»,
- «печальный – радостный»,
- «слабый – сильный»,
- «тусклый – яркий»,
- «пассивный – активный».

Таким образом, тексты об отцовстве, написанные мужчинами, производят более позитивное, сильное, мужественное впечатление, что как раз важно для оказания влияния на других мужчин.

35 текстов, представленных на конкурс, также оценивались пользователями сайта по критериям «полезность» и «интересность». Проведя корреляционный анализ, мы выяснили, что оценки по критерию «полезность» положительно коррелируют ($p < 0,05$) с показателями по шкалам:

- «плохой – хороший» ($r = 0,54, p < 0,001$),
- «сложный – простой» ($r = 0,42, p = 0,007$),
- «шероховатый – гладкий» ($r = 0,47, p = 0,007$),
- «угловатый – округлый» ($r = 0,41, p = 0,015$),
- «низменный – величественный» ($r = 0,54, p < 0,001$),
- «лёгкий – тяжелый» ($r = 0,39, p = 0,02$),
- «нежный – грубый» ($r = 0,39, p = 0,02$),
- «женственный – мужественный» ($r = 0,47, p = 0,003$),
- «слабый – сильный» ($r = 0,42, p = 0,01$),
- «горячий – холодный» ($r = 0,53, p = 0,001$),
- «хилый – могучий» ($r = 0,52, p = 0,002$),
- «тихий – громкий» ($r = 0,41, p = 0,003$),
- «трусливый – храбрый» ($r = 0,37, p = 0,003$),
- «маленький – большой» ($r = 0,59, p < 0,001$).

То есть тексты, которые на неосознаваемом уровне оставляют более позитивное эмоциональное впечатление, и на уровне сознания оцениваются как более полезные. Возвращаясь к различиям между рассмотренными нами мужскими и женскими текстами, можно предположить, что эмоциональный эффект мужских текстов создает более благодатную почву для усвоения чужого опыта, учета предложенных рекомендаций.

Между *различными типами мужских текстов* также обнаружили некоторые различия. Личные истории по сравнению с публицистическими текстами получили значимо ($p < 0,05$) более высокие оценки по шкалам:

- «отталкивающий – красивый»,
- «злой – добрый»,
- «женственный – мужественный»,
- «шероховатый – гладкий»,
- «хилый – могучий».

На уровне тенденции ($p < 0,1$) личные истории получили несколько более высокие оценки по шкалам:

- «плохой – хороший»,
- «низменный – величественный»,
- «горячий – холодный»,
- «маленький – большой».

Сходный эффект мы обнаружили и для женских текстов. Личные истории (рассказы женщин о собственных мужьях, представленные на конкурс «Самый заботливый папа») по сравнению с публицистическими текстами получили значимо ($p < 0,05$) более высокие оценки по шкалам:

- «отталкивающий – красивый»,
- «шероховатый – гладкий»
- «злой – добрый»
- «женственный – мужественный»,
- «хилый – могучий»⁷.

Таким образом, мы можем говорить, что личные истории (как женские, так и мужские) оставляют более позитивное эмоциональное впечатление, чем публикации в СМИ. Этот результат можно считать ожидаемым, и тем не менее он может стать хорошей рекомендацией для практиков, пропагандирующих ответственное отцовство. Имеет смысл давать более широкую огласку персональным историям, а не теоретическим и нраво-учительным трактатам.

Таким образом лонгитюдные исследования свидетельствуют о том, что особенности отцовской роли передаются «по наследству»: мужчины, отцы которых бы-

ли внимательными и заботливыми, и сами становятся активными отцами и занимаются воспитанием своих детей.⁸ Однако сегодня, когда патриархальная семейная модель ушла в прошлое, а новая не сформировалась, редкие молодые мужчины получают в наследство «правильные» образцы поведения. Исследователи и практики бьют тревогу: нельзя ждать, необходимо осознанно создавать моду на ответственное отцовство. Насколько успешны усилия тех, кто пытается создавать моду на отцовство, покажет время, однако уже сейчас можно сказать, что это мужское дело. Очевидно, что мужчина в вопросах, касающихся отцовства, будет больше доверять другому мужчине, чем женщине. Это особенно ярко проявляется при личном общении (например, при проведении тренингов), но данное наше исследование показывает, что даже тексты, написанные мужчинами, оказывают более сильное эмоциональное воздействие.

Мужчины более убедительны в описании проблем и радостей отцовства. Независимо от конкретной темы, тексты, написанные об отцовстве мужчинами, оставляют более сильное, мужественное, активное, радостное впечатление. А ведь это и нужно для того, чтобы заинтересовать и вовлечь других мужчин.

Р. С. Я написала уже не один текст об отцах и отцовстве и, проанализировав свои собственные статьи, не на шутку расстроилась. Возможно, это моя последняя статья на ЭТУ тему, а с понедельника начнется новая жизнь – только слушать и читать, что говорят и пишут мужчины.

¹ Впервые «День отца» отмечался в 1909 г. в США, где в 1966 г. он стал общенациональным праздником. Сегодня этот день является национальным в Австралии, Канаде, Китае, Литве, Польше, Финляндии, Эстонии и Японии.

² См. материалы конференций: «Материнство. Психосоциальные аспекты (норма и девиация)» (Иваново-Плес, 2002); «Психологические проблемы современной российской семьи» (Моск-

ва, 2004, 2005); «Мужское в традиционном и современном обществе» (Москва, 2003); «Мужское в культурном контексте города» (Москва-Санкт-Петербург, 2004); «Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции» (Москва, 2005); конгрессов «Мир семьи» (2002, 2005, 2008); интернет-конференций «Психология и семья», «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь» (2007); секции «Самочувствие, самосознание и самореализация мужчины – этнокультурные, этноисторические и этнопсихологические аспекты» в рамках VI Конгресса этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 2005); и др.

³ Орлянский С.А. Трансформация образа мужчины в современной культуре. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.

⁴ Данный сайт был выбран как типичный пример сайта родительской тематики. Мы намеренно не стали анализировать «крайние» случаи – «материнские» сайты, на которых не удалось найти ни одной статьи для пап, или специальные «отцовские» ресурсы.

⁵ Журавлёв А. П. Звук и смысл. М., 1981.

⁶ «плохой-хороший», «отталкивающий-красивый», «страшный-безопасный», «сложный-простой», «шероховатый-гладкий», «угловатый-округлый», «злой-добрый», «темный-светлый», «низменный-величественный», «легкий-тяжелый», «нежный-грубый», «женственный-мужественный», «слабый-сильный», «горячий-холодный», «тихий-громкий», «трусливый-храбрый», «хилый-могучий», «маленький-большой», «грустный-веселый», «медлительный-подвижный», «медленный-быстрый», «пассивный-активный», «тусклый-яркий», «печальный-радостный».

⁷ Легко заметить, что все шкалы, по которым различаются между собой женские тексты, входят также в список шкал, по которым различаются мужские публицистические тексты и личные истории.

⁸ Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9.

**Переживание собственной сексуальности
гомосексуальными и гетеросексуальными
мужчинами среднего возраста**

Анализ исследований по проблеме показал, что область эмоциональных переживаний сексуальной идентичности у мужчин гомо- и гетеросексуалов недостаточно исследована. Психологические исследования данной проблематики в основном ориентированы на изучение формирования сексуальной идентичности в детском и подростковом возрасте (Ениколопов, Дворянчиков 2001; Ижванова 2004; Романов 1997).

Целью нашего исследования было изучение особенностей осознания и принятия сексуальной ориентации у гомосексуальных и гетеросексуальных мужчин 30-45 лет.

Мы стремились выявить индивидуальную интерпретацию сексуальности у гомо- и гетеросексуальных мужчин, а также индивидуальные переживания относительно собственной сексуальности. В качестве метода исследования было выбрано интервью. Интервью было направлено комплексно – и на анализ понимания сексуальности в целом, и на отношение (оценку) собственной сексуальности.

Интервью проводилось в индивидуальном порядке, без ограничения времени. Среднее время интервьюирования составляло около 60 мин. Запись по просьбе респондентов велась без использования технических средств.

В исследовании приняли участие 18 мужчин: из них 10 – гетеросексуальной ориентации, 8 – гомосексуальной. Средний возраст – 36 лет. Трое мужчин гомосексуальной ориентации и девять гетеросексуальной ориентации находятся в постоянных отношениях с одним партнером более года. Гетеросексуальные мужчины не

имели гомосексуального опыта, 3 гомосексуальных мужчин имели гетеросексуальный опыт. 16 мужчин имеют высшее образование, 2 – незаконченное высшее.

При анализе результатов исследования мы ориентировались на детальное изучение интервью как интеракции, обращали внимание на особенности взаимодействия интервьюера и респондента. В интервью часто встречались заминки, умолчания, намеки, отсылки к тому, что «само собой разумеется», эвфемизмы, недомолвки, паузы, отсылки к общему невербализированному знанию. Это свидетельствует о табуированности темы сексуальности, которая отражается в узости языковых средств, использовании немногочисленных языковых штампов. При этом в интервью гомосексуально ориентированных мужчин присутствует большая спонтанность высказываний, меньше пауз, реже встречаются эвфемизмы.

Первые вопросы позволяли выявить обобщенное представление о сексуальности, характеристику, в некоторой степени лишенную ее основного содержания (сексуальность всегда связана с определенным физиологическим полом). Ответы можно разделить на две группы. Одни из них формально раскрывают относительность понятия «сексуально привлекательный» («привлекает всех», «для каждого есть свой привлекательный тип», «одного может привлекать что-то одно, другого – другое»). Ответов такого типа было 6 в гомосексуальной и 7 в гетеросексуальной группе. В других ответах было описание сексуальной привлекательности женщин (3 ответа в группе гетеросексуальных мужчин) и (описание сексуальной привлекательности мужчин 2 ответа в гомосексуальной группе).

Данные позволяют заключить, что гетеросексуальные мужчины, описывая женскую сексуальную привлекательность, используют больше определений, чем при описании мужской сексуальной привлекательности. Следует также отметить, что при описании женской сексуальной привлекательности респонденты этой

группы активно отвечали на вопрос, в отличие от гомосексуальных мужчин. И напротив, при описании мужской сексуальной привлекательности больше определений использовали гомосексуальные мужчины. Два респондента гетеросексуальной группы отказались отвечать на вопрос о мужской сексуальности (высказывания «меня это не интересует», «меня интересуют женщины»).

При анализе были выделены следующие категории описания:

- внешность (хорошая фигура; голос; волосы; хороший парфюм и т. п.);
- особенности поведения (грубоватый; прикосновения; пластика и т. п.);
- личностные качества (нежность; мягкость; уверенность; властность; ум и т. п.);
- обобщенные характеристики (мужественный / женственная; «мачо»; «секс-бомба» и т. п.).

Данные показывают, что мужчины при описании мужской сексуальности чаще употребляли категории из группы «особенности поведения» (13 упоминаний), при описании женской сексуальной привлекательности – больше категорий из группы «внешность» (16 упоминаний). Описание мужчин с использованием поведенческих категорий соотносится со стереотипом мужского поведения – ориентированность на действия, проявление в деятельности. Описание женщин можно рассматривать как проявление традиционного женского стереотипа – пассивность, так как они выступают в качестве объекта созерцания.

Мужчины гомосексуалы при описании сексуальности мужчин используют категории «внешность» (14 упоминаний) и «обобщенные характеристики» (7 упоминаний). Подчеркнем, что поведенческие особенности для этих мужчин мало значимы (5 упоминаний). Это позволяет предположить, что для гомосексуалов и другие мужчины, и они сами выступают в качестве сексуальных объектов.

В описании сексуальной привлекательности женщин геи испытывали затруднения (всего было дано 8 упоминаний). Из 8 опрошенных гомосексуальных мужчин 6 заявили, что не рассматривают женщин как сексуальный объект и не могут оценить женскую сексуальность (часто встречались ответы «не люблю женщин», «ничего не могу сказать», «они для меня не привлекательны»).

Такие утверждения можно рассматривать как подчеркивание своей актуальной сексуальной ориентации, принадлежности к гомосексуальной среде. Так, в одном интервью есть фрагмент, который в полной мере иллюстрирует эту позицию.

Фрагмент 1

1. В.: *В чем заключается, по-вашему, сексуальная привлекательность женщин?*

2. По-моему ни в чем, для меня женщина не привлекательна.

3. В.: *А что в женщине не привлекательно?*

4. Тело неэстетичное, да все... как сексуальный объект женщину никогда не рассматривал и даже не задумывался об этом и не хочу задумываться.

Это резко контрастирует с многообразием описаний сексуальной привлекательности мужчин гомосексуальными мужчинами на примере нескольких фрагментов. Приведены ответы на вопрос: *«В чем сексуальная привлекательность мужчин?»*

Фрагмент 2

1. Для меня это молоденький, свеженький, такой ягненок – «белый и пушистый».

2. Здесь ум как раз не играет значения, ...пусть даже глупенький и покорный.

Фрагмент 3

1. Настоящий мужик – мачо: большой и сильный, властный, жесткий, может быть,

2. даже грубоватый и жесткий до определенных пределов.

Фрагмент 4

1. «Для меня это может быть что угодно.... Главное что-то переворачивается в душе,

2. и этот человек для тебя привлекателен. Молодость всегда привлекательна:

3. стройность, хорошая чистая кожа, обаяние»

В данных фрагментах используются описания внешности (фрагмент 4, строка 3; фрагмент 2, строка 1), поведения (фрагмент 2, строка 2; фрагмент 3 строки 1-2), причем описание поведенческих привлекательных стратегий противоположное – подчинение и доминирование. Во фрагментах 2 и 4 присутствует указание на молодость (фрагмент 2, строка 1; фрагмент 4, строка 2). Для описания сексуальной привлекательности используются недифференцированные описания эмоциональных переживаний, связанных с сексуально привлекательным объектом: «что-то переворачивается в душе» (фрагмент 4, строка 1)

Полученные данные в целом соотносятся с исследованием ценностей гомо- и гетеросексуальных мужчин (Воронцов 2004). Исследование показало, что в иерархии ценностей гомосексуальных мужчин ведущее место занимает гедонистическая направленность, что обеспечивает успешное взаимодействие и открытость новым контактам. В группе гетеросексуальных респондентов основная ценность – достижение прагматических результатов. Показателен в этом отношении фрагмент интервью с гетеросексуальным респондентом.

Фрагмент 5

1. В.: *Как долго у Вас будет сохраняться сексуальная привлекательность?*

2. Я об этом не думаю. Это не самое главное в жизни. У меня отличная карьера.

3. Я многого достиг в жизни. И сегодня я уже могу диктовать условия многим.

4. Для меня это очень важно. Власть для мужчины – очень много.

5. Это настоящий показатель мужественности.

6. Хотя, конечно, важно иметь рядом близкого, надежного, верного человека.

Таким образом, для нашего респондента тесно связаны между собой сексуальность и профессиональная деятельность, они являются взаимодополняющими и могут, в некотором смысле, компенсировать друг друга. Помимо этого фрагмент иллюстрирует восприятие партнеров гетеросексуальными мужчинами. Сначала мужчины воспринимают партнерш как достигаемый сексуальный объект (т. е. речь идет снова о конкретном прагматическом результате!) и только потом – как источник любви и нежности. В этой иерархии женщина сначала обеспечивает мужчине саморазвитие и самореализацию и только во вторую очередь личностные отношения. Кроме того, этот фрагмент показателен и с точки зрения описаний переживаний своей сексуальности. Эта тема в исследовании рассматривалась с двух полюсов: переживания, связанные 1) с осознанием сексуальной привлекательности и 2) утратой своей сексуальной привлекательности.

По первому направлению анализа получены сходные данные в обеих группах. Респонденты сообщали о позитивных переживаниях: 15 упоминаний в группе гетеросексуалов и 18 – у гомосексуалов. Однако стоит отметить, что содержательно эмоции несколько различаются. У мужчин первой группы преобладают указания на гордость, уверенность, силу, а во второй – красоту, счастье, удовольствие. У геев более экспрессивные ответы, а у гетеросексуалов более эмоциональные переживания, связанные с подтверждением своего статуса, роли, превосходства.

Негативные переживания существенно различаются в двух группах. Результаты показывают, что только в двух интервью гетеросексуальные мужчины описали эмоции, связанные с утратой своей сексуальной привлекательности. Пять респондентов ответили, что об этом не думают. Это позволяет утверждать, что утрата или снижение сексуальной привлекательности является эмоционально значимым, вытесняемым из сознания переживанием. Таким образом, в интервью проявлялись защитные механизмы и акцентировались темы, которые вызывают наибольшее напряжение, т. е. значимы для респондента. Так, в приведенном выше фрагменте 5 респондент демонстрирует вытеснение темы сексуальности (строка 2) и подмену на другую, в которой, возможно, он чувствует себя более уверенно.

Более развернутые ответы относительно утраты сексуальности у гомосексуальных мужчин показывают, что утрата сексуальности связана с сильными депрессивными переживаниями – угнетенность, тоскливое настроение, безнадежное восприятие будущего, когда жизнь безрадостна, неинтересна, лишена радостей и удовольствий. Депрессивное состояние связано с утратой объекта любви или физической привлекательности.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Восприятие и оценка мужской и женской сексуальной привлекательности мужчинами зависит от их сексуальной ориентации и отражает гендерные стереотипы.

2. Переживание собственной сексуальности у взрослых мужчин (не зависимо от их сексуальной ориентации) сопровождается стрессовыми переживаниями.

В дальнейшем необходимо более глубокое и детальное исследование характера стрессовых переживаний у гомосексуальных и гетеросексуальных мужчин.

Проблемы здоровья мужского населения Курской области

Здоровье – это необходимое условие активной и нормальной жизнедеятельности человека. Здоровье – это очень сложный системный феномен. Он имеет свою специфику проявления на физическом, психологическом и социальном уровнях рассмотрения. Проблема здоровья носит комплексный характер. На ее изучении сосредоточены усилия многих научных дисциплин, таких как психология здоровья, социальная психология, медицинская социология, медицинская антропология, педиатрия, диетология, биология, социальная работа и др.

Очень точно оценил роль здоровья в жизни человека врач и писатель В. Вересаев: «С ним ничего не страшно, никакие испытания, его потерять – значит потерять все; без него нет свободы, нет независимости, человек становится рабом окружающих людей и обстановки; оно – высшее и необходимое благо, а между тем удержать его так трудно».¹

Здоровье является одной из приоритетных ценностей человека, и, как отмечал А. Шопенгауэр, оно составляет первое и важнейшее условие нашего счастья.²

На здоровье как уникальное для каждой личности состояние влияет множество факторов. Тем не менее существуют определенные тенденции для различных групп населения. Еще недавно различия в здоровье между женщинами и мужчинами объясняли биологическими факторами. Во второй половине 1960-х годов была осознана потребность в изменении подхода к проблемам пола: стало ясно, что их следует исследовать в более широком контексте – контексте гендера.

Р. Столлер в 1968 г. впервые обозначил различие понятий «пол» и «гендер», родилась новая дисциплина

«гендерология». В 80–90-е годы XX в. гендерные исследования стали достаточно распространенными в Западной Европе. В России гендерные исследования стали проводиться на рубеже XX–XXI вв. (Г. Г. Силласте, Е. Р. Ярская–Смирнова, С. В. Жеребкина и др.).

Причиной возникновения гендерных исследований стало несоответствие, возникшее в связи с противопоставлением женщин и мужчин, замалчиванием многообразия мужских проблем, связанных с их идентичностью (гомосексуальность, инвалидность, национальная идентичность и т. п.), стереотипами о мужском предназначении и т. д.

В большинстве стран мира женщины в настоящее время живут дольше мужчин, но различия в продолжительности жизни значительно варьируются в зависимости от страны и тех или иных социально-культурных условий. Статистика показывает, что максимальные различия в смертности отмечаются у юношей и мужчин 60 лет. В первой группе смертность связана прежде всего с травмами и насильственной смертью, во второй – с сердечнососудистыми и онкологическими заболеваниями.

В исследовании И. В. Корховой рассматривались показатели, характеризующие здоровье российских мужчин и женщин на макро- и микроуровнях.

По статистике, уровень здоровья у мужчин ниже. Но если изучать здоровье на микроуровне, то уровень здоровья женщин оказался ниже, чем у мужчин.³

Известно, что жизнеобеспечение региона как социально-территориального сообщества определяется как физическим воспроизводством, так и состоянием здоровья его населения. Здоровье населения региона – это «не просто “сумма здоровий” индивидуумов, а сложная интегративная характеристика, которая, с одной стороны, отражает степень вероятности (не гарантии) для каждого из членов общества сохранения высокого уровня здоровья и творческой работоспособности на протяжении максимально продленной жизни, а с дру-

гой, определяет жизнестойкость всей популяции и ее возможности выживания и воспроизводства, самозащиты (обороны), социально-экономического развития, поддержания экологического равновесия с окружающей природой и т. д.».⁴

Рассмотрим некоторые моменты состояния здоровья мужской составляющей населения в Курской области.

В пореформенный период одной из острых медико-демографических проблем развития Курского региона является сохранение высокого уровня смертности населения. В динамике половозрастной структуры смертности проявляются тренды сверхсмертности мужчин практически во всех возрастных группах.

Второй негативной тенденцией, проявившейся в 1990–2006 годах среди населения нашего региона, стал рост заболеваемости жителей области по основным классам болезней: первое место занимали болезни органов дыхания; второе – травмы, отравления и иные последствия внешних причин; третье – болезни органов пищеварения; четвертое – болезни кожи и подкожной клетчатки; пятое – болезни мочеполовой системы.

Например, проведенный в гендерном разрезе анализ заболеваемости онкопатологией в РФ показал, что у мужчин России показатель впервые выявленной патологии с 1994 по 2005 г. вырос на 10,6% и в 2005 г. составил 332,83 случая на 100 тыс. населения и характеризовался стабильным ростом. В Курской области его средняя величина была выше и равнялась в 2005 г. 378,65 случая на 100 тыс. населения, а динамика – на 6,8% больше, чем в 1994 г. Пики заболеваний отмечены в 1998, 2001 и 2005 гг. Некоторые показатели заболеваемости злокачественными новообразованиями у мужчин в Курской области превышали аналогичные данные РФ, особенно, в 1998 и 2001 г. Это – рак желудка, гортани, легкого и кожи.⁵ В целом за период с 1990 по 2006 г. заболеваемость населения увеличилась на 19,1%. Такая негативная динамика была обусловлена ухудшением природных и социальных условий жиз-

ни, режима труда и отдыха, сокращением калорийности и сбалансированности питания населения области.

Одним из ключевых факторов снижения уровня здоровья мужского населения является неумеренное употребление алкоголя. С 2001 по 2006 г. заболеваемость алкоголизмом выросла с 162,3 до 209, или на 28,8%, в том числе и среди женского населения.⁶

По данным Росстата, Курская область занимает 8-е место в ЦФО по алкоголизму среди остальных 18 субъектов. С 2000 по 2006 г. мужское население области сократилось в объеме до 531,1 тыс. человек, т. е. на 8,6%, женское – до 639,6 тыс. человек (на 6,8%). При этом темпы уменьшения числа мужчин были выше, чем женщин.

Тенденция повышенной смертности у мужчин подтверждается и динамикой ожидаемой продолжительности жизни. Так, с 1990 по 1995 г. этот показатель снизился у мужчин на 3,16 года (5%), у женщин на 2,02 года (2,7%). В 1996-2000 гг. его падение продолжалось, однако снизились темпы данного процесса. В 2001-2005 гг. значения ожидаемой продолжительности жизни колебались в пределах 57,9–58,9 лет у мужчин и 72,4–73,09 лет – у женщин. Острота данной демографической проблемы для региона подтверждается данными социологического исследования, проведенного в Курской области в 2006-2007 гг. При опросе населения 90,7% респондентов отметили низкую продолжительность жизни у мужчин по сравнению с женщинами и обозначили основные причины этого явления. Значимость разных причин для снижения срока жизни мужчин выявляют высокую обусловленность рассматриваемого явления внутренними (субъективными) факторами: пьянством, употреблением некачественного алкоголя и недостаточной заботой о своем здоровье. Существенное влияние на сокращение продолжительности жизни мужчин оказывают и внешние факторы, прежде всего тяжелая и вредная работа.

Кроме этих факторов, 2,4% респондентов значимыми причинами уменьшения продолжительности жизни мужского населения области (их ранг составляет 8,1 балла) считают курение, наркоманию, нездоровый образ жизни; специфику характера и психики мужчин.

Итак, в Курской области на протяжении изучаемого периода наблюдаются устойчивые тенденции снижения рождаемости и роста смертности, преобладающей среди мужского населения.

Лозунг «Берегите мужчин!» становится сегодня актуальным не только для Курского региона, но и для всей России.

¹ Вересаев В. Записки врача. М., 1936. С. 31.

² Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л., 1990. С. 139.

³ Корхова И. В. Гендерные аспекты здоровья // Народонаселение. 2000. № 2. С. 70–79.

⁴ Венедиктов Д. Д. Системный подход к проблемам национального здоровья // Вестник РАМН. 1998. № 2. С. 34.

⁵ Куденцова Г. В. Проблема злокачественных новообразований в Курской области // Университетская наука: Теория, практика, инновации: Сб. трудов 73-й науч. конф. КГМУ и сессии Центрально-Черноземного научного центра РАМН: В 3 т. Курск. 2008. Т.1. С. 251–256.

⁶ Когай Е. А., Кульсеева Т. Г., Пасовец Ю. М., Телегин А. А. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008.

ОПЫТЫ

С.В. Латина

Гендерные стереотипы в современных гуманитарных науках (на материале научных публикаций Дальнего Востока)

О чем пишут женщины? О чем предпочитают писать мужчины? Как они пишут? Какие темы им нравятся больше, а какие меньше? Чем они руководствуются при выборе темы научного исследования?

Ответ на эти вопросы мы решили найти в современной гуманитарной науке, обратившись к гендерному подходу.

В современной науке гендерный подход к анализу социальных и культурных процессов и явлений используется очень широко. В ходе гендерных исследований рассматривается, какие роли, нормы, ценности, черты характера предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы, чтобы выстроить традиционную гендерную асимметрию и иерархию власти.

И. Г. Малкина-Пых определяет гендер как «специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой».¹

Гендерный анализ - анализ социальных процессов, исследованием роли женщин и мужчин в таких сферах, как разделение труда, принятие решений на различных уровнях, продуктивная и репродуктивная деятельность, доступ и контроль над ресурсами и благами, а также социально-экономических и экологических факторов, воздействующих на гендерные отношения.²

Гендерная асимметрия - непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах

жизни. Например, женщины составляют более половины (56%) лиц с высшим образованием, однако их доходы в целом, по данным независимых исследований, составляют чуть более 40% доходов мужчин: их значительно меньше среди руководителей всех уровней, в том числе и руководителей в сфере искусства и науки.³

В современном мире женщины России, как и многих других стран, на равной с мужчинами правовой основе имеют свободный доступ к высшему образованию и занятиям наукой. Однако, несмотря на это, имеет место гендерная асимметрия в профессиональной сфере.

Отличительной особенностью гендерных отношений в профессиональной сфере является неравенство статусов и позиций мужчин и женщин: мужчины во всем мире чаще пользуются более высоким статусом по сравнению с женщинами, а это обеспечивает им доступ к ресурсам и принятию ответственных решений. Это приводит к тому, что женщины существенно чаще мужчин оказываются в роли подчиненных, зависимых, руководимых. Потребности женщины в профессиональном развитии, самореализации и продвижении по служебной лестнице удовлетворяются в меньшей степени, чем у мужчин.

Можно предположить, что гендерная асимметрия в научной профессиональной сфере проявляется не только в статусах и позициях мужчин и женщин, но также и в вопросе выбора темы исследования.

Предлагаем рассмотреть, какие темы научных исследований больше всего интересуют женщин, а какие мужчин. Для этого рассмотрим бытующие в обществе гендерные стереотипы.

Гендерные стереотипы – это социальные нормы, распространенные представления о том, что мужчинам и женщинам присущи определенные свойства и модели поведения. Подавляющее большинство людей придерживается определенной точки зрения, какое поведение

считается правильным для представителей того или иного пола.

И. С. Клецина выделяет несколько групп гендерных стереотипов.⁴ Во-первых, это стереотип маскулинности - фемининности. Мужчинам и женщинам приписывают конкретные социально-психологические качества и свойства личности, стиль поведения. Стереотипные представления приписывают мужчинам «активно-творческие» характеристики, инструментальные черты личности, такие как активность, доминирование, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, абстрактность, власть, способность к лидерству. Женственность, напротив, рассматривается как «пассивно-репродуктивное начало», проявляющееся в экспрессивных личностных характеристиках, таких как зависимость, заботливость, тревожность, конкретность, низкая самооценка, эмоциональность. Мужское считается позитивным, значащим, доминирующим, рациональным, духовным, культурным, активно-творческим, а женское связывается с негативным, вторичным, чувственным, телесным, греховным, природным, пассивно-репродуктивным.⁵ Маскулинные характеристики обычно противопоставляются фемининным. Они рассматриваются как противоположные, дополняющие друг друга.

Гендерный стереотип относится к одному из самых распространенных стереотипов, предписывающих стандартные модели ролевого поведения мужчин и женщин. В соответствии с этим для женщин главными социальными ролями считаются семейные роли, для мужчин – роли профессиональные.⁶

Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке.

Т. В. Гомон выделяет комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи. К поверхностным относится описание фрагментов действи-

тельности, где традиционно главенствуют женщины (приготовление пищи, большая компетенция в вопросах моды, воспитания, домашнего хозяйства (подчеркнем, что причины такого разделения труда не рассматриваются как нерелевантные)), или мужчины (ремонт техники, домашний труд при помощи слесарных и подобных инструментов, знание спортивных команд и т. п.). Такие признаки могут быть относительно легко сфальсифицированы. Общим же глубинным признаком имитации автор считает «наличие в тексте, составленном от лица женщины (мужчины), характеристик, в большей мере отражающих психолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи». ⁷ К ним автор относит:

Мужская письменная речь:

- частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: *очевидно, несомненно, конечно*;
- употребление большого количества абстрактных существительных;
- употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций;
- сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям;
- использование газетно-публицистических клише;
- преобладание глаголов активного залога и переходных;
- несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи.

Женская письменная речь:

- наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительно-сти, неопределенности (*может быть, по-видимому, по-*

моему);

- склонность к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (*испытывал чувство гадливости и брезгливости; резкий разговор; силуэты подростков*);
- использование коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (*нецензурно выражался* вместо *матерился*; в *нетрезвом виде* вместо *пьяный*);
- высокочастотным является также использование конструкций «наречие + наречие» (*слишком безжалостно; очень хорошо*), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.

В соответствии с обозначенными гендерными стереотипами и особенностями стилей речи мужчин и женщин, мы провели анализ тем научных исследований.

Нами был рассмотрен сборник научных трудов КНАГТУ «Дальний Восток: Динамика ценностных ориентаций: Материалы Международной научно-практической конференции 22 – 24 сентября 2008г.» В данном сборнике опубликовано всего 150 научных исследований по 7 секциям. Мы рассмотрели следующие секции:

1) «Психологические и педагогические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока»:

- всего 22 исследования;
- 5 мужских исследований;
- 17 женских исследований.

2) Секция «Философские и социологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока»:

- всего 26 исследований;
- 16 мужских исследований;
- 10 женских исследований.

3) «Филологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока»:

- всего 12 исследований;
- 2 мужских исследования;
- 10 женских исследований.

4) «Экономические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока»:

- всего 22 исследования;
- 16 мужских исследований;
- 10 женских исследований.

Следует признать, что исследования, связанные с педагогикой, психологией и филологией в большей степени интересуют женщин, в то время как философия, социология и экономика – мужчин.

Рассмотрим и попытаемся проанализировать то, как и о чем пишут женщины и мужчины, на примере нескольких секций.

Начнем с секции «Философские и социологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока». Темы, интересующие женщин, следующие: «Детство как ценность», «Дальневосточная семья современности: ломка гендерных стереотипов, формирование новых гендерных установок», «Формирование нравственных ценностей в молодежной среде через систему современной медиакультуры», «Социально-педагогический аспект представлений о семейных ценностях», «Психология “временщика”» и ее влияние на становление экологического сознания дальневосточника» и др. Тематика, интересующая мужчин: «Власть и политическое лидерство: философские аспекты», «К проблеме соотношения формы и содержания логического концепта в этике И. Канта», «Системность как фактор развития научного знания», «Ценность и истина», «Метакультурное сообщество (принцип рефлексивной инаковости в межличностном и межкультурном общении)» и др.⁸ Ниже мы дадим краткую характеристику некоторых научных исследований.

Статья А. О. Леоновой «Формирование нравственных ценностей в молодежной среде через систему современной медиакультуры» раскрывает одну из актуальных проблем современности – воспитание молодежи через СМИ.⁹ Автор указывает на необходимость воспитания у молодежи таких нравственных качеств, как милосердие, сочувствие, скромность, совестливость, через контроль над СМИ. Конкретность, логичность и последовательность изложения материала делают эту статью понятной широкому кругу читателей. Важно отметить наличие эмоционально-окрашенных слов – *«огромная роль», «важнейших компонентов», «главенствующее присутствие»* – характерных для женской речи.

А. В. Тончавина в статье «Социально-педагогический аспект представлений о семейных ценностях» поднимает проблемы формирования семейных ценностей и социализации детей-сирот в национальной образовательной политике как наиболее приоритетные.¹⁰ Автор статьи описывает проведенное ее командой исследование на базе войсковой части пос. Лиан. Количественный и качественный анализы результатов отражены в диаграмме. В статье используется экспрессивная и эмоционально-окрашенная лексика (*«огромные трудности», «мальчишки», «большинство детей-сирот обречено воспитываться», «процесс адаптации чрезвычайно динамичен», «воспитатели справедливо считают»*), через которую автор показывает свое сочувствие и безразличие к судьбе детей-сирот, живущих на территории воинской части. Общеупотребительная и общенаучная лексика, конкретные понятия делают статью доступной для понимания.

В статье В. А. Сакутина «Феномен ценности: императив целостности и социальные субституты» рассматривается понятие «ценность» в философско-феноменологическом осмыслении.¹¹ В. А. Сакутин рассуждает о ценности как о символической универсалии, а также о нормах, социальных идеалах, ценностных

ориентациях как ее предметно-функциональной «профанации». Автор оперирует такими абстрактными понятиями, как мысль, истина, «тело» культуры, ценность, универсалии, духовность, системность научных штудий, габитус и др. Употребляются вводные слова со значением констатации, (например, *очевидно, соответственно*). Используется не только общенаучная, но и узкоспециальная лексика – термины, что указывает на необходимость использования философского словаря для детального понимания темы.

П. В. Зуев в своей статье «Власть и политическое лидерство: философские аспекты» рассматривает понятия «политический лидер», «властное действие», «активность субъекта», «свобода воли»; указывает на признаки политически зрелой личности, имидж политического лидера, выделяет критерии оценки политического лидера, качества, которыми он должен обладать.¹² Особое внимание уделяется типам лидерства, проявляющимся в России: популистскому и харизматическому. П. В. Зуев использовал общенаучную и узкоспециальную лексику, абстрактные понятия, логично и последовательно изложил факты.

Данная секция рассматривает серьезный круг вопросов современности. Между мужскими и женскими темами видна четкая граница, несмотря на то, что авторы пишут в одной секции. Женщины исследуют проблемы, имеющие практическое применение, - семьи, детства, воспитания детей, формирования морально-нравственных качеств и чувства патриотизма у молодежи, дисфункциональность социальных систем. Мужчины пишут на абстрактные темы о власти, лидерстве, ценности, научном знании, метакультуре.

Практически во всех научных работах женщин прослеживается такая же тенденция выбора темы научного исследования, как и у мужчин.¹³

Перейдем к анализу научных исследований секции «Психологические и педагогические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Вос-

тока». Мужских исследований не так уж и много - 5: «Ценности высшего образования учащейся молодежи региона», «Информационные технологии в работе центра карьеры вуза», «К вопросу о ценностных ориентациях и нравственной активности курсантов военных вузов», «Ценностные ориентации абитуриентов дальневосточного региона», «Создание и использование видеопрофессиограмм в процессе обучения специалистов». Хотим обратить ваше внимание на то, что последние две статьи написаны в сотрудничестве с женщинами. Женщин заинтересовали темы: «Инновационные процессы в системе общего образования Хабаровского края», «Подготовка переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в условиях дальневосточного региона», «О возможностях развития коммуникативной компетенции студентов в дополнительном образовании», «Образование и ценности в подготовке специалистов» и др.

Статья И. В. Карепановой «Психологические аспекты стимулирования персонала» посвящается иерархической классификации потребностей и мотивов человека: базисные, основные и высшие; определяется место материального стимулирования.¹⁴ Автор выделяет несколько «мотивогенных зон», стимулирующих работу персонала: миссия, кадровые перестановки и ротация, организация процедуры оценки и самооценки работы сотрудника, корпоративная культура и др. Любой директор организации может найти здесь совет, как нематериально стимулировать работу персонала и повысить работоспособность коллектива. Статья содержит вводные слова, выражающие предположительность, неопределенность (например, *по-видимому*). Автором часто используются знаки пунктуации и эмоциональная окраска речи (например, «*влепить двойку*», «*мотивационное топливо*», «*самый чуткий диапазон*», «*порождать мотивы*» и др.). Материал излагается доступно и логично, что позволяет прочитать

статью на одном дыхании, не прибегая к помощи энциклопедий и словарей.

И. В. Цевелева в статье «Материальные ценности в представлении современной студенческой молодежи» анализирует, что же на современном этапе является ценностью для студенчества.¹⁵ Автор провел диагностический тест со студентами 18-22 лет. В результате анализа данных выяснилось, что главной ценностью для молодежи является здоровье и материально обеспеченная жизнь, меньше ее интересует образование, милосердие и счастье других. Статья призывает задуматься над тем, кого мы воспитываем и как. Автор использует общеупотребительную и общенаучную лексику. Среди первой часто встречаются: любовь, здоровье, образование, милосердие, семья, дружба, счастье – «женские понятия».

Статья М. В. Вабаева «Информационные технологии в работе Центра карьеры вуза» рассказывает о работе по проектированию и реализации Интернет-сайта Центра карьеры КНАГТУ.¹⁶ Автор говорит о необходимости использования Интернет-ресурсов не только для поиска полезных сведений, общения с друзьями, покупок и т. д., но и для поиска работы. С этой целью был организован Интернет-сайт Центра карьеры, помогающий будущим выпускникам найти работу. Материал излагается последовательно и логично. В статье используется общенаучная и узкоспециальная лексика – *интерфейс, сервер, Adobe Photoshop* и др.

Статья Ю. В. Березутского «Ценности высшего образования учащейся молодежи региона» обосновывает необходимость и указывает на причины получения молодежью высшего образования; определяет мотивы выбора вуза; выясняет, нравиться ли молодежи учиться.¹⁷ Обнаруживается, что большинство молодежи ориентировано на получение высшего образования. Результаты исследования показаны в таблицах. Автором используется общенаучная и общеупотребительная лексика и

однообразные лексические приемы при написании статьи.

Следует признать, что педагогика и психология – «конек» женщин! И как результат этого – статей женщин в данной секции в три раза больше, чем мужских.

Таким образом, мы видим, что женщины больше всего тяготеют к женским темам. Можно даже сказать, что это более конкретные, земные темы. Это темы, которые связаны с искусством, красотой, этикетом, чувствами, любовью, образованием и воспитанием, отношениями между людьми, материнством и детством.

Мужчин больше всего интересуют темы, касающиеся власти, политики, истории, экономики, индивидуальностей, ценностей, темы из области технических знаний, абстрактного, т. е. масштабные, глобальные темы.

Мужчины отличаются динамизмом и относительно высокой самооценкой, независимостью и индивидуальностью, склонны к обобщению, женщины являются носителями стабильности, устойчивости, верности и постоянства, склонны к конкретизации; если мужчины ориентируются на достижения, то от женщин требуется внимание к людям и стремление к созданию близких межличностных взаимоотношений, что и проявляется в темах научных исследований.

Проанализировав сборники научных трудов КНАГ-ТУ, мы видим, что гендерная асимметрия проявляется в научной профессиональной сфере, а именно, при выборе темы научного исследования. Можно сказать, что существует «гендерная граница» - граница, разделяющая статьи на мужские и женские. Но эта граница является достаточно условной.

¹ Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. М., 2006. С. 23.

² Словарь гендерных терминов / Интернет-ресурс: режим доступа: [http:// www.owl.ru/gender/074.htm](http://www.owl.ru/gender/074.htm)

³ Там же.

-
- ⁴ Малкина-Пых И. Г. Указ. соч. С. 133.
- ⁵ Воронина О. А. Введение в гендерные исследования // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям, «Валдай-96». М., 1997. С. 29.
- ⁶ Малкина-Пых И. Г. Указ.соч. С. 143.
- ⁷ Гомон Т. В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 96.
- ⁸ Дальний Восток: Динамика ценностных ориентаций: Материалы международной научно-практической конференции 22-24 сентября 2008 г. (Комсомольский-на-Амуре гос. техн. ун-т). Комсомольск-на-Амуре, 2008.
- ⁹ Там же. С. 71.
- ¹⁰ Там же. С. 140.
- ¹¹ Там же. С. 130.
- ¹² Там же. С. 45.
- ¹³ Там же. С. 19, 30, 42, 61, 88, 92, 158, 161.
- ¹⁴ Там же. С. 478.
- ¹⁵ Там же. С. 523.
- ¹⁶ Там же. С. 461.
- ¹⁷ Там же. С. 454.

**Преодоление иерархии гендерных различий
в романе М. Фриша «Номо Faber»**

Не сотвори себе кумира. Примечательно, что именно о человеке, которого мы любим, мы меньше всего можем сказать, что знаем его. Мы просто его любим... Любовь освобождает его от застывшего образа... Убеждение, что мы кого-нибудь знаем, есть конец любви...

М. Фриш

Рассмотренный с точки зрения гендерной проблематики роман швейцарского писателя Макса Фриша «Номо Faber» дает возможность поразмышлять о значении стереотипов и идеалов, в жизни современного человека, в том числе касающихся сферы гендера, а в более широком смысле – о роли, которую играет в ней предопределение – может быть, оно просто цепь случайностей? Так, во всяком случае, полагает главный герой романа Фриша Вальтер Фабер (Faber), который и оказывается в центре наших рассуждений.

Итак, Фабер, записки которого и представляет собой роман Фриша (и в этом смысле в нем сразу задается андроцентристская парадигма), – инженер 50 лет, живущий в США и работающий по заданию ЮНЕСКО (он занимается монтажом турбин в странах Южной Америки) «Техническая помощь слаборазвитым странам». Он холост, имеет любовницу Айви, которую воспринимает скорее как досадную помеху собственной независимости и с которой, однако, никак не может расстаться: «“Айви” в переводе значит плющ, и для меня это обобщенное имя всех женщин... нет, я хочу быть один!». ¹ В то же время Айви характеризует его следую-

щим образом: «эгоист, жестокий человек, дикарь во всем, что касается вкуса, изверг по отношению к женщине». ²

Деловой (игра слов: лат. *faber* – умелый), разумный человек, Фабер не выносит проявлений ребячливости, ему чуждо открытое выражение чувств, он холоден, спокоен, аккуратен, в некоторой степени циничен, уповает на точность и расчет. Это настоящий человек XX столетия, верящий в научно-технический прогресс и «индустриальную цивилизацию», не приемлющий ничего необъяснимого, непонятного; для него любовь и чувство прекрасного сродни вымыслу в силу своей нетехнологичности. Образец функциональности для него – машина, двигатель, не ведающий чувств, желаний, действующий «по логике».

Вальтер утверждает: «Я живу работой, как всякий настоящий мужчина. Более того, я не хочу ничего другого и почитаю за счастье жить одному; по моему глубокому убеждению – это единственная сносная форма жизни для мужчин; просыпаться одному и не быть вынужденным разговаривать – для меня истинное наслаждение. Где найти женщину, которая способна это понять?»³; «провести с женщиной больше трех или четырех дней подряд было для меня, говоря откровенно, началом лицемерия. Чувства по утрам – этого не может вынести ни один мужчина. Уж лучше самому мыть посуду!»; «вид комнаты на двоих... для меня так невыносим, что я всерьез начинаю подумывать – уж не лучше ли завербоваться в Иностранный легион...»⁴. (Стереотипы – налицо!)

В то же время он признается: «В женщинах я никогда не мог до конца разобраться». Вальтер полагает, что женщинам нравится, когда мужчина применяет силу, и не считает себя связанным какими бы то ни было обязательствами перед ними; его отношение к женщинам вообще снисходительно-пренебрежительное («женщины ведь так склонны чувствовать себя несчастными», об-

виния мужчин в недостатке чувства), скованное стереотипами, пока он не встречает Сабет.

Все события романа выстраиваются как цепь случайностей (но герой до последнего верит, что даже случайности поддаются упорядочиванию и математически-логическому объяснению), в которых, однако, можно увидеть своего рода предопределение и возмездие судьбы. Фабер летит по работе в Каракас, в самолете знакомится с немцем Гербертом Хенке, который, как он узнает во время их вынужденного общения (после крушения самолета), оказывается братом его друга юности Иоахима – (он был женат на некогда любимой Фабером женщине Ганне и теперь живет в Гватемале). *Внезапно* Фабер принимает решение повидаться с другом, изменив маршрут деловой поездки; добравшись до места, они находят Иоахима повесившимся в своем домике; Фабер возвращается в Нью-Йорк, затем снова отправляется по делам - на этот раз в Париж - и опять же *внезапно* решает путешествовать на теплоходе, где *случайно* знакомится с девушкой по имени Элисабет, впоследствии оказавшейся дочерью Фабера и Ганны, влюбляется в нее и вместе с ней совершает «свадебное путешествие» по Италии, во время которого узнает, что она его дочь; неподалеку от Афин, где теперь живет Ганна, к которой они и направляются, девушку жалит змея, и она вскоре умирает; Фабер же, встретившись с Ганной и разделив с ней скорбь по погибшей дочери, попадает в больницу, где умирает от рака желудка.

Будучи безупречным человеком в деловом отношении, Фабер весьма безответственен по отношению к людям, в особенности к женщинам, при этом даже склонен к самообману. В молодости, в преддверии Второй мировой войны, он, немец, собирался жениться на полуеврейке Ганне, чтобы спасти ее от преследований нацистского режима, но, узнав, что она ждет ребенка, оборачивает дело так, что она сама отказывается от брака с ним, чтобы не лишать его выгодных карьерных перспектив. В начале романа, вспоминая об этом, Фа-

бер склонен винить во всем Ганну, ссылаясь на ее впечатлительность, неуравновешенность, безапелляционность, склонность к мистике и истерии. Впоследствии он все чаще вспоминает о ней и к моменту их встречи, под влиянием любви к девушке, оказавшейся их общей дочерью, переосмысливает события тех дней и признает свою вину, хотя оказывается уже слишком поздно.

Любовь к Сабет, по сути, преображает Вальтера: он начинает понемногу интересоваться искусством, архитектурой, любит красоту природы, описания которой в его устах становятся все более поэтическими: «...я обошел немало церквей и музеев, только чтобы не расставаться с Сабет. У меня не было повода для ревности, и все же я ревновал»⁵. Она непосредственна, беспечна, даже одевается в «экзистенциалистском духе»; Вальтеру она доверяет как человеку старшего возраста, но не питает к нему уважения, считая его циником, скрывающим свои чувства. «А у нее были странные представления. - Ты же мужчина! - твердила она по любому поводу».⁶

Узнав о том, что Сабет – его дочь, Фабер впервые признается себе в собственной трусости: у него были подобные предчувствия, и он мог задать ей вопрос раньше. Задумываясь об этических проблемах, Вальтер начинает сдавать позиции своей прежде неколебимой «мужественности» и вместе с тем становится более человечным. К тому же он постепенно отказывается от тех стереотипов, сквозь призму которых он прежде воспринимал женщин. Можно сказать, что судьба сыграла с ним злую шутку, превратив в своего рода Эдипа наоборот, но именно благодаря этой насмешке судьбы Вальтер преодолевает свою ограниченность, и в нем раскрываются подлинно человеческие качества.

Кроме того, здесь налицо формирование и существование в сознании Вальтера определенного идеала женщины, который руководит его предпочтениями почти что помимо его воли и который заставляет его

обратить свое внимание на Сабет, которая так похожа на мать.

Встреча с Ганной, матерью Сабет, дает Фаберу возможность переосмыслить свои чувства. Ганна теперь – самостоятельная женщина, занимающаяся научными исследованиями (кстати, она занимается археологией и мифологией, как бы в противоположность увлечению Вальтера техникой) и всячески подчеркивающая свою самостоятельность, материальную и духовную: «Ее квартира – жилище ученого (это я сказал ей совершенно откровенно, а позже Ганна в каком-то разговоре привела эти мои слова о жилище ученого в доказательство того, что и я считаю науку монополией мужчин, как и вообще все духовное);⁷ мужчины (говорит она) ограничены... глупо женщине хотеть быть понятой мужчиной... мужчина слышит только самого себя, считает Ганна, поэтому жизнь женщины, ожидающей от мужчины понимания, не может сложиться удачно... Мужчина считает себя властелином мира, а женщину своим зеркалом. Властелин не обязан изучать язык тех, кого поработил, а женщина вынуждена знать язык своего господина, но от этого ей мало проку, ибо она осваивает язык, на котором всегда оказывается неправой... До тех пор пока Бог представляется в образе мужчины, а не супружеской пары, жизнь женщины, как уверяет Ганна, будет такой, какой она есть теперь, а именно жалкой жизнью, ибо женщина – пролетарий творенья, сколь бы ни был прекрасен ее облик».⁸

В общем-то успешная женщина, Ганна утверждает, что ни ее жизнь, ни жизнь Вальтера не удалась; она, по сути, «вкладывает себя» в дочь, в которой не чает души и которую хочет оградить от Вальтера: *«Мы не можем преодолеть старость путем простого сложения, не можем преодолеть ее, женись на наших детях»*.⁹ Она смеется над своей любовью к мужчинам, которые, по ее опыту, не способны хранить верность ни женщине, ни убеждениям, как ее второй муж. Подчеркнуто эмансипированная позиция Ганны, как кажется, - лишь

маскировка нереализованной потребности в любви, которую она хочет скрыть от мужчин, прежде всего – от Фабера.

После смерти дочери Вальтер возвращается в Нью-Йорк, пытаясь снова вести прежний образ жизни, оказывается на Кубе, пытаясь сбежать от Америки и отвлечься от своих мыслей, мечтая начать жизнь сначала. Он даже думает ослепить себя, как Эдип, но ничего не помогает. При этом он начинает ощущать ценность и красоту жизни, ее хрупкость и мимолетность: *«Моя ошибка заключается в том, что я, как и все люди техники, живу, забывая о смерти»*.¹⁰ Он осознает свою прежнюю жизнь как ложь.

Приехав вновь в Афины, Вальтер попадает в больницу: у него обнаруживается рак. Ганна прощает его, но он себя простить не может, сознавая, что все погубил сам. Смерть Вальтера Фабера – своего рода месть со стороны жизни, которую он не сумел прожить во всей полноте и интенсивности. Отказавшись от знания и умения, предрассудков и стереотипов, от техногенной картины мира, он смог, наконец, научиться любить и жить, но лишь на короткое время, которое было ему отпущено.

Итак, мы видим, что в романе Фриша ярко выраженная поначалу андроцентристская позиция героя сдвигается под влиянием жизненных обстоятельств в сторону коррекции и ликвидации “асимметрии” полов, к устранению иерархии различий благодаря раскрытию истинных чувств и потребностей героя (любовь, понимание); в произведении нашли свое отражение гендерные стереотипы, свойственные как для мужчин (Фабер), так и для женщин (Айви, Ганна, Сабет) при восприятии противоположного пола, которые оказываются несостоятельными перед присущей автору экзистенциалистской трактовкой любого человека как *возможности* стать кем-то. Таким образом, в романе утверждается в высшей степени гуманистическая по-

зиция, не оставляющая места гендерной дискриминации.

¹ *Фриш М.* Ното Фабер. Назову себя Гантенбайн. М., 1975. С. 97.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 136.

⁸ Там же. С. 141-142.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Там же.

Нагота как элемент общества потребления в современном западном кинематографе

Для наилучшего понимания проблематики данной работы стоит сначала рассмотреть понятие общества потребления и связь его с кинематографом. Итак, общество потребления есть система, возникшая в результате развития капитализма в западных странах. Если говорить об исторических границах, то началом общества потребления можно назвать конец Второй мировой войны, а конца данной системе пока не видно. Подобное общество характеризуется в первую очередь массовостью и тиражированием предметов потребления. Предметом потребления становится все: от предметов быта до произведений искусства. Вещь перестает существовать, ее заменяет функция. Изменяется также вся система ценностей. Духовная сфера подменяется «вещизмом» и статусностью.

Общество потребления также предоставляет человеку иллюзию выбора, иллюзию свободного мышления. Кинематограф, в свою очередь, как массовое искусство является одним из инструментов потребления, приспособленного для создания иллюзии. Одним из критериев общества потребления всегда была массовость, а кинематограф, к сожалению, не есть штучный товар, который можно получить в собственное пользование. Кинематограф призван выполнять уравнительную функцию: перед экраном нет места для статуса. Кино конституирует новую реальность; оно показывает ситуации, которые существуют в реальном мире, но в то же время они ирреальны и находятся в пространстве мышления. Подобная виртуальность порождает способность к сопереживанию, полноценному погружению в реальность чужой жизни. Но с появлением титров приходит осознание небытийности только что увиден-

ного. Таким образом, кинематограф можно назвать в этом смысле симулякром третьего порядка, по Бодрийеру.¹

Стоит отметить, что кинематограф всегда разделяют на массовый – популярный и элитарный – интеллектуальный. Авторский кинематограф пытается заставить зрителя обратиться к рефлексии, тогда как популярные блокбастеры призваны стать пространством рекреации для зрителя. Популярное кино давно стало бизнесом: огромные корпорации решают, что, как и кому снимать. Кино, ориентированное на массового зрителя, предлагает все иллюзии общества потребления, преподнося их как наилучший из возможных вариантов. Все популярные фильмы представляют собой набор определенных клише, разбавленных красивой картинкой. Эти клише презентуются по-разному, но сути своей не меняют. Одним из таких клише к середине XX в. становится и обнаженное тело.

С появлением кинематографа на экране постепенно стало появляться и обнаженное тело. В какой-то мере это связано с сексуальной революцией послевоенных лет. Тело, ранее находящееся под запретом, стало популяризироваться и превращаться в фетиш. Тело трансформировалось в объект спасения: «оно буквально заменило собой душу в этой моральной и идеологической функции»². Теперь тело перестало быть инструментом для работы и жизни, зато человек приобрел нарциссическое восприятие своего тела. За ним теперь надо ухаживать, чтобы подпадать под стандарты красоты, а если «вы грешите невниманием к нему, вы будете наказаны»³. В большей степени это, конечно, касается женщин. Для женщины в наше время неважно, какова ее внешность, полученная от природы; всегда можно доработать отклонения в фитнес-клубе или исправить недостатки с помощью пластической операции.

На экране зрителю навязывают образ стройной независимой женщины и атлетически сложенного мужчины, хотя обнаженного женского тела в фильмах го-

раздо больше. В современном кинематографе на экране чередой проходят однообразные красотки с параметрами 90-60-90 и американской улыбкой. Постоянное постулирование подобной красоты в женских журналах, на экране кинотеатра и телевизора рождает в женщине, не подходящей под стандарты, гораздо больше комплексов, чем желания превратиться в одну из кукол Барби. Стоит отметить, что именно кукла Барби давно трансформировалась в стереотип, который предлагают девочкам, чтобы они с детства представляли себе, как надо выглядеть и от чего зависит их будущее: богатый дом, много денег, достойный муж и тому подобное. Таким образом, не только тело, но и сам человек, активно превращается в объект потребления. Современный человек, чтобы выглядеть хорошо, должен регулярно посещать фитнес-центр, спа-салоны, салоны красоты, сауны.

Тело превратилось в императив моды. Между прочим, мода на худощавость и бестелесность постепенно проходит, так как за последние несколько лет большое количество представительниц женского пола умерли от анорексии.⁴ Особенно подобная проблема характерна для США, где одна половина населения страдает тучностью вследствие неправильного питания, а другая морит себя голодом, чтобы быть похожей на звезд и добиться успеха.

В 60-е годы XX в. появление на широком экране обнаженного тела воспринималось одной половиной населения как культурный шок и порнография, другая же половина восприняла наготу как освобождение от гнета пуританства. В защиту кинематографа стоит сказать, что кино стало восприниматься как искусство, а в искусстве обнаженное тело давно уже было разрешено как объект эстетического наслаждения. В кино же оживленное на экране тело несет не больше сексуальности, чем в живописи. В задачу кинематографа не входило намерение возбудить зрителя от просмотра обнаженного тела, в отличие от специально направлен-

ных на возбуждение желания эротики и порнографии. В фильме Б. Бертолуччи «Последнее танго в Париже» (1964) Мария Шнайдер и Марлон Брандо большую часть фильма проводят обнаженными. В 1960-е данная картина вызвала критику публики, посчитавшей фильм развращающим зрителя: «Скандалная история 1972 года по поводу выхода на экран (Бертолуччи приговорили к тюремному заключению на 4 месяца и лишили гражданских прав на пять лет. – И. Ф.) обычных, неспециализированных кинотеатров ленты с откровенными эротическими сценами многим помешала верно и точно понять картину Б. Бертолуччи».⁵ Но нагота и сцены секса не призваны шокировать зрителя, в фильме они присутствуют для того, чтобы показать гармонию и слияние между двумя любящими людьми и их независимость в эти моменты от социума, который, в конце концов, и погубил их отношения.

В современном же кинематографе, особенно в популярных фильмах, наготу используют, чтобы привлечь зрителя, чтобы показать идеальное тело и заставить желать этот идеал, т. е. тело поставлено на конвейер потребления. Между прочим, тело не обязательно должно быть обнажено, чтобы излучать сексуальность. Давно известно, что одетая женщина гораздо интереснее раздетой, она еще несет в себе загадку, поэтому в современном кинематографе гораздо больше завуалированной сексуальности, чем открытой наготы. Тем более, что даже если на экране демонстрируется обнаженное тело, оно предстает как знак вторичной наготы, так как кожа стала теперь главной одеждой тела. Кинематограф демонстрирует образ женщины, которая «хорошо себя чувствует в своей коже»⁶.

Женское тело на экране окончательно превратилось в объект потребления и меновой стоимости. Во время съемок того или иного фильма продюсер решает насколько откровенно и сексуально должна быть одета героиня. Чем выше степень красоты ее тела и степень его сексуальности, тем больше вероятность популярно-

сти фильма у зрителя. Например, Моника Белуччи, которая считается эталоном женской красоты. Если обратиться к интернету, то большая часть ссылок будет предлагать вам просмотреть фотографии с обнаженной актрисой. Тем самым зритель обращает внимание в первую очередь не на талант актрисы, а на ее тело. Таким образом, многие картины окупаются уже за счет только присутствия Белуччи, а зритель получает как эстетическое восхищение, так и либидозное возбуждение. Стоит вновь отметить, что изначально обнаженное тело появилось в авторском кинематографе в качестве протеста против узости пуританских взглядов и в качестве знака (интерпретация тела-знака меняется от фильма к фильму). В «Последнем танго в Париже» Бертолуччи и «Забриски-пойнт» Антониони нагота становится знаком свободы и независимости от общества, в «Горькой луне» Полански – знаком власти и агрессии, в «Адвокате дьявола» - знаком искушения. Современный же популярный кинематограф стирает все дополнительные смыслы наготы и использует ее как средство для увеличения прибыли. Почти в каждом высокобюджетном популярном фильме обязательно присутствует постельная сцена, которая не несет в себе ничего, кроме логического развития сюжета.

Мужское обнаженное тело также популяризировалось. Теперь в различных блокбастерах зрителю постоянно демонстрируют новый тип мужчины – современного героя, Геракла, с накаченным торсом и рельефными мышцами («Крепкий орешек», «Форсаж» и т. д.). Правда, в последние годы вектор культуры сменился, и общество, а также, соответственно, и кинематограф, обратилось к метросексуальности. Мужчины и женщины, как на экране, так и в жизни, приобрели черты андрогинов, лотреамоновского гермафродита. Такая тенденция утраты гендерной идентичности вполне характерна для ситуации постмодерна, когда возможно смешение любых аспектов культуры в любых пропорциях.

Современный западный популярный кинематограф (особенно американский) основан на зрелищности и спецэффекте, а также чрезвычайно мифологизирован. Поэтому и персонажи массового кино обладают гипертрофированными чертами, в том числе и телесными. Нагота как элемент зрелищности особенно характерна для современного фантастического и фэнтезийного кино. Стоит отметить, что такому жанровому кино присуща некоторая асексуальность персонажей. В фильмах о космосе, где в основном происходит борьба с иноземными цивилизациями, тема секса, а значит, и наготы, практически полностью исчезает. Вполне понятно, что в фантастическом кино активно используются стереотипы о том, что лидерами любой борьбы являются мужчины. Женщины в таких фильмах исполняют дополнительную функцию: они также могут бороться, но при этом их сексуальность снижается какой-нибудь космической формой или длинными одеждами. Причем, не только женщины, но и мужчины асексуальны в фантастическом кино: «Эта асексуальность ничем не связана с профессиями героев... Но ослепительнее всего она просвечивает сквозь безупречные тела, скованные жесты, вымученную веселость и банальный профессионализм киношных астронавтов».⁷ В таком кинематографе много либо характерного для данного жанра пафоса, либо специально эксплуатируемого страха человека перед неизвестным, поэтому у главных героев практически нет времени на телесную жизнь. Многие исследователи утверждают, что подобная ситуация в фантастическом кинематографе объясняется стерильностью космоса как возвышенного бесконечного и восприятием космического корабля как материнской утробы; другие обращаются к фрейдистским суждениям о космосе как о женском лоне и т. д. Но стоит обратить внимание и на законы жанра фантастики: вследствие излишнего пафоса герои массовых фантастических фильмов оказываются неспособными на реальные эмоции, не омраченные чувством долга, а по-

тому нагота и сексуальность персонажей приобретает элемент кукольности, театральности. Зритель верит в реплики героев о «великой любви» или о «терзающих сомнениях», но вряд ли он верит в реальную возможность сексуальных взаимоотношений между подобными героями; такие персонажи являются скорее стереотипами, манекенами, по Бодрийяру.

Из-за подобной жанровой стерильности нагота мужчин и женщин приобретает совершенно другие коннотации. Обнаженность допускается только в моменты, символизирующие перерождение человека, например выход из летаргического сна, в который погружен весь экипаж космического корабля. В фильме «Чужой» женщина-астронавт Рипли в течение всего повествования воплощает в себе «идеального солдата», «боевого товарища»; в ней напрочь отсутствует какая-либо сексуальность. Но в финале фильма Рипли неожиданно раздевается, чем резко изменяет свой гендерный статус. Из солдата она превращается в женщину, причем во многом в жертвенный объект, в приманку для инопланетного существа: «Отбросив вместе с форменным скафандром свои нарративные ограничения, Рипли перестает быть бесполом, рационально действующим субъектом, но превращается в иррациональный, могущественный, сексуальный объект...».⁸ Таким образом, появление обнаженного тела на экране фантастического фильма возможно только при смене нарративной направленности повествования.

В фэнтезийном жанре нагота представляется в двух основных аспектах: как одежда, присущая изображаемому времени, и как полное отсутствие обнаженности. Во втором случае вопрос наготы приравнивается к вопросу о наготы в фантастическом массовом кино. В первой же ситуации, когда сам фильм требует полуобнаженности героев на экране (например, старые фэнтезийные фильмы «Рыжая Соня» и «Конан»), эта нагота не вызывает у зрителей желания как плотского чувства. Все эти полуголые тела воспринимаются скорее с

эстетической точки зрения как объект зрительного удовольствия. К тому же сам нарратив фэнтезийных фильмов несет в себе определенную архаику, которая вдвойне позволяет зрителю наблюдать за полуобнаженными героями как за греческими олимпийскими атлетами.

Итак, можно сделать вывод, что нагота на экране массового кинематографа не имеет под собой сексуальной, либидозной основы. Это нагота, предназначенная для свободного потребления, как взрослыми, так и детьми. В отличие от авторского кино, где обнаженность является в большей степени знаком и объектом эстетического наслаждения, в массовом кино она не несет в себе ничего, кроме зрительного удовлетворения от ее потребления: «Как эротика существует в знаках и никогда не существует в желании, функциональная красота манекенов существует в “линии” и никогда в экспрессии... Таким образом, во всем обнаженном экзальтированном теле, в этих красочных глазах, отмеченных модой, а не удовольствием, именно сам смысл тела, истина тела уничтожается в гипнотическом процессе. Поэтому тело, особенно женское, и в еще большей степени тело абсолютной модели, какой является манекен, конституируется как объект, соответствующий другим лишенным сексуальности и функциональным предметам, о которых сообщает реклама».⁹ Таким образом, тело в массовом кино стереотипизируется на основе желаний потребителя, превращая не только само тело, но и персонажа и даже актера в объект желания как желания потратить.

¹ О симулякрах в искусстве см.: Родькин П. Экзистенциальные интерфейсы. Опыты коммуникативной онтологии действительности. М., 2004.

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 168.

³ Там же. С. 169.

⁴ Точная статистика отсутствует, но репортажи об анорексии и методах ее лечения можно посмотреть на сайтах, например: http://copypast.ru/2008/02/22/bolezni_anoreksija_60_foto.html

⁵ Энциклопедия кино. Последнее танго в Париже. Интернет ресурс / режим доступа: <http://mega.km.ru/CINEMA/encyclor.asp>

⁶ Бодрийяр Ж. Указ соч. С. 168.

⁷ Собчак В. Девственность астронавтов: секс и фантастическое кино // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. Статей. М.: НЛО, 2006. С. 172.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 174.

**Мифологизация сексуальности:
возможность отказа от толерантности**

Век рациональности, провозгласивший интеллект единственно значимой силой, не может отказаться от своего прошлого, – мифа как принципа упорядочения мира. С помощью мифологизации объекта индивид наделяет значимыми свойствами явления для него чуждые и непонятные. Мифологизированный объект входит в пространство мирозерцания индивида, становясь частью единой картины мира. Создается единое пространство представления, элементами которого будут как реальные объекты, так и объект-миф. Объекту-мифу приписываются черты, которые индивид не желает видеть в себе.

Мифологизация сексуальности создается аналогичным образом. Этот процесс не является феноменом, порожденным современной культурой. С исторической точки зрения нельзя разделить появление мифа и попытки сокрытия сексуальности. Онтологические основания сексуальности с необходимостью предполагают существование возможности не обнажать ее в пространстве социального бытия. Репрезентация сексуальности в силу этого не может не скрывать в себе тайн и соблазнов.

В системе современного позиционирования культурных благ сексуальность становится некоторым товаром, который, как правило, лишь дополняет нарциссический образ индивида, но отнюдь не является частью его природы. «Тот образ, в котором предметы пытаются предстать перед нами, тот способ, каким они как бы предупреждают ценностные возражения и подчиняются скрытой юрисдикции социальной иерархии, заранее уклоняясь от нее, – все это, создавая живую драму частной собственности, описывает также некую

социальную страсть и питает социальную патетику такого дискурса предметов»¹. Способ трансформации сексуальности из антропологической практики в товар - мифологизация.

Объект мифологизации подвергается воздействию «магических сил», которые своеобразным образом налаживают на него «проклятие», исключающее актуальное существование: «его связи с обществом начинают обрываться: проклятого избегают и относятся к нему не только как к мертвому, но и как к источнику опасности для окружающих»². Сексуальность, которая подверглась мифологизации, перемещается в инобытие, созданное довлеющими социальными силами для «неудобных» феноменов.

Мир распадается в своем дуализме, не оставляя для сексуальности возможности свободного выражения, ее принуждают к строго детерминированному существованию. Каждый индивид не только считает форму своей сексуальности наилучшей, но иногда пытается навязать ее другим как единственно приемлемую. Происходит поляризация сексуального пространства конкретного индивидуума и мира в целом. Избранная модель сексуальности начинает полностью определять жизнь человека в отрыве от всякой каузальности, природные стремления индивида нивелируются под грузом конформизма.

Гетеросексуальность была первой моделью сексуального поведения, которую определили как самую оптимальную для существования социума, в силу необходимости продолжения рода. Воспроизводство гетеросексуальной модели поведения со временем приводит к признанию ее единственно возможной.

Мир начинает создаваться в рамках гетеросексуального бытия, забывая о своей гетерогенности. «Условия принудительной гетеросексуальности, которые Кристофер Ашервуд называл “гетеросексуальным диктатом”, причиняют каждодневные серьезные проблемы лесбиянкам и геям. Все законы, формы культуры (ри-

туалы, символы и т. д.) и сами светские социальные ожидания делают их чужими в этом мире. Именно по этой причине существуют “геевские гетто”. Коммерческие учреждения геев и лесбиянок, социальные институты, излюбленные места посещения и свободное пространство, так же как культурные “пространства” и новости искусства, музыкальные фестивали, лесбийская, геевская литература, атлетические лиги, конференции и информационные и дружеские сети, такие как те, что созданы активистами борьбы против СПИДа, – все составляет “освобожденную зону”, где лесбиянки и геи могут почувствовать себя дома и в мире»³. Так, создается некая иллюзия пространства, свободно от гетеросексуального принуждения.

Представители «геевского гетто», пытающиеся создать независимое от породившей их реальности существование, становятся объектами мифологизации. Однако ее творцами выступают отнюдь не только гетеросексуалы, – сами гомосексуалисты поддерживают основания этих мифологических систем. Под маской социально осуждаемой сексуальности может существовать живая сексуальность, свободная от мифов в пространстве близости.

Порожденные традиционной семьей и культурой, гомосексуалисты не могут при всем желании освободиться от них, не потеряв часть себя. С одной стороны, жизнь в обществе, где доминируют, являются социально одобряемыми гетеросексуальные отношения, позволяет людям нетрадиционной ориентации приобрести собственную идентичность, а с другой – разрушает их существование посредством отказа в ценности их бытия.

Объединение по признаку сексуальной ориентации не приводит индивидуума к гармоничному развитию, поскольку многие важные свойства человеческой личности, которые необходимы для полноценной жизни, признаются в этом случае незначимыми. Спорным оказывается утверждение, что «можно быть уверенным,

гетто существует, потому что лесбиянки и геи, для того чтобы расширить свое влияние, усиленное социальным неприятием, находят другие способы средств существования, другие источники эмоциональной поддержки и другие институциональные границы, внутри которых они следуют своим жизненным ценностям; геевское гетто – в значительной степени проявление усиленного разрастания гетто изнутри»⁴. Сексуальность становится слишком хрупкой в своем противостоянии всей человеческой природе. Именно поэтому «гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением»⁵. Сексуальность в «гетто» не становится освобожденной от довлеющей парадигмы, напротив, именно на нее, сконцентрированную в одном месте, направляется вся непроработанная агрессия общества (гетеросексуальных социопатов).

Мифологизация сексуальности, таким образом, становится средством оправдания нетолерантного поведения. Гомосексуальность, выступающая как угроза традиционным ценностям, воспринимается как страшная сила, наполненная пороками, которые передаются с помощью симпатической магии. Миф, вписавший гомосексуальность в гетеросексуальное мировоззрение, отводит ей место универсального виноватого.

Марк Блазиус описывает такое отношение как гомофобию: «...под гомофобией я подразумеваю отвращение индивидуума по отношению к гомосексуальности и гомосексуалистам и часто желание наложить наказание на последних в форме возмездия (кары), либо вылечить их»⁶. Желание исправить все то, что способно поколебать основы гетеросексуальной реальности, приводит к крайне агрессивным проявлениям, которые направлены на обесценивание иных форм существования человека.

Эта агрессия может принимать как открытые («самым старейшим средством социального контроля является физическое насилие»⁷), так и скрытые формы. При этом скрытое насилие гораздо опаснее, поскольку индивид, являющийся его объектом, может быть не готов к этой ситуации. К тому же открытые гомофобные проявления пытаются покалечить телесность человека, в то время как иные насильственные проявления ставят своей целью уничтожение экзистенции индивида, что является более страшным.

Неявное насилие может проявляться в различных формах дискриминации гомосексуалистов (отказ в участии на уровне правовых процессов, непригодность законодательства для гомосексуальных субъектов), выражающихся в стигматизации. Остается актуальным признание гомосексуальности проявлением инверсии, которая лишает общество человеческой природы: «модель инверсии до сих пор популярна, но ей не хватает научной поддержки»⁸. Мнение о неприемлемости традиционных ценностей для гомосексуалистов (семейных, культурных и др.) не позволяет им полноценно существовать в глазах общества. Все эти формы скрытой агрессии получают статус легитимированных через признание мифологизации универсальным средством в процессе познания и описания мира. Мифологизация мира делает агрессию в отношении сексуальности оправданной.

В качестве формы реализации агрессивной гетеросексуальности выступает гетеросексизм. «Так, гетеросексизм – это форма доминирования, и внутри нее и в поддержку ее в качестве структуры доминирования, подчинение – это создание гомофобных субъектов»⁹. Представления о собственной сексуальности становятся частью мировоззрения, закрытого для диалога. Чужая сексуальность воспринимается по аналогии с собственной, меняются лишь маркеры приемлемого и неприемлемого.

Сексуальное противопоставление достигает своего апогея в характеристике незнакомой сексуальности. «Сексуальное предпочтение», например, предполагает, что эротика и секс в отношениях с представителями своего пола просто аналогичны чьему-либо предпочтению особого сорта мороженого, и лесбиянки и геи – такие же точно, как негомосексуалисты, исключая то, что они делают в постели. Если бы это было правдой, не было бы необходимости в установлениях лесбийского, геевского сообщества, которые были организованы особым образом, чтобы противодействовать давлению и создавать безопасные пространства, в пределах которых женщины могли открыться как лесбиянки, встретить друг друга, а мужчины раскрыться в качестве геев и найти таких же, не было бы необходимости в деятельности, ее средствах, которые идут дальше просто сексуальной поляризации».¹⁰ Нежелание признать противоположную сексуальность, в некоторой степени не поддающуюся познанию, приводит к ее исключению из социального пространства.

Гетеросексуальное понимание гомосексуальности – процесс, приписывающий как можно большее количество социальных изъянов в попытке оправдания собственной гомофобии. «Суть мифологического мышления состоит в том, чтобы выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но все же ограниченного... Таким образом, мышление оказывается чем-то вроде интеллектуального бриколажа».¹¹ Ценность созданного гомосексуального образа может быть воспринята гетеросексуалами лишь с точки зрения эстетики порока. Сущность этой эстетики заключается в использовании образа порочного гомосексуалиста как в художественных практиках (кинематограф, литература), так и в повседневных: как бы ни был он при этом привлекателен в греховности, свободной от условностей, клеймо общественного осуждения никуда не исчезает. Гомосексуалист как таковой воспринимается в качестве обесцененного субъекта гетеросексуального

мира, в качестве объекта, не обладающего позитивным бытием.

Гомосексуалисты пытаются решить проблему направленной на них агрессии с помощью создания этоса. Этос становится не столько формой противодействия гомофобии, сколько желанием выразить свою сексуальность, которая не ограничивается биологическими предпочтениями. М. Блазиус пишет в своей работе «Этос существования лесбиянок и геев»: «Жить как лесбиянка или гей сегодня заключается в большем, нежели сексуальная ориентация, жизненный стиль или даже принадлежность к сообществу. Это выражается в этосе, под которым я подразумеваю общий жизненный путь, посредством которого лесбиянки и геи изобретают себя, познают друг друга и устанавливают отношения к культуре, в которой они живут».¹² Понятие этоса не тождественно представлениям о «геевском гетто», поскольку оно не включает в себе необходимости создавать абсолютно обособленное пространство существования. При такой интерпретации категория этоса приобретает экзистенциальные характеристики.

Этос становится формой реализации антропологических потребностей субъектов – он по сути витален, создает жизнь как социальную коллективность и как жизненную стратегию человеческой субъективности, реализующей себя в разнообразных, подчас совершенно нестандартных формах. Этос делает гомосексуальность неотделимой от антропологической природы индивидуума – его создание не ограничивается лишь борьбой за социальные и гражданские права, организацией особого социального пространства. Этос включает в себя стремление к самопониманию, помощь в избавлении от стигмы, обретение витальных оснований экзистенции, таких как любовь, близость, счастье.

Сама проблема этоса – «это не просто проблема сексуальной ориентации или альтернативного образа, стиля жизни (среди других в контексте плюралистической культуры), но ответ на вопрос “Как я буду жить?”».¹³

Ответив на данный вопрос, человек становится способным на полноценное существование в гетеросексуальном мире, он теряет необходимость в постоянном противостоянии этому миру. Мифологизированная сексуальность перестает быть для него чем-то значимым. В ином случае индивид с гомосексуальной ориентацией, ощущающий на себе гетеросексуальное отторжение, начинает испытывать ответную агрессию.

Часть гомосексуалистов в силу своего конформизма не могут не подчиниться властным структурам, пополняя толпу гомофобов. «Это другая сторона монеты гетеросексизма, структуры власти в обществе (какими являются расизм и сексизм), которая отдает превосходство в качестве предпочитаемой (естественной, более здоровой, нормативной) гетеросексуальности над гомосексуальностью и, посредством разнообразия процедур субъективации, создает гомофобных субъектов (которые даже могут вовлекаться друг другом в гомосексуальные связи – однако в соответствии с концепцией “ненавидящего себя гомосексуалиста”».¹⁴ Подавленная гомосексуальность ставит под сомнение существование не только гомосексуального мира, но и гетеросексуального, поскольку индивид, отказавшийся от своей сексуальности, становится неспособным на полноценное существование ни в одном из сообществ. Сексуальность, определяемая как укорененность в бытии, превращается в своеобразный фантазм, который лишь отдаленно напоминает человеку о его экзистенции.

Гомосексуалисты, не сумевшие создать свой этос, испытывая страх перед гетеросексуальным миром, как правило, пытаются его уничтожить. «Не просто гомосексуальный сексуальный акт сам по себе провоцирует страх и ненависть тех, кто вовлечен в этот вид сексуального поведения, по отношению к тем, кто его не придерживается; скорее, не сексуальный акт, а то, что эти люди называют “геевским стилем жизни”. Такой страх и ненависть могут проявляться на уровне инди-

видуальной “гомосексуальной паники” (страх лишиться собственной гендерной идентичности), или в тревожности, что геевский образ жизни, в конце концов, стереотип, влечет гибель западной цивилизации». ¹⁵ Причина этих проявлений заключается в том, что ответственность за разрушение мира ложится в первую очередь на гетеросексуалов, поскольку именно они, создавая властные структуры и управляя ими, развязывают войны и создают мировые конфликты.

«Сознательный отказ от отцовства и поддержки политики отцов» ¹⁶ выражается в нежелании гомосексуалистов воспроизводить уничтожающий себя мир. Однако возникает проблема: приняв свою сексуальность лишь как форму противостояния гетеросексуальной реальности, гомосексуалисты лишают ее антропологической природы, что собственно и ведет к невозможности ее существования в качестве естественной характеристики индивида.

В процессе развития общества мифологизированная сексуальность становится маргинальной в результате противоречивости социальной реальности. Она не может найти себе устойчивого пристанища. Сексуальность вынуждена постоянно находить новые формы своего осуществления и становления, поскольку ее постоянно пытаются исключить как из жизни гомосексуалистов, так и гетеросексуалов. Сексуальность, искаженная различными мифами, исключает толерантное отношение не только к чужой сексуальности, но и к своей собственной.

Мифологизация искажает объекты так, что вновь созданный предмет становится источником возникновения агрессивного поведения. Эта агрессия является двунаправленной – разрушает не только мифологизированный образ, но и свой источник. Интолерантное поведение – тотальное неприятие не только Другого, но и себя самого.

Возможность существования толерантного отношения к сексуальности предполагает ее демифологиза-

цию. Явление, постигнутое исходя из собственной аутентичной реальности, позволяет индивиду ощутить самоценность своего бытия.

Сексуальность, изъятая из потребительского обращения, освобожденная от мифологической товарности, способствует гармоничному существованию разных ее проявлений.

Преодоление стигмы, создание этоса гомосексуалистами и проявление толерантного отношения к ним со стороны гетеросексуалов делают сексуальность живой и человеческой, позволяют каждому существовать в соответствии со своей сексуальной природой.

¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007. С. 31.

² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 171.

³ Blasius M. An ethos of lesbian and gay existence // Political Theory. Vol. 20, № 4, November, 1992. P. 646.

⁴ Ibid.

⁵ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 49.

⁶ Blasius M. Op. cit. P. 643.

⁷ Бергер П. А. Приглашение в социологию. М., 1996. С. 69.

⁸ Peplau L. A., Garnets L. D. A New Paradigm for Understanding Women's Sexuality and Sexual Orientation // Journal of Social Issues. 2000. № 56 (2). P. 334.

⁹ Blasius M. Op. cit. P. 643.

¹⁰ Ibid. P. 645.

¹¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 127.

¹² Blasius M. Op. cit. P. 645.

¹³ Ibid. P. 646.

¹⁴ Ibid. P. 643.

¹⁵ Ibid. P. 645.

¹⁶ Ibid. P. 646.

ОСОБЕННОЕ

От гл. редактора. В этом разделе мы представляем на суд читателей статью известного петербургского исследователя. Не всегда соглашаясь с логикой авторского изложения, полагаем, что эта работа может заинтересовать специалистов не только по гендерной проблематике.

П.М. Кольчев

Мужское и женское в начале и конце культуры

Поскольку в заглавии статьи речь идет о культуре, рассмотренной в ее целостности, то принципиальным оказывается отличие культуры от всего того, что ею не является. При целостном понимании культуры существенное значение имеет ее определение. Собственно, само определение и обеспечивает целостность культуры, позволяя отличить ее от того, что культурой еще не является, а также от того, что культурой уже не является. Это возможно при онтологическом рассмотрении культуры. Поэтому особое внимание в статье будет уделено онтологическому выведению определения культуры. В общем случае онтологический подход обеспечивает внешнее решение проблем теории культуры. Именно по этой причине он должен быть дополнен решениями, исходящими «изнутри» культуры. Похожий подход будет использоваться и в отношении понимания мужского и женского. Эти понятия будут помещены в более широкий контекст, позволяющий увидеть место гендерной проблемы в теории культуры. В онтологическом подходе к культуре следует исходить из понимания культуры как преобразования окружающей человека среды, т. е. в онтологическом ключе культура – это

частный случай взаимодействия, понятого в своем всеобщем объеме. Стало быть, некоторые онтологические модели категории взаимодействия могут оказаться полезными для понимания культуры. Уже первый (и, по-видимому, существенный) признак культуры, т. е. понимание ее как преобразования и понятый в онтологическом аспекте, позволяет внести некоторые коррективы. Связано это с тем, что данное преобразование подразумевает лишь преобразование одного другим, например преобразование человеком диких животных в домашних. В этом случае ускользает такой аспект культуры, как преобразование человеком самого себя.

Посмотрим, к чему может привести замена термина «преобразование» на «взаимодействие». Отличие их содержаний в том, что первое предполагает лишь воздействие одного на другое, т. е. изменение одного вызывает изменение другого, в то время как взаимодействие, включая в себя все, что подразумевается под преобразованием, содержит и обратное воздействие «другого» на первое «одно», т. е. изменение «другого» вызывает некоторое изменение первого «одного».

Именно взаимодействие является частым фактом в культуре. Например, человек за счет воздействия на дикорастущие растения получает так называемые сельскохозяйственные культуры. В этом суть первого акта взаимодействия: воздействие одного (человека) на другое (дикое растение), т. е. изменение одного (выраженного как труд человека) вызвало изменение другого (возникновение культурных растений). Суть второго акта мы видим в том, что культурные растения были выведены для целей питания. Следовательно, с их появлением человек изменил свой питательный рацион, а значит, изменился и сам человек. Вместе с этим изменилась и его степень свободы. С одной стороны, человек стал менее зависимым от природных средств жизнеобеспечения. И в этом смысле он стал более свободным. С другой стороны, по-видимому, время, затраченное на воспроизводство культурных растений,

превышает время, затраченное на использование уже имеющихся в природе растительных ресурсов. Поэтому в этом смысле человек стал менее свободным, ибо у него осталось меньше свободного времени. Изменения в сфере социального вызывают следующие изменения в окружающей человека среде, запуская тем самым новый виток взаимодействия.

Онтологическая корректировка понимания культуры не как преобразования, а как взаимодействия требует теоретического обоснования статуса всеобщности взаимодействия для культуры. Действительно, одно дело, когда приводятся различные, пусть даже убедительные примеры присутствия взаимодействия в культуре. Но примеры всегда остаются лишь примерами: они ничего не доказывают, а лишь демонстрируют те или иные теоретические положения. Совсем иное дело — теоретическое обоснование, заключающееся в редуцировании одних теоретических положений к другим, более отчетливым, не вызывающим сомнения положениям. В этом случае всеобщность присутствия взаимодействия является строго логическим выводом из исходных положений о культуре.

Теоретическое обоснование всеобщности в культуре начнем с того, что всеобщность, по существу, является иным выражением признака необходимости. Действительно, если нечто необходимо, то оно необходимо всегда, при этом «всегда» и означает всеобщность. Учитывая, что взаимодействие предполагает активность обеих действующих сторон, необходимость взаимодействия можно представить как необходимость двух актов: 1) необходимость прямого воздействия человека на окружающую среду; 2) необходимость обратного воздействия измененной окружающей среды на человека. Любой акт воздействия, в свою очередь, представлен последовательностью двух изменений: 1) изменением того, что воздействует; 2) изменением того, на что воздействует. Поэтому необходимость воздействия определяется необходимостью этих изменений. Необходи-

мость первого изменения в отношении культуры, представленного как изменение человека, очевидна. Действительно, человек, по крайней мере в рамках культуры, всегда является человеком изменяющимся. В рамках традиционного понимания времени¹ запрещены полностью автономные изменения, которые не вызывают каких-либо изменений чего-либо другого. Поэтому, если мы принимаем концепцию человека как чего-то изменяющегося, то необходимо принять и наличие факта изменения его окружения (как того, что человеком не является).

Что касается необходимого присутствия второго акта взаимодействия в культуре, то не представляется возможным его онтологическое обоснование. Связано это с всеобщим характером онтологии и частным характером теории культуры. С позиции онтологии равноправными оказываются и вариант с присутствием второго, обратного акта взаимодействия, и вариант с его отсутствием. Если же мы обратимся к человеческой деятельности, то окажется, что она далеко не всегда имеет характер взаимодействия. Например, человек проехал на вездеходе по тундре (изменение человека), что привело к повреждению поверхностного слоя почвы (изменение среды обитания). Предположим, что человек проехал в данном месте всего один раз, и изменения в тундре оказались незначительными, что не привело к обратному воздействию на человека. Можно усилить данное предположение тем, что у природы хватило времени на полное восстановление первоначального состояния поверхностного слоя. Таким образом, взаимодействие не имеет всеобщего характера даже для человеческой деятельности. Этот вывод мог бы оказаться решающим для исключения взаимодействия из признаков культуры, если исходить из положения, согласно которому всякая человеческая деятельность включается в сферу культуры. Мы принимаем как очевидное, что это не так, т. е. к культуре относится только часть человеческой деятельности.

В чем же специфика этой части деятельности? Для определения этой специфики зададимся вопросом, каков смысл воздействия человека на окружающую среду? Думаем, что основной целью было жизнеобеспечение человека. Но в достаточной ли мере эта цель специфицирует культурную человеческую деятельность? Например, должны ли мы признать культурный статус охоты на диких животных, которая может быть решающей в жизнеобеспечении, по крайней мере на ранней стадии развития человека. Если это так, тогда это влечет признание такого же статуса деятельности хищных животных, охотящихся на других животных. В таком случае биология как наука о живых организмах, суть которой в обмене веществ с окружающей средой, окажется частью теории культуры. Конечно, такое понимание можно исправить тем, что речь идет не о деятельности всякого животного, а только о деятельности человека. Но в таком случае предмет теории культуры можно определить только спецификой человека.

Понятно, что речь идет не о специфике человека по отношению к неживой природе, а следует иметь в виду его специфику по отношению к остальным живым организмам². Ясно, что специфицирующим признаком здесь выступает мышление, которое и выделяет человека среди всех живых организмов. Учитывая это обстоятельство, культуру можно представить как взаимодействие человека с окружающей средой, когда человек использует свои способности и мышление для обеспечения себя жизненными средствами. В самом феномене мышления до сих пор многое остается неясным. Но для нас достаточным оказывается такое обстоятельство (в котором сходятся все концепции о мышлении), согласно которому мышление невозможно без воздействия внешней среды на человека. Но это как раз и есть обратное воздействие, необходимость которого мы пытаемся обосновать. Но для доказательства этого, следует показать связанность обоих воздействий. Ведь акт воздействия человека на окружающую

его среду может быть не связан с актом мышления как воздействия на человека окружающей его среды.

В поисках искомого обоснования обратим внимание на тот исторический факт, что известно по крайней мере два способа обеспечения человека жизненными средствами. Первый способ связан с использованием преимущественно уже имеющихся в природе средств, а второй – с воспроизводством средств жизнеобеспечения. Оба способа качественно отличаются друг от друга. При этом наиболее изученными являются такие феномены культуры, которые связаны со вторым способом. По существу, основное содержание теории культуры связано именно с этим способом. Если под культурой понимать оба способа взаимодействия человека с окружающей средой, то возникает противоречие между заявленным предметом изучения теории культуры и фактическим положением дел в ее содержании. Действительно, если теория культуры – это такое теоретическое знание, которое является общим для всех феноменов культуры, то этого знания в современной теории культуры оказывается недостаточно. Основная же, подавляющая, часть теоретического знания является частным приложением общей теории к случаю воспроизводства средств жизнеобеспечения. Это противоречие можно устранить чисто формальным способом: понимать под культурой только такое взаимодействие человека с окружающей средой, когда он, используя свое мышление, выбирает основным способом взаимодействия воспроизводство средств жизнеобеспечения. Что же касается феноменов человеческой жизнедеятельности, реализованных по первому способу, то они могут быть представлены в другом специфическом виде знания, которое можно обозначить, например, термином «карптурология», образованным из двух слов: латинского «carptura» – собирание и греческого «λόγος» — учение. Правда, при выборе термина необходимо иметь в виду, какова значимость для человека актов взаимодействия в первом и втором способах. Для вто-

рого способа высокая значимость взаимодействия человека с окружающей средой достаточно очевидна. В то время как для первого способа более значимыми могут оказаться совершенно иные сферы деятельности человека. Например, основное время в некоторых племенах тратится на общение или медитацию. Поэтому термин «ламбология» построен по тому же основанию, что и культурология: по основанию взаимодействия. Оно может не выражать главного элемента жизнедеятельности человека, который взаимодействует с окружающей средой посредством изъятия из нее необходимых средств для существования.

Потребление человеком средств жизнеобеспечения всегда осуществляется как взаимодействие. Это положение оказывается справедливым как для способа потребления имеющихся в природе средств, так и для способа потребления воспроизведенных средств жизнеобеспечения. Такая независимость от способа жизнеобеспечения обусловлена тем, что в обоих случаях речь идет о потреблении. По своей сути потребление всегда есть воздействие результатов деятельности человека на окружающую среду, что и является, по определению, взаимодействием. Например, человек выкопал дикорастущий корнеплод, произведя тем самым некоторое воздействие на окружающую среду. Результатом такого воздействия является отличие корнеплода в земле от корнеплода в руках человека. Потребление корнеплода в качестве пищи приводит к изменению человека, который перешел из состояния голода в состояние сытости. Это и становится результатом воздействия корнеплода как части окружающей среды на человека³. Пример о присутствии взаимодействия в ситуации потребления воспроизведенных средств жизнеобеспечения был приведен нами в начале статьи.

Что же дает для понимания гендерной проблемы определение культуры как взаимодействия человека и окружающей среды с целью обеспечения себя средствами существования путем их воспроизводства, сопро-

вождающегося активным использованием своего мышления? Прежде всего покажем, какое место занимает данная проблема среди других проблем теории культуры. Начнем с того, что взаимодействие всегда предполагает наличие как минимум двух сущих, которые уже указаны в приведенном выше определении культуры: человека и окружающей его среды.

Данное определение по существу содержит краткую структуру всей теории культуры. Действительно, здесь представлены такие элементы, как взаимодействие, человек, окружающая его среда, средства жизнеобеспечения, воспроизводство, мышление, с каждым из которых связаны целые блоки проблем теории культуры.

Отсюда следует, что гендерная проблема – это часть проблем культуры, связанных с человеком. Однако не следует спешить переходить от человека к конкретным типам мужской или женской сущности. Дело в том, что присутствие человека в определении культуры не совсем корректно. Действительно, разве человек осуществляет взаимодействие с окружающей средой? В строгом значении следует дать отрицательный ответ на этот вопрос. Конечно, можно вообразить ситуацию, когда конкретный человек один взаимодействует с окружающей средой. Это взаимодействие может быть кратковременным или более длительным, например у Робинзона. Но нельзя говорить о взаимодействии человека с природой в момент его рождения. Это объясняется тем, что человек рождается совершенно беспомощным существом. До того момента, когда человек самостоятельно сможет обеспечивать себя средствами для жизни, он должен пройти период воспитания и физического становления. И то, и другое есть ничто иное, как воздействие на человека уже существующей культуры. Поэтому человек в своем, казалось бы, индивидуальном воздействии на окружающую среду осуществляет его не в одиночку. В этом воздействии опосредовано принимают участие те люди, которые научили его определенным навыкам такого воздейст-

вия. Например, человек сам может изготовить капкан для дикого животного по образцу уже существующего капкана. Но в этом взаимодействии присутствует тот, кто изготовил капкан первоначально. Таким образом, в определении культуры всегда следует иметь в виду такое взаимодействие, которое осуществляется не отдельно взятым человеком, а обществом, состоящим как минимум из двух человек⁴.

Рассмотрим подробнее, как следует понимать общество в культурном взаимодействии, именно это и определит место гендерной проблемы в теории культуры. В самом элементарном приближении общество следует понимать как множество людей, состоящее как минимум из двух элементов. Понятия «множество» и «элемент» здесь можно воспринимать в строго математическом смысле⁵. И их использование затруднено тем, что, являясь изначальными понятиями теории множеств, они не имеют однозначных определений в самой математике. Для наших целей мы используем определение множества, которое дано основателем теории множеств Г. Кантором. Множество образуется элементами, объединенными в целое по общему для них свойству, обозначенному как размерность множества или применительно к культурологии как размерность общества.

Ясно, что для одних и тех же сущих может быть задано несколько множеств, если эти сущие имеют несколько общих свойств которыми, в частности, определяется количество множеств. Например, семь человек, имеют общие свойства: все они люди в возрасте 35 лет, мужского пола, армянской национальности, холостые по семейному положению, работающие на предприятии «Гранд». Таким образом, можно создать пять различных множеств: 1) множество людей среднего возраста; 2) множество мужчин; 3) множество холостяков; 4) множество армян; 5) множество работников предприятия «Гранд».

Размерность множества есть то, что образует из множества некоторое единство. Теперь мы частично

воспользуемся мыслью А.П. Карсавина о симфонической (коллективной) личности, сущностным признаком которой выступает единство. Поэтому понятие «личность» мы будем представлять как любое множество, элементами которого являются люди⁶. Так в выше приведенном примере кроме личностей, представленных семью отдельными людьми, имеют место и такие личности, как человек среднего возраста, мужчина, холостяк, армянин, работник предприятия «Гранд»⁷.

В определении культуры термин «человек» следует поменять на термин «личность». В зависимости от того, о какой именно личности идет речь в определении, мы получаем одно из оснований классификации культур. Например, если имеется в виду такое свойство личности, как национальность, то мы имеем дело с национальной культурой, которая есть взаимодействие нации с окружающей средой с целью обеспечения себя (нации) средствами для своей (национальной) жизни путем их воспроизводства, сопровождающегося активным использованием своего (национального) мышления. Если личность – женщина, то имеет место женская культура, которая представляет собой взаимодействие женщины с окружающей средой с целью обеспечения себя средствами для существования путем их воспроизводства, сопровождающегося активным использованием своего (женского) мышления.

Существование личности ещё не обеспечивает существование соответствующей ей культуры, ибо необходимо, чтобы эта личность была вовлечена во взаимодействие с окружающей средой. Скажем, основная цель взаимодействия – обеспечение себя средствами существования через их воспроизводство, использованием своих умственных способностей не стоит, например, перед людьми, образ жизни и деятельность которых можно охарактеризовать как собирательность, так как они не участвуют в культурном взаимодействии, ибо у них отсутствует воспроизводство.

В связи с таким пониманием культуры резонно задаться следующим вопросом. Куда следует отнести остальных людей, не вошедших во множество, которое представляют ту или иную личность? Ответ предельно прост. Они являются частью среды, окружающей данную личность. Например, в женской культуре мужчина является частью окружающей ее среды, и наоборот. В связи с этим мы уже можем говорить о культуре такой личности, которая представлена отдельно взятым человеком, при этом, не противореча ранее сделанному утверждению, поскольку другой человек или совокупность других людей включаются теперь в окружающую данную личность среду.

Теперь становится понятно, что тема «Мужское и женское» в культуре представлена совокупностью тем «Мужская культура» и «Женская культура», которые оказываются одними из тем личностных культур. Однако только этим тема «Мужское и женское» не исчерпывается. Дело в том, что личность может быть образована такими элементами, которые являются самостоятельными множествами, ибо множество подмножеств есть также множество. Например, возможна такая личность, как «русская женщина», и соответственно, допустима тема «Культура русской женщины», или такой личности, как «мужчина-начальник», соответствует тема «Культура начальника мужчины». Возможна и такая личность, когда элементами соответствующего множества оказываются и «мужчина», и «женщина». Ясно, что этих тем столько, сколько возможно множеств с участием таких личностей, как мужчина и женщина. Однако среди всех допустимых личностей есть одна особенная личность – личность, являющаяся множеством всех подмножеств. Такой личностью является общество, которому соответствует культура общества.

Определив место темы «Мужское и женское», а точнее, место целого комплекса похожих тем в теории культуры, перейдем к рассмотрению роли мужчины и

женщины в культуре общества, обратившись к моменту зарождения самой культуры. Используем для этих целей преимущественно спекулятивно-теоретический метод.

Итак, согласно определению культуры, ее возникновение связано с переходом общества от собирательства к воспроизводству средств жизнеобеспечения. Периоду собирательства предшествовал биологический период существования предчеловека. Различие между предчеловеком и человеком заключается в эффективности использования мышления.⁸ Предчеловек – это то (или тот), из чего (или кого) в последствии появился⁹ человек. Обращение к этому периоду нам необходимо для разграничения биологического, докультурного и культурного в содержании понятий мужчина и женщина. Для проведения такого разграничения необходимо единое основание, т. е. такое свойство, которое оказывается общим для всех трех элементов.

В нашем случае таким основанием является обеспечение средствами существования. Для предчеловека основной тактикой такого обеспечения является собирательство без использования мышления, для человека докультурного периода – собирательство с использованием мышления, для человека культурного периода – воспроизводство средств жизнедеятельности, при активном использовании мышления. Такое основание определяет понимание специфики мужчины и женщины в культуре общества.

Однако прежде следует установить связь между биологической природой мужского и женского и обеспечением средств для жизни. С биологической точки зрения первичные половые признаки (различием которых и определяется деление на мужскую и женскую особь) являются средством для деторождения. Само деторождение – это воспроизводство тела личности. Но о какой собственно личности идет речь? Понятно, что это не личность, представленная одним человеком. И дело здесь не столько в том, что воспроизводство реализует-

ся через секс двух людей. В деторождении человек не воспроизводит себя, а рождает другого человека, который так же, как и первый, может быть личностью. Через деторождение воспроизводится не отдельно взятый человек, а общество, рассмотренное как самостоятельная личность. Подобно тому, как человек существует за счет постоянного регенерирования (обновления) своих клеток, так и общество существует через обновление своих членов, т. е. людей¹⁰. Поэтому в занятии сексом человек проявляет себя не как самостоятельная личность, а как элемент другой личности, общества.

Деторождение – это одна из форм совместной деятельности мужчины и женщины, образующих симбиоз. У некоторых животных это единственной форма симбиоза мужского и женского. Современные антропологические данные убедительно показывают, что до культурного периода мужчина и женщина образовывали симбиоз, основанный не только на сексе, но и на совместном обеспечении себя средствами существования. Связь между деторождением и обеспечением средствами для жизни очевидна, так как и то, и другое – деятельность личности. Как различные сферы деятельности они могут выражать и совместные интересы, и конфликт интересов. На уровне отдельного человека как элемента личности-общества эти интересы, как правило, противоречивы. Связано это с распределением времени на эту деятельность.

Деторождение составляет лишь одну часть такого воспроизводства. Сюда следует включить весь комплекс последующих мероприятий в отношении детей до их полной подготовки к взрослой жизни. Сюда следует отнести вскармливание, обеспечение одеждой, жильем, а также обучение ребенка основным функциям взрослого человека. Кроме того, в телесное воспроизводство следует включить мероприятия, связанные с послеродовым восстановлением.

Проведем оценку времени, затраченного мужчиной и женщиной на телесное воспроизводство личности-

общества. В мире животных можно встретить самые разнообразные формы распределения перечисленных мероприятий между мужской и женской особями. В человеческом обществе как в докультурный, так и в начале культурного периода основные обязанности по телесному воспроизводству выполняет женщина. Она больше затрачивает времени и сил, поскольку, кроме того, участвует и в обеспечении средствами существования не только детей, но и себя, и мужскую половину. Мужчина же в основном занят жизнеобеспечением, т. е. он меньше женщины занят в телесном воспроизводстве.

Мы сосредоточили свое внимание именно на проблеме распределения времени. Например, большая физическая сила современного мужчины, по сравнению с женщиной, не является для нас очевидной в начальный культурный период. Мы допускаем и такую возможность, что физические способности мужчины являются не причиной, а следствием перехода к культуре.

Каковы же были отношения между мужчиной и женщиной в докультурный период? На наш взгляд, принципиальным оказывается отношение к старикам. Если допустить, что в старости человек этого периода в основном зависел от результатов деятельности зрелой части общества, то старики мужчины понимали свою зависимость от этой части общества, которая являлась следствием телесного воспроизводства, где главную роль играла женщина. Казалось бы, такая ситуация должна была привести к женской доминанте в обществе. Однако этого не случилось и не могло случиться по той причине, что после того, как дети становились взрослыми, женщина теряла над ними контроль.

Собирательство, как правило, не требует значительных физических затрат. Поэтому в нем могут принимать участие как дети, начиная с раннего возраста, так и старики до глубокой старости. Это справедливо, по-видимому, и в отношении женщин, находящихся в предродовом и послеродовом состоянии. Стало быть, в

обеспечении средствами для жизни участвуют люди с широким возрастным и гендерным диапазоном, что значительно уравнивает людей в отношении главного фактора жизни.

Если и говорить о социальной доминанте этого периода, то небольшое преимущество имеют люди среднего возраста. Старик, например, не способен взобраться на высокое дерево за бананами, у мальчика может быть недостаточно сил и умения, чтобы выкопать яму или поставить капкан на крупного животного. Важную роль для слабого доминирования в докультурный период играет и способ распределения полученных у природы средств жизнеобеспечения. Главным фактором является отсутствие избыточного продукта (средства потребления). В это время не строится для длительного пользования жилье, так как постоянно приходится перемещаться с одного места на другое в поисках пропитания, не хранятся средства для добывания этого пропитания, так как они элементарны и их легче сделать заново на другом месте. Если добытые продукты готовы к употреблению без какой-либо обработки, например бананы, мед, то добытчики удовлетворяют свои потребности, а остатки достаются другим членам сообщества, не принимавшим участия в их добыче. На фоне основного доминирования зрелого населения над детьми и стариками различие между мужчиной и женщиной минимально.

Ситуация значительно меняется при переходе от собирательства к воспроизводству. Очевидно, что в этих условиях наиболее вероятным является то, что именно мужчина начинает заниматься воспроизводством средств жизнеобеспечения, т. е. именно он осуществляет переход общества из докультурного в культурное состояние. При этом оказывается неважным, кто именно был инициатором такого перехода, так же как несущественна и мотивация мужчины¹¹ заниматься воспроизводством. В принципе, второстепенными являются и внешние обстоятельства перехода к культуре. Совер-

шенно не важно, был ли это природный катаклизм, или опыт воспроизводства оказался более эффективным по сравнению с собирательством, или что-либо ещё, но значимым остается только факт, кто именно стал реализовывать такой переход.

Переход к воспроизводству как основному способу обеспечения средствами существования повлек за собой и изменение отношений между мужчиной и женщиной. И изменения эти были не в пользу женщины. Думаем, что мужчина, поняв свою значимость и зависимость женщины в большей степени, чем раньше, начинает влиять на распределение результатов своего труда, что привело сначала к исключению женщины из решения вопросов распределения, а потом – к ее подавлению и в других сферах жизнедеятельности общества. Надо отметить, что главную роль здесь сыграло не воспроизводство как таковое, а появление излишка средств жизнеобеспечения. Если бы воспроизводство осталось на уровне необходимых средств для жизни, то отношения между мужчиной и женщиной, по-видимому, не претерпели бы таких кардинальных изменений.

Основной доминантой в начале культурного периода является мужчина. Поскольку он становится главным «орудием» воспроизводства, то оно (воспроизводство) приобретает мужской характер. Для того чтобы почувствовать сущность этого характера, следует обратиться к социальной специфике мужчины по сравнению с женской. Главную специфику свободного времени мы уже отмечали. Но она определяет саму возможность заниматься воспроизводством и слабо связана с формой этого производства. В определении культуры зафиксирована главная особенность человека – мышление. Поэтому именно на особенности мужского и женского мышления следует обратить внимание.

Мышление во многом определяется формой чувствования. Под чувствованием здесь понимается способ получения человеком информации как о внешних по

отношению к нему предметам, так и о собственном теле. В этой области женщина обладает всеми теми способностями, которые свойственны мужчинам. Однако, кроме того, у нее в большей мере развита такая способность, которую можно обозначить как ясновидение, когда человек воспринимает определенный предмет, получает информацию о событии, объекте без участия известных органов чувств. Частным случаем ясновидения является интуиция. Данная специфика женского чувствования, по-видимому, определяется ее биологической природой, проявляемой в непосредственном отношении к деторождению как рождению нового сознания (души). Это подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что, по мнению Н.П. Бехтеревой, в 10% случаев роженицы переживают опыт выхода из тела, который мы склонны считать частным случаем ясновидения.

Другой особенностью женского мышления, вероятно, является большая эффективность визуализации. Женщине легче договориться не только с другим человеком (через понимание), но и с окружающей средой (через визуализацию). В то время как мужчина действует агрессивно и по отношению к другому человеку, и по отношению к окружающей среде, женщина способна воздействовать на окружающую среду (включая другого человека) так, что она (среда) сама изменится в нужном для женщины направлении, мужчина же сам изменяет окружающую среду. Женщина договаривается, а мужчина подавляет.

Ставка мужчины на физическую силу в стремлении преобразовать окружающую среду и его несомненные успехи в этом направлении соответствующим образом влияют на характер его мышления. Наиболее ярким достижением мужчины в этой области является наука, которая, как мы считаем, является преимущественно мужской¹². Основу науки определяет формальная логика. Поэтому мужская логика – это формальная логика. Наряду с ней имеет место женская логика, в признании

которой, мы считаем, нет ничего унижительного для женщины, ибо для нас совсем не очевидно, что мужская логика эффективнее женской логики, так как многое зависит от того, о решении какой проблемы идет речь. Думаем, что в масштабе общества обе логики дополняют друг друга. Правда, мужчина делает вид, что он этого не замечает.

Таким образом, специфика мужского мышления определяет такие особенности культуры, как физический способ взаимодействия с окружающей средой и агрессивность этого взаимодействия. Другая особенность культуры связана с характером результатов культурного взаимодействия, т. е. с тем, какие именно «предметы» производит культура.

Эффективность воспроизводства способствует появлению излишков средств жизнеобеспечения. Совершенствование орудий воспроизводства приводит к определенному уровню в развитии культуры, когда излишек приобретает достаточные масштабы, которые увеличивают такой показатель, как количество произведенного средства жизнеобеспечения в единицу времени. После перехода от собирательства к воспроизводству – это второй ключевой момент в развитии культуры общества. Связан он с тем, как можно распорядиться появившимся излишком средств жизнеобеспечения.

Теоретически существовала возможность распорядиться им таким образом, чтобы снизить дальнейшее воспроизводство, оставив уровень потребления прежним. Думаем, что реализации этой возможности препятствовала память общества о трагических обстоятельствах перехода от собирательства к воспроизводству. Например, быстрое изменение внешней среды могло привести к снижению основных средств жизнеобеспечения. В условиях собирательства такое положение вещей привело бы к вымиранию части общества. Выправив ситуацию с помощью воспроизводства, общество еще долго помнило о «коварстве»

окружающей среды. Поэтому, даже получив излишек, общество не только не смогло отказаться от воспроизводства и вернуться к собирательству, но и не смогло остановиться на том же самом уровне производства средств жизнеобеспечения. Помня о постигшей общество трагедии, оно обречено на эскалацию производства излишка.

Некоторые животные также способны на акты воспроизводства средств жизнеобеспечения. Но они не производят излишка и не способны на его эскалацию. Почему? Решающим фактором здесь выступает такая способность, как память, которая в большей степени, нежели у животных, развита у человека. В частности, у человека и животных, по-видимому, различна скорость запоминания, которая определяется, по крайней мере, двумя факторами: во-первых, уровнем эмоционального переживания запоминаемого события; во-вторых, частотой повторения события. Трудно провести сравнение человека и животного по первому параметру.

Что же касается второго, то, исходя из того, что человек в большей степени поддается обучению, базирующемуся в основном на запоминании, нежели любое из животных, можно сделать вывод, что человеку требуется меньшее количество повторений для запоминания, чем (в соответствующем эквивалентном пересчете¹³) животному. Различие усугубляется еще и тем, что в нашем случае речь идет не об отдельно взятом человеке, а об обществе. Ясно, что память общества отличается от памяти отдельного человека. Поэтому правильным будет сравнивать память общества и память «общества» животных какого-либо конкретного вида.

В случае если время изменения окружающей среды меньше времени, требуемого на реализацию механизма естественного отбора, за счет которого у вида есть шанс выжить путем своего изменения, то у вида с плохой памятью нет шансов выжить. Хорошая память позволит воспользоваться своим предыдущим успешным опытом взаимодействия со средой обитания, который

(опыт) надо было запомнить. Совсем нелишним будет помнить и о том, что окружающий мир изменился. При отсутствии памяти об этом животное продолжает вести себя по-прежнему, что и приводит его к гибели.

Память, таким образом, оказывается главным фактором в переходе к культуре. Это обстоятельство опосредованно отражено в данном определении культуры, когда мы говорим, что память является необходимым условием мышления. Память, а позже и мышление наряду с естественным отбором значительно ускоряют эволюцию.

Возникновение излишка и его эскалация несколько меняют доминирование среди элементов общества. Связано это с тем, что в этих условиях возникает собственность. Поэтому главной доминантой становится собственник. Понятно, что в силу предшествующей мужской доминанты, первыми собственниками становятся мужчины. Для рассмотрения темы «Мужское и женское» данное обстоятельство для периода начала культуры не столь значительно, ибо мужчина-собственник по отношению к женщине все равно остается прежде всего мужчиной.

Более важным для культуры оказывается следующее обстоятельство. Эскалация излишка привела к извращению уже имевшегося потребления и к формированию новых сфер потребления. Все это основано на принципе удовольствия. Если в докультурный период основная функция удовольствия состояла в том, чтобы быть критерием при отборе того, что является полезным, а что не является таковым для человека в его взаимодействии с окружающей средой, то многое меняется в ситуации эскалации излишка. Появляется возможность переживать удовольствие без необходимости на то. Удовольствие из средства становится целью, т. е. извращается изначальное назначение удовольствия. Потребление из необходимого становится сверхнеобходимым, т. е. извращенным.

Надо сказать, что мужчина, хотя и является, по-видимому, причиной извращенного потребления, не является одиноким в своем извращении. Думаем, что женщина, может быть, не сразу, но все же поддержала его в этом. Связано это, во-первых, со схожестью строения их тел, а, во-вторых, с тем, что принцип удовольствия справедлив как для мужчин, так и для женщин. Поэтому сама по себе ситуация извращения не является мужской или женской. Однако справедливо это только в отношении потребления необходимых средств жизнеобеспечения. И это не так в отношении появления новых сфер потребления.

Эскалация излишков необходимых средств жизнеобеспечения приводит к увеличению свободного времени в этой сфере деятельности. Выше уже говорилось, что мужское доминирование означает, в частности, определяющую роль в распределении этих излишков. Поэтому логично предположить, что и этим свободным временем будет распоряжаться прежде всего мужчина. Стратегия излишества в области необходимого со временем распространилась на все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим формируются новые потребности, которые выходят за рамки необходимых, т. е. являются сверхнеобходимыми потребностями. Используя предыдущий термин, такие потребности можно обозначить, как извращенные потребности. Время, свободное от необходимых потребностей, оказывается занятым извращенными потребностями.

Смысл термина «извращенная потребность» состоит в том, что существует и другая сверхнеобходимая потребность. В период собирательства для обеспечения себя необходимыми телесными средствами человек затрачивает всего 30-40% от времени своего бодрствования, остальную же, большую, часть этого времени человек тратит на общение с другими людьми, а также на общение со сверхчеловеческим. И то, и другое есть различные формы проявления духовной сферы жизнедеятельности человека. Поэтому теоретически существова-

ло две возможности использования свободного времени, появившегося в результате перехода от собирательства к воспроизводству: либо развивать потребности в духовной сфере, либо – в телесной сфере. Если считать духовность, частным случаем которой является мышление, существенным признаком человека, а телесность – несущественным, то развитие несущественных признаков и становится извращением сущности человека. Так надо понимать термин «извращённые потребности», которым мы обозначаем сверхпотребности в сфере человеческой телесности.

Выше мы уже отмечали особенности женской и мужской духовности. Если бы женщина была основной доминантой, тогда был бы шанс направить преобразование (культуру) по духовному пути. Но с доминированием мужчины культура реализовалась преимущественно в телесном направлении. Поэтому современная культура – это культура преимущественно телесная.

Мужская и женская сферы деятельности отличались уже в биологический период. Это различие существует в докультурный период и усиливается с переходом к воспроизводству. Естественно предположить, что в силу мужского доминирования в культуре будут формироваться прежде всего сверхпотребности, связанные с мужской сферой деятельности. Отчасти это оправдано развитием средств воспроизводства как основной компоненты мужской деятельности. Отчасти – человеческим эгоизмом в получении удовольствия. Поэтому продукты культуры преимущественно связаны с мужчиной, а не с женщиной.

Таким образом, культура начинается как развитие общества с мужским доминированием, где мужчина является основным производителем, распределителем и потребителем культурных ценностей. Такое положение существовало достаточно долго, однако в современный период возникают предпосылки к его изменению.

Пожалуй, главный фактор, который кардинально меняет положение женщины, – это ее освобождение от

забот телесного воспроизводства общества. В современных условиях значительная часть этого стала одной из самостоятельных сфер общественной деятельности, в которой доля участия женщины такая же, как и в других сферах производства. Например, на предприятии по изготовлению детского питания могут преимущественно работать мужчины, так же, например, как и на судостроительном заводе.

Другой аспект изменения соотношения мужского и женского в культуре связан с доминированием в ней собственника. Если ранее доминанта собственника была связана именно с мужчиной, то сегодня во многих странах законодательство таково, что у женщин формально имеются те же права на собственность, что и у мужчины. Поэтому доминанта собственника в современной культуре меняет свои гендерные характеристики в сторону женщины. Современный собственник как личность является гермафродитом.

Предпосылки в изменении положения женщины касаются и главного в культуре: характера воспроизводства средств жизнеобеспечения. Мужчина, постоянно модернизируя орудия воспроизводства, довел их до такой степени совершенства, что уже требуется применение минимальной физической силы. Поэтому во многих сферах деятельности вполне достаточным оказывается применение такой физической силы, которой располагает женщина, что позволяет ей конкурировать с мужчиной.

Иное дело – характер самого воспроизводства, формируемого мужским стилем мышления, который, как мы помним, отличается от женского мышления. Поэтому в этих областях воспроизводства женщина может добиться успеха лишь в том случае, если овладеет приемами мужского мышления. Иногда женщине удастся и это.

Все эти обстоятельства говорят о незаконности претензий мужчины на доминирование в современной культуре. Такое доминирование все больше обосновы-

вается лишь традицией. И наоборот, эти обстоятельства являются основаниями для выравнивания положений мужчины и женщины в обществе. Только при этом необходимо иметь в виду, что женщина в стремлении к этому равенству, жертвуя своей женственностью, пытается стать мужественной, стать мужчиной. Как первоначальное стратегическое направление такое стремление вполне обосновано. Правда, обоснованным оно считается с мужской точки зрения, ибо мужчина в борьбе за реализацию своей индивидуальности в какой-либо сфере деятельности вначале должен обеспечить, по крайней мере, равенство по тем пунктам, которые позволили другому доминировать в этой сфере. Обоснованной такая стратегия является еще и с силу того, что перед женщиной только один пример доминирования — мужское доминирование. Поэтому в начале у женщины просто нет выбора, как только быть похожей на мужчину. Но на этом пути она перестает быть женщиной.

Не женское это дело, влиять на окружающую среду с помощью физической силы, в то время как у нее имеются другие возможности, быть собственником, т. е. продуктом стратегии извращения сущностной характеристики человека. Женщине суждено развить в человеке подлинно человеческое. Не женское это дело, участвовать в воспроизводстве мужских продуктов культуры, являющихся извращением человеческой природы, думать как мужчина, который копирует в своем мышлении примитивную природу. Единственное достойное направление в современном стремлении женщины к равенству с мужчиной — это выравнивание в заботе о потомстве.

Мужская культура сопротивлялась и будет сопротивляться попыткам женщины реализовывать свою женскую сущность. Пока мужчина дал согласие на то, чтобы женщина стала мужчиной. При этом совсем не очевидно, что сделал он это из каких-то гуманистических целей, так как ему скорее свойственна агрессив-

ность, нежели гуманизм. Возможно, это связано с тем, что мужчина исчерпал возможности своего развития, которые порождались средой. Напомним, что мужчина, если рассуждать как А.П. Карсавин, это множество конкретных мужчин, образующее личность. Индивидуальность конкретных мужчин служила той базой данных, которой и пользовался мужчина как личность в своем развитии. Возможно, этот источник новизны уже иссяк. В поисках нового импульса развития мужчина обращает внимание на женщину, позволяя ей стать членом мужского сообщества. К тому же она постоянно его об этом просит.

Существуют три варианта исхода борьбы женщины за равенство с мужчиной. В первом варианте женщина не достигает равенства с мужчиной. Правда, это уже не развитие, а стагнация. Оба других варианта реализуются через стадию достижения равенства. Различие их в том, сохранит ли женщина в себе женское начало или же полностью его утратит. В последнем случае общество не испытает перехода в новое качество, которое возможно, если женщина после достижения равенства начнет реализовывать свою сущность, и прежде всего свое духовное начало.

Отличие общества с женской доминантой от общества с мужской, по-видимому, такое же, как отличие души от тела. Возможно, что для общества с женской доминантой уже не будет выполняться выше данное определение культуры. И тогда женская доминанта окажется концом культуры, но не концом развития общества, ибо мы помним о существовании докультурного его существования. Просто общество перейдет в свою третью фазу. Возможно, переход к женской доминанте есть стремление к дальнейшему развитию такой личности, как общество.

Думаем, что из трех предложенных вариантов этот является наиболее вероятным. Эта оценка связана прежде всего с оценкой времени существования культуры, а также со скоростью процесса выравнивания

положения мужчины и женщины. В сравнении со всем периодом существования человека оба этих этапа ничтожно малы. Поэтому женщина сможет сохранить свое женское начало к моменту достижения равенства. А потому нас¹⁴ ждут большие перемены.

Не лишним будет учесть, что здесь представлены рассуждения человека, являющегося такой личностью, как мужчина, хотя многие из высказанных здесь положений мы обсуждали с супругой Колычевой Любовью Ивановной. Я ей благодарен как за сопротивление, которое она оказывала ходу моих размышлений, так и за поправки, сделанные ею относительно моих рассуждений. Правда, автором настоящей статьи остаюсь только я, что и является частным проявлением мужского доминирования. Хотя окончательная редакция статьи остается за ней...

¹ Примерами нетрадиционного понимания времени являются: концепция ветвящейся Вселенной Эверетта, концепция причинной механики Н. А. Козырева и концепция трехмерности времени Р. Бартини.

² Здесь мы следуем традиционному взгляду на мировое развитие, когда человек понимается как венец глобального развития Вселенной. Согласно другим точкам зрения развитие мира не остановилось на возникновении человека, а пошло дальше до возникновения таких существ, которые также обладают мышлением, но отличаются от человека тем, как этим мышлением пользуются.

³ Данный пример может быть понят двояко: во-первых, как воздействие корнеплода на желудок; во-вторых, как воздействие желудка на корнеплод. Если мы примем вторую позицию, то весь случай будет иметь лишь характер воздействия человека на окружающую среду. Ошибочность данного рассуждения состоит в онтологическом отличии понятий «содействие» и «взаимодействие». Содействие имеет место не только в ситуации совместного действия одних на нечто другое, но и в ситуации единственности одного. В данном случае содействие выражается в воздействии одного на другое и в противостоянии этого другого первому одному. Воздействие и противодействие – это две стороны одного и того же процесса содействия.

⁴ В строгом смысле речь может идти не только о человеке, а о любых существах, обладающих мышлением.

⁵ Примером подобного использования этих понятий в политологическом анализе является концепция А. Бадью.

⁶ За исключением пустого множества, т. е. множества, не содержащего элементов. Множество, состоящее из одного элемента, является частным случаем множества. Поэтому отдельно взятый человек является личностью.

⁷ Нельзя не заметить, что название личностей терминологически совпадает с названиями понятий, в содержании которых подразумеваются множества людей.

⁸ Следует обратить внимание на то, что когда речь заходит о каком-либо разграничении в данной статье, то всегда имеется в виду постепенный переход от одного к другому, а - не резкое разграничение. Так в данном разграничении предчеловека и человека, по-видимому, элементы мышления были свойственны и предчеловеку, как это имеет место у некоторых животных.

⁹ При этом «появление» может означать как появление в результате биологической эволюции (когда предчеловек есть некогда существовавшее животное), так и в результате божественного творения (когда, например, во втором акте творения человека в Библии он создается из «праха земного», который и есть предчеловек). Если «прах земной» понимать метафорически (а не в буквальном смысле как «прах земляной»), например, как то, что было создано на Земле, включая животных, то нет противоречия между биологической эволюцией и божественным творением в вопросе возникновения человека.

¹⁰ Здесь следует отметить и роль смерти, как важного фактора регенерации общества. Поэтому необходимость смерти – это требование личности-общества, но не личности-человека.

¹¹ Например, одним из мотивов может быть поощрительный секс со стороны женщины; косвенным образом об этом свидетельствуют разные формы мужского (физиологического) и женского (психологического) оргазма.

¹² То, что женщин, занимающихся наукой, значительно меньше, нежели мужчин, объясняется не только тем, что женщина связана с телесным воспроизводством общества, или с тем, что мужчины препятствуют проникновению ее в эту сферу человеческой деятельности, но в первую очередь с мужским характером научного мышления.

¹³ Такой пересчет представляет значительную проблему, главным здесь опять оказывается выбор оснований, т. е. выбор критериев оценки.

¹⁴ Здесь «нас» можно понимать и как «нас мужчин», и как «нас людей», т. е. и мужчин, и женщин вместе взятых.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Неожиданная ожидаемая книга

Орлова Н.Х. Антропология пола и брака в христианстве: Монография. СПб.: Изд-во «Мирь», 2006. – 305 с.

Эта книга должна была появиться рано или поздно. Посвящена она одному из сложных вопросов современной социогуманитарной и богословской мысли – христианской антропологии пола и брака в ее отношении к развитию европейской философии и культуры в целом. При всей очевидности данной проблемы, затрагивающей архетипические пласты становления и развития европейского и отечественного самосознания, специальных исследований, написанных в «светском ключе», в отечественной литературе практически нет. Впрочем, и в западной традиции, если не считать работ собственно теологических (автором которых является, в частности, папа Иоанн-Павел II), такие работы пока не появлялись. Проблемами пола и брака много занимались и занимаются специалисты по гендерным исследованиям, социологи, психологи, медики, но и в этих работах проблема христианских воззрений на пол и брак находится на периферии рассмотрения (исключением здесь могут служить, пожалуй, некоторые психоаналитические концепции). Это тот парадоксальный случай, когда проблема была «забыта» вследствие ее мнимой очевидности. Между тем, без расшифровки тех нюансов, которые связаны с пониманием пола и брака в христианстве, вряд ли можно с полной достоверностью судить о том, какие реальные механизмы определяли эволюцию в данной сфере человеческих отношений на протяжении основных этапов становления европейской культуры.

Таким образом, в книге осуществлена попытка

включения в исследовательское поле современного философско-антропологического и историко-культурного знания богатейшего пласта христианской антропологии. Главная мысль автора - выявление реального процесса эволюции христианских взглядов на пол и брак. Н. Х. Орлова показывает, что именно этот процесс лежит в основании концепций пола и брака, складывавшихся в истории европейской культуры. Кроме того, акцент, сделанный на анализ богословских дискуссий по этой проблеме, позволяет автору преодолеть многие стереотипы «догматизированного» подхода к истории христианства. Такой исследовательский прием позволяет по-новому рассматривать многие проблемы, как в сфере философии культуры, так и в области современного религиоведения.

Книга трудна для восприятия. Но совсем не из-за сложности языка и стиля, которые у автора почти безупречны. Эта сложность проявляется в предисловии к книге. *«В процессе работы над материалом автор сознавал, – пишет Н. Х. Орлова – что среди возможных читателей этой книги могут быть люди как глубоко религиозные, так и атеистически настроенные. Первые, возможно, упрекнут автора за несколько «вольные» комментарии на отдельные места Библейских текстов <...> У вторых может вызвать некоторое недоумение усиленный акцент на изучение святоотеческого наследия и церковного правотворчества»* (С. 3-4). Поскольку рецензент не относит себя ни к той, ни к другой группе читателей, он смело может утверждать, что книга, скорее, полезна и тем и другим, поскольку помогает хотя бы частично снять кажущиеся непреодолимыми барьеры, которые существуют между религиозным догматизмом и светской тягой к свободе исследования. Конечно, углубленный богослов никогда не смирится с тем, что автор постоянно показывает творчество святых отцов в призме свободной богословской дискуссии (кстати, всегда снабжая «двусмысленные» места точными ссылками на авторство). Точно так

же и современный атеист вряд ли согласится принять богословскую аргументацию в таком «простом» и вполне светском деле, как отношения в сфере пола и брака. При этом, правда, он может покрывать свое неприятие «фидеизма» лозунгами защиты веры и церкви. Знакомая картинка?

Мы, как известно, живем в едином мире, насыщенном трагическими противоречиями. Сфера семьи, брака и пола должны объединять людей разных мировоззрений, а не разъединять их. Я думаю, что рецензируемая работа вполне отвечает этой задаче. Простую истину о необходимости взаимно уважительного отношения в сфере пола и брака давно осознали и западное богословие, и западная светская наука. Для нашей теоретической мысли, как это часто бывает, подобная постановка проблемы все еще в диковинку.

Книга состоит из двух глав. Первая глава «*Два пола – две стратегии*» посвящена основным религиозно-антропологическим концепциям, связанным с поисками места половой определенности человека в общей системе христианской антропологии. Наряду с анализом современных гендерных проблем, так или иначе базирующихся на философско-религиозных идеях, автор приводит интересный анализ дискуссий, возникших в средневековом богословии по вопросам пола и половой определенности человека. Н. Х. Орлова проявляет большую эрудицию в анализе различных интерпретаций известных библейских сюжетов (в частности, полового дуализма, детско-родительской парадигмы Ветхого Завета и др.), привлекая в этой связи материал из компендиума святоотеческого наследия, русской философско-религиозной мысли, структурной антропологии, психоанализа.

Вторая глава «*Идея брака в философско-религиозной традиции*» вводит читателя в круг проблем, связанных с эволюцией учения о половых и брачно-семейных отношениях. Именно эта идея является центральной в книге. Автор показывает, насколько сложными и неодно-

нозначными были эти процессы, даже если они затрагивали такие, казалось бы, очевидные вещи, как христианское таинство брака или же развод в призме проблемы церковного права. Автор не ограничивается традиционными интерпретациями (например, кьеркегоровский анализ жертвоприношения Авраама), а представляет здесь самый широкий спектр точек зрения, показывая «философическую состоятельность» полифонических трактовок известных ветхозаветных тем. Оригинальная позиция представлена практически во всех частях этой главы, но особое внимание привлекает эссе под названием «О чем молчал Адам?», в котором дан вариативный подход к, казалось бы, хорошо известному библейскому сюжету о грехопадении.

Следует ли сегодня игнорировать тот исторический опыт, который наработан в христианской традиции? Какие (возможно, противоположные) концепции формировались в европейской философии на фоне дискуссий о христианской антропологии пола и брака? Отвечая на эти вопросы, автор логически подводит нас к заключительной мысли о том, то *«идеал христианского брака недостижим именно в силу того, что требует от человека невероятных нравственных усилий»* (С. 292). Еще один парадокс? Несомненно. Вроде бы, как все просто, какие усилия! Сходи перед загсом в церковь и – «с преподобным преподобным будешь»... И мы наблюдаем сегодня, с какой легкостью наши соотечественники совершают таинство церковного брака, совсем не задумываясь о той мере ответственности, которая на них ложится. Точнее, даже не подозревая о ней. «Красивый обряд» – так думают многие. О результатах говорить не решаемся.

Н. Х. Орлова написала очень интересную и яркую книгу. Есть в ней, конечно, и недостатки. Но о них судить читателю. Я думаю, что автор должен продолжить работу над этой непростой и чрезвычайно актуальной темой.

Михаил Уваров

Новая книга словацких коллег

Musicologica Istropolitana VI., Stimul,
Братислава: Изд-во Marta Hulková, 2007 – 265 с.
ISBN: 978-80-89236-43-5

Мы представляем читателям альманаха «Парадигма» коллективный труд коллег из Братиславы. Поскольку одним из основных направлений деятельности нашего альманаха является история и философия музыки, интересно проследить вектор усилий словацких специалистов в области музыковедения.

Сборник научных статей кафедры музыковедения философского факультета Университета им. Коменского является органическим продолжением инициатив, целью которых можно считать представление международной научной общественности результатов музыковедческих исследований в Словакии. Основное внимание уделяется темам, которые относятся главным образом к музыкальному пространству Словацкой республики. Тем интереснее представляется стремление включить эти исследования в контекст зарубежной музыковедения. Особенно следует отметить заинтересованность словацких ученых в академических контактах с коллегами из России и стран бывшего СССР, которые развиты недостаточно, хотя влияние русской и советской музыки в Словакии значительно.

Статьи публикуются на английском и немецком языках и снабжены краткими резюме на словацком. В состав сборника вошли 9 работ.

Статья **Э. Веселовской** «*České notácie na Slovensku v 14. a 15. storočí*» систематизирует большое количество музыкальных памятников с характерными чертами чешской „невменной нотации“, найденных на территории современной Словакии. По сравнению с

источниками из других областей, их количество весьма значительно (всего 51 единица), что свидетельствует об интенсивных контактах с чешскими скрипториями. Следует отметить, что территория Словакии была в это время составной частью Венгерского королевства и Эстергомской архиепископии.

А. Шуба в статье «*Hudobný život v Liptovskom Hrádku na konci 18. a začiatkom 19. storočia*» представляет интенсивные музыкальные контакты провинциального городка в средней Словакии с немецкой музыкальной средой. Исследование основано на анализе коллекции памятников музыки из местного римско-католического костела. Этот вновь открытый фонд был включен в международную базу данных RISM (серия A/II), и его исследование продолжается.

Статья **А. Халупки** «*Bunka ako model a impulz pre skladateľa Ilju Zeljenku v 70. rokoch 20. storočia*» дает глубокий анализ использования «клетки» – модели большой и малой секунды в творчестве композитора И. Зельенки. Сходный подход встречается у других композиторов последней трети XX в., причем Зельенка поддерживал интенсивные контакты с советскими и русскими мастерами, среди которых, например, были Родион Щедрин, Альфред Шнитке, Арво Пярт, Гия Канчели и Эдисон Денисов. Музыка Зельенки находится на стыке авангардного подхода и традиционной обработки тематического материала.

Оценкой метода Фурье как математического способа для классификации и архивирования мелодий (прежде всего в области народной музыки) занимается в своей статье «*The classification of melodies with finite algebraic Fourier transformation – possibilities and limitations*» **М. Жабка**. На основании собственного опыта автор указывает на трудности и нерешенные проблемы, с которыми он столкнулся при использовании этого метода классификации.

Проблемы индийской музыки и ее исследования в словацкой музыкологии представляет **М. Дорная** в

статье «*The concept of evolution of the tone system in Indian classical music*». Автор стремится дать концептуальные контуры развития ладовой системы в классической индийской музыке. На фоне теории о «четвертьтонах» в статье анализируется теоретический концепт высокой музыкальной культуры в Индии.

Специальный раздел сборника посвящен народной музыке. О развитии словацкой этномузыкологии как одной из самых представительных областей исследования в контексте музыковедческих проблем Центральной и Восточной Европы говорит статья **Х. Урбанцовой** «*Research on Folk Songs tradition in Slovakia: Context and Results*». В исследовании народной песни в Словакии, по мнению автора, можно отметить два основных направления. Первым из них является акцентирование музыкальной структуры (текста и музыки песни), вторым – акцентирование многообразных проникновений песни в другие области культуры.

В контексте достаточно развитого в настоящее время интереса к музыке и культуре национальных меньшинств написана статья **А. Хриаделлова Пелле** «*Interetnické súvislosti svadobných nápevov maďarského etnika*». Она посвящена межэтническим связям в окрестностях словацкого города Нитра. Словацко-венгерские отношения постоянно являются предметом политических споров, но автор показывает, что в свадебных песнях влияние венгерской и словацкой народной музыки взаимно перекликается.

В статье «*Periodizácia dejín slovenskej populárnej hudby*» **И. Каянова** предлагает собственный взгляд на развитие популярной музыки в Словакии и пытается определить основные периоды ее истории. Статья побуждает к созданию интегрированной модели исследования и подчеркивает важность создания качественной научной периодизации как предпосылки для исследования категориальных понятий более высокого уровня.

Развивает идеи предыдущей статьи последняя публикация сборника (статья **И. Каяновой и Л. Заборской** «*Slovenská scéna world music*»). По мнению ее авторов, актуальным дополнением к исследованиям проблематики народной музыки является концепт так называемой «world music». В статье указывается на пять разных значений термина «world music» как одного из проявлений феномена постмодернизма в культуре. Анализируется проблема глобализации и взаимного проникновения народной и популярной музыки. Исследуется словацкая аудиопродукция в стиле «world music» (в течение 5 лет в Словакии издано 15 CD дисков). Авторы стремятся проанализировать развитие «world music» в Словакии в духе гегелевской схемы тезис – антитезис – синтез.

Сборник хорошо иллюстрирован нотными примерами и включает в себя богатую постатейную библиографию. Пожелаем его авторам новых творческих успехов.

Ладислав Бурлас, Михаил Уваров

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексенко Татьяна, Институт психологии и педагогики (Москва).

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Евлампиев Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского госуниверситета.

Ивашкин Сергей Николаевич, кандидат культурологии, доцент кафедры истории мировой культуры Института истории культур (Москва).

Кольчев Петр Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики.

Кульсеева Татьяна Гавриловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Курского государственного медицинского университета.

Латина Светлана Викторовна, ассистент кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Малышева Наталья Георгиевна, кандидат психологических наук, ассистент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова.

Науменко Анна Сергеевна, канд. психол. наук, доцент кафедры психологической диагностики и консультирования Южно-Уральский государственный университет, факультет психологии.

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского госуниверситета, руководитель

лаборатории постклассических гендерных исследований Центра «СОФИК».

Панов Сергей Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории мировой культуры Института истории культур (Москва).

Пырьянова Ольга Анатольевна, студентка философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург).

Серов Николай Викторович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Сташкунас Анна Александровна, и.о. зав. кафедрой истории искусства института декоративно-прикладного искусства (Санкт-Петербург).

Степченко Екатерина, студентка философского факультета Санкт-Петербургского госуниверситета.

Фалева Екатерина, студентка философского факультета Санкт-Петербургского госуниверситета.

Научное издание

Парадигма: философско-культурологический альманах
Выпуск 13

Главный редактор *М.С. Уваров*
Отв. редактор выпуска *Н.Х. Орлова*
Компьютерная верстка *Н.Х. Орловой*
Печатается без издательского редактирования

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 5.11.2009

Формат 60×84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,86. Заказ №

Издательство СПбГУ

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21

тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41